

ISSN 2522-1787

*Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка*

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 15

Донецк – 2021

Донецкий национальный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РУСИСТИКИ

Научный журнал

Выпуск 15

Донецк – 2021

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Ответственный секретарь – к. филол. наук **Н.В. Гладкая**

Члены редколлегии: д-р филол. наук, проф. **В. В. Фёдоров** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»), к. филол. наук, доц. **В.И. Мозговой** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **А.Н. Стебунова** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Г. Евсеева** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); к. филол. наук, доц. **Л.Т. Сенчина** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»); д-р филол. наук, проф. д-р филол. наук, проф. **В. М. Калинин** (ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»); **Г.Г. Слышкин** (ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет»).

Editorial Board:

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Executive Secretary – Candidate of Philology **N.V. Gladkaya**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philology, Prof. **V. V. Fedorov** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **V.I.Mozgovoi** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **A.N.Stebunova** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.G.Jevseeva** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N.Panchekhina** (Donetsk National University); Candidate of Philology, Associate Prof. **L.T.Senchina** (Donetsk National University); Doctor of Philology, Prof. **V.M. Kalinkin** (Donetsk National Medical University of Maxim Gorky); Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian University of Transport, Russian Federation); Doctor of Philology, Professor **V.I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University, Russian Federation)

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Протокол № 7 от 26.11.2021 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2021

ПАРАМЕТРЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДОНЕЦКОГО ЖУРНАЛИСТА

В статье рассматриваются параметры выявления языковой личности донецкого журналиста. Установлена взаимосвязь между спецификой речепорождения журналиста и его коммуникативными потребностями, социальными факторами, технологическими особенностями профессиональной деятельности. Определены уровни языковых средств, используемых в анализе языковой личности донецкого журналиста. Предложена идея параллельного функционирования языковой личности журналиста в официальном и неофициальном дискурсах.

Ключевые слова: языковая личность журналиста, массовая коммуникация, речевое воздействие

В филологии языковая личность (ЯЛ) как объект изучения рассматривается учеными с трех различных позиций. Первая — лингводидактическая — предполагает предметное обращение к изучению особенностей речи с целью выработки новых подходов в обучении языку и воспитании личности. Вторая — литературоведческая — основывается на рассмотрении особенностей языка художественных произведений. Третья — психолингвистическая — направлена на установление взаимосвязи между поведением человека и его речевой деятельностью. Однако кроме кросс-научных подходов существуют также собственно лингвистические исследования. Значительная их часть связана с разработкой моделей ЯЛ, определением места и роли ЯЛ в формировании языков и культур конкретных народов и народностей.

На этом фоне отдельного внимания заслуживают региолектные особенности языковых личностей. Изучение речи специалистов определенных областей человеческой деятельности позволяет выявить тенденции, свойственные группам населения, компактно проживающим на определенных территориях. Поэтому изучение языковой личности донецкого журналиста мы считаем актуальным. Определение ее особенностей лежит в поле функциональных исследований коммуникации, дает возможность выявить инструментальные аспекты речи в социальном взаимодействии индивидов. Целью нашей статьи является выявление параметров определения ЯЛ донецкого журналиста, как совокупности условий ее особенного функционирования.

Языковая личность журналиста испытывает три вида коммуникативных потребностей:

1. Контактустанавливающая. Основная задача специалиста сферы медиа — донесение актуальной и социально значимой информации максимальному числу адресатов за минимальное количество времени. Для этого необходимо установление стабильных каналов связи с аудиторией, использование речевых средств, способствующих дальнейшему диалогу с потенциальным потребителем контента.

2. Информационная. Позиция автора (журналиста) в теории журналистики ограничивается фактом. Однако в процессе речепорождения невозможно достичь абсолютной объективности и непредвзятости. Поэтому зачастую ключевая задача медийщика — донести до своей аудитории определенные тезисы, ранее потребителям информации неизвестные, а также те, которые вызывали у аудитории вопросы и активно обсуждались.

3. Воздействующая. Мнение автора-журналиста посредством СМК становится достоянием общественности. Дефицит достоверной информации, с одной стороны, и обилие каналов передачи сообщений, рассчитанных на массового читателя, слушателя или зрителя, с другой, существенно усложняют формирование конкретного мнения журналистом. Однако использование определенных коммуникативных тактик способствует достижению целей, поставленных специалистом сферы медиа.

Указанные коммуникативные потребности напрямую связаны с особенностями процесса взаимодействия журналиста и потребителя контента: формирование устойчивой коммуникации, интерактивное непрекращающееся взаимодействие (ограниченное только временем существования канала коммуникации), влияние на перцептивную функцию аудитории.

Следует отметить, что изучение языковой личности донецкого журналиста осложнено рядом социальных и политических факторов. В 2014 году общественная парадигма Донбасса подверглась серьезным трансформациям, что не могло не сказаться на деятельности местных СМИ и журналистов. Во-первых, появились новые медийные организации, а также в отрасль пришло большое количество специалистов, имеющих небольшой опыт работы в медиа или вообще не обладающих таковым. Во-вторых, развернулась и интенсифицировалась информационная война, оказавшая воздействие на появление новых языковых реалий, стимулировавшая журналистов использовать слова и словосочетания, несвойственные употреблению в традиционных медиа. В-третьих, существенно возросла доля новых медиа, к числу которых относятся социальные сети различных типов, мессенджеры и т. д. Почти все активные журналисты, кроме выполнения традиционных медийных функций, ведут собственные блоги, развивают персональные аккаунты других типов (например, создают телеграм-каналы). Порождаемые ими высказывания обладают спецификой, которая позволяет выделить языковую личность донецкого журналиста или даже языковую личность донецкого интернет-журналиста, журналиста-блогера, телевизионного журналиста, радиожурналиста и т. п.

Заметим, языковая личность не может быть изучена без учета среды, в которой она осуществляет коммуникативную деятельность. Журналист — социально-заказанная профессия, его деятельность во многом определяется теми потребностями, которые испытывает конкретное общество. К примеру, в рамках информационного противодействия мы можем наблюдать противоположные позиции в отношении оценки одних и тех же фактов у журналистов, освещающих конфликт в разных информационных пространствах. Однако во всех случаях можно наблюдать активное ознакомление потребителей контента с представленными им публикациями.

Следует также отметить влияние технологий на речевую деятельность журналиста. Профессионалы, работающие в СМИ различных типов и тематических направлений, используют разные языковые средства. Можно выделить три ключевых вектора в этом отношении: тематический, технологический и официозный.

Обратим внимание на позицию Г. И. Богина [1]. По его мнению, ЯЛ может быть изучена только при условии, если будет определена социальная среда, в которую погружена ЯЛ. Так, социум воздействует на профессиональную деятельность журналиста, определяет его процесс познания окружающей действительности и ретрансляцию информации, собранной в ходе наблюдений. Специалист сферы медиа принимает во внимание не только имеющиеся в его арсенале технологии, но и специфику аудитории, на которую направлен производимый им контент.

Данная ситуация предполагает использование комплексного подхода в изучении ЯЛ журналиста. В противном случае получить четкое представление о ней будет просто невозможно. Для глубинного понимания сути осуществляемых журналистом коммуникативных действий следует установить его прагматические установки, детально изучить картину мира, сформулировать ценностные ориентиры.

В работе медийщиков бывает сложно разграничить высказывания, которые порождены естественным образом, как реакция на происходящие события и манипулятивные

сообщения. Однако на представление о речевой деятельности языковой личности журналиста данный аспект воздействия не оказывает.

На примере языковых единиц, выделяемых Якелем А. О. [6] в качестве средств информационного воздействия, можно сформировать первичную парадигму языковых средств, свойственных ЯЛ журналиста. Так, исследователь выделяет графические, лексико-семантические и семантико-синтаксические единицы. К первой категории относятся типографские способы привлечения внимания реципиентов информации. Контакт устанавливается благодаря кеглю (в тех случаях, когда СМИ позволяет работать с данным параметром), начертаниям, трекингу, цвету символов, использованию эмоджи. К тому же отдельного внимания заслуживает применение кавычек для выделения слов и словосочетаний, как понятий, на которых автор сообщения хочет заострить внимание.

Якель А. О. акцентирует внимание на том, что наиболее распространены лексико-семантические средства воздействия на массовую аудиторию. Манипуляторы помещают слова и словосочетания в контекст несвойственный их употреблению, намеренно нарушают правила стилистики, замещают нейтральную лексику на коннотативно-окрашенную. Последовательное обращение к таким речевым приемам формирует у аудитории заданное отношение к явлениям окружающей действительности, не позволяет потребителям контента самостоятельно делать выводы из получаемой информации. Как мы уже писали выше, это способствует реализации воздействующей потребности журналиста, возможности не только донести, но и навязать свою точку зрения своим читателям, слушателям, зрителям.

Однако не стоит исключать того, что воздействие может быть ненамеренным. Обычно журналисту свойственна эмоциональная выразительность, актерство, харизматичность. В таком случае высказывания, порожденные специалистами сферы медиа, не являются манипулятивными. Так, «творческая энергия автора направлена на активное использование стилистических приемов, акцентирующих новизну проблематики, подчеркивающих ее злободневность и убеждающих потенциального адресата прочитать текст» [3, с. 120]. А это неотчуждаемая функция журналиста, способствующая его профессиональному успеху.

Наиболее сложными в анализе лингвистических особенностей языковой личности журналиста являются семантико-синтаксические средства. Воздействие, оказываемое ими, можно выявить, изучив целостное высказывание. Отдельно стоит отметить, что средствами информационного воздействия данной категории могут выступать отступления от правил коммуникативной логики в построении суждений и умозаключений.

Также следует выделить аспекты в формировании ЯЛ журналиста, которые выявлены Галепой М. А. [3, с. 120]:

1. Установки автора с идеологической позиции.
2. Композиция журналистского произведения.
3. Дискурсивное воздействие на речепорождение ЯЛ журналиста.

Еще одним элементом целостного восприятия языковой личности журналиста являются порождаемые им сообщения в формах обратной связи. Развитие новых медиа способствовало сближению производителей и потребителей контента. Поэтому кроме высказываний, созданных для массового распространения, как контент СМИ, имеют значения также интернет-комментарии и переписки журналистов в интернет-медиа.

Основываясь на классификации используемых журналистами языковых единиц, которая представлена выше, мы можем выделить три группы языковых средств, которые использует ЯЛ журналиста в процессе генерации контента для различных СМИ. Таким образом, вербально-семантический уровень ЯЛ журналиста представлен графическими, лексическими и синтаксическими средствами.

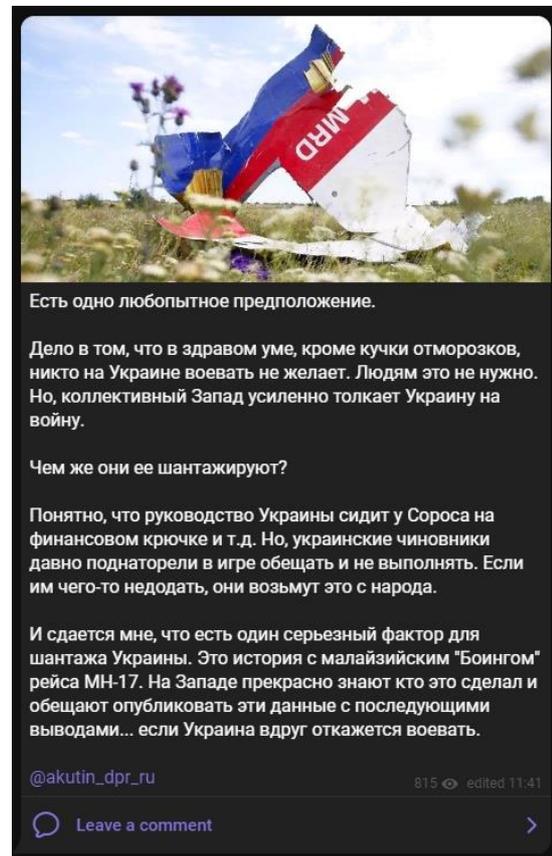
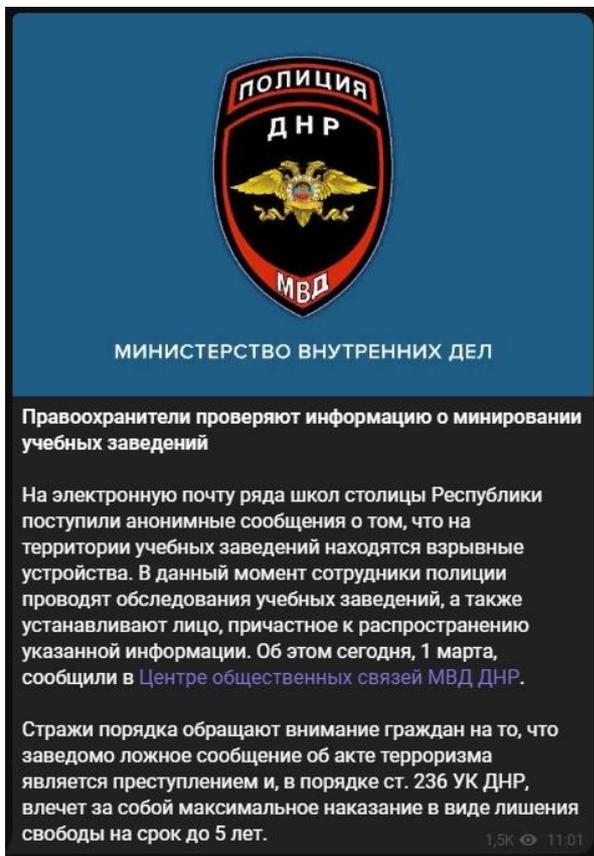

Рис. 1. Примеры реализации коммуникативного намерения ЯЛ донецкого журналиста в официальном и неофициальном дискурсе

Учитывая принятые в современной науке представления о языковой личности журналиста, указанные выше, можно сформулировать параметры определения языковой личности донецкого журналиста. Однако прежде чем перейти к непосредственному изложению данных тезисов, следует указать, что речевая деятельность донецких журналистов реализуется в двух условных дискурсах: официальном и неофициальном. Первый представлен текстами, созданными для распространения в официальных СМИ или на площадках, которые выполняют аналогичные функции. Второй состоит из высказываний, размещенных на личных платформах журналистов, не имеющих отношения к СМИ, в которых специалисты данных медиа работают, однако оказывающие не меньшее воздействие на аудитории, чем официальные СМИ. Следует также отметить, что к числу СМИ, относящихся к официальному дискурсу, в основном относятся государственные медиа, реализующие соответствующую информационную политику, когда неофициальные каналы могут отступать от общепринятых журналистских стандартов и этики.

Параметры определения языковой личности донецкого журналиста можно сформулировать как задачи процесса ее изучения:

1. Определение прагматических установок, исходя из картины мира, идеологических установок специалистов медиа и социального заказа. На наш взгляд, первичным в определении особенностей функционирования ЯЛ специалиста сферы медиа является среда, в которой она находится. Коммуникативные задачи журналиста связаны с аудиторией, для которой он работает. Журналист не может выполнять задачи, которые перед ним стоят при отрыве от потребителей контента, их информационных потребностей, определяемых социальной и политической ситуацией.

2. Анализ лингвистических особенностей ЯЛ донецкого журналиста на графическом, лексическом и синтаксическом уровне при изучении текстов, закрепленных в письменной форме, и на лексическом и синтаксическом уровне при изучении устной речи (языковые личности донецких теле- и радиожурналистов, а также журналистов-блогеров, создающих видео- и аудиоконтент). В данном отношении имеет значение технологический фактор,

используемые журналистом технические средства для выполнения профессиональных обязанностей.

3. Определение условий функционирования ЯЛ донецкого журналиста в официальном и неофициальном дискурсе. Специфика современных медиа позволяет создавать большое количество контента для размещения на разных площадках с круглосуточным доступом и возможностью обратной связи с аудиторией. Так как журналистская деятельность не всегда ограничивается информационной политикой изданий, следует учитывать различные сообщения, созданные журналистами в разных дискурсах. Также большое значение имеет использование манипулятивных тактик в рамках информационного противодействия, что также сказывается на выборе языковых средств донецкими медийщиками.

Таким образом для определения особенностей функционирования языковой личности донецкого журналиста необходимо определить нюансы среды профессиональной деятельности, выявить наиболее частотные особенности использования различных речевых средств трех уровней (графического, лексического и синтаксического), а также выяснить особенности дискурса, в котором ЯЛ донецкого журналиста реализует свои коммуникативные намерения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов.: дис. доктора филол. наук: 10.02.19 - теория языка / Богин Георгий Исаевич. - Ленинград, 1984. - 354 с.

2. Бурляй, А. С. Репрезентация прагматического уровня языковой личности журналиста ДНР в заголовках телевизионных сюжетов / А. С. Бурляй // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 года / под общей редакцией С.В. Беспаловой. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. – С. 76-78.

3. Галепя, М. А. Заголовки текстов парламентской журналистики: специфика и функции концептов / М. А. Галепя // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2(48). – С. 119-123.

4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Научное издательство ВГСПУ "Перемена", 2002. – 477 с. – ISBN 5-88234-552-2.

5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов ; Ю.Н. Караулов. – 3. изд., стер.. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – ISBN 5-354-00353-9.

6. Якель А. О. Массово-коммуникационный инструментарий новых медиа в формировании общественного мнения и сознания: дис. канд. филол. наук: 10.02.11 - русский язык; 10.01.10 - журналистика / Якель Алексей Олегович. - Донецк: ДонГУ, 2020. - 165 с.

7. Якель, А. О. Троллинговый комментарий как инструмент формирования отношения аудитории социальных сетей к инфоповодам / А. О. Якель // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2019. – № 4(61). – С. 108-113.

A. S. Burlaiy

THE DETERMINING PARAMETERS OF A DONETSK JOURNALIST LINGUISTIC IDENTITY

The article discusses the parameters of identifying the linguistic personality of a Donetsk journalist. The relationship between the specifics of the journalist's speech generation and his communicative needs, social factors, technological features of professional activity is established. The levels of language tools used in the analysis of the linguistic personality of the Donetsk journalist are determined. The idea of parallel functioning of the linguistic personality of a journalist in official and unofficial discourses is proposed.

Key words: *language personality of a journalist, mass communication, speech influence*

ОЦЕНОЧНЫЕ КОННОТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ДОНЕЦКОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются основные особенности и смысловые аспекты оценочного коннотирования языковых единиц различных стилевых уровней в донецкой городской речи. Предпринята попытка классификации оценочных коннотативных значений языковых единиц. Особое внимание уделяется ситуативным или контекстуальным оценочным коннотациям.

Ключевые слова: коннотация, вид коннотации, значение, созначение, языковая единица, номинация.

Настоящая работа представляет собой попытку классификации и первичного анализа смысловой специфики и количественного соотношения различных аспектов оценочного коннотирования языковых единиц, вошедших в раздел «Материалы к словарю донецкой речи» монографии «Донецкий региолект», являющейся коллективным трудом профессорско-преподавательского состава филологического факультета Донецкого национального университета [2].

Актуальность работы обусловлена объективной значимостью коннотативного значения языковой единицы для полноценного осмысления её роли и места в дискурсе в целом и в конкретной языковой картине в частности. В оценке указанной значимости мы согласны с утверждением А.В. Филиппова о том, что “коннотативные (...) значения слов столь же объективно закреплены за ними (воспринимаемы и воспроизводимы), как и понятийное содержание” [6, с. 60]. Следует отметить, что подобная точка зрения не уникальна в отечественном исследовательском поле, поэтому, обосновывая ее, можем сослаться также на мнение Н.М. Разинкиной [4] о социализированности конкретных коннотативных характеристик (в частности – эмоций), соотносимых с конкретными понятиями. Таким образом, эти элементы значения являются субъективными “только по своему происхождению, с точки зрения их психологического генезиса, но в реальной действительности они существуют как объективные свойства языковых знаков” [4, с. 17]. Идею константности коннотации и ее объективной соотнесенности с понятийным содержанием значения языковой единицы подтверждает и В.И. Шаховский, отмечающий в одной из своих работ: “мы понимаем и чувствуем одновременно, так как оцениваем и переживаем одновременно с называнием объекта оценки” [8, с. 17].

Оценочная коннотация выбрана нами для рассмотрения как базовая, а порой и первопричинная составляющая коннотативного значения языковой единицы, поскольку именно из оценочного отношения говорящего к объекту речи вытекают эмоциональные, экспрессивные и стилистические характеристики номинации этого объекта. Существенные для обоснования нашего выбора положения о природе коннотации и ее месте в лексическом значении слова изложены в монографии А.С. Зеленько [3]. Определяя природу коннотации, исследователь выделяет в качестве ее “стержня”, формирующей основы оценочный компонент [3, с. 114] и обосновывает свою позицию следующим образом: “Понятие коннотативности сопряжено с понятиями эмоциональности, экспрессивности, оценки, а соответственно и чувственности. Различение эмоций базируется на биологически-генетической подоснове – различении полезного и вредного, а те, в свою очередь, на подсознательном конкретно-образном уровне восприятия реального мира трансформируются в хорошее и плохое” [3, с. 112]. “Различению хорошего и плохого, красивого и некрасивого у субъекта-человека предшествует, – по мнению А.С. Зеленько, – различение полезного и вредного у высших приматов и животных” [3, с. 117]. Иными словами, ключевым в процессе

формирования коннотации исследователь считает ее оценочный компонент. Именно из оценки возникает эмоция, детерминирующая, в свою очередь, содержание коннотации сформировавшейся, как существенного компонента лексического значения.

Подобной точки зрения придерживается также А.П. Вестфальская, которая обозначает её следующим образом. «Оценка сопряжена с коннотацией и составляет её основу. Положительный или отрицательный оценочный элемент является определяющим компонентом коннотации и обусловлен не только веками сложившейся системой нравственной культуры каждого народа, но политической и идеологической платформой конкретного государства на определенном этапе его развития» [1]

Рассматривая коннотативные особенности территориально маркированных языковых единиц, нельзя не упомянуть о социокультурной коннотации, также обширно присутствующей в отечественном исследовательском поле. Интересной и достаточно аргументированной представляется точка зрения М.А. Тульновой [5], рассматривающей социокультурную коннотацию слова в практическом – лексикографическом – приложении. Исследовательница обоснованно указывает на существенную значимость контекстуального окружения в коннотировании языковой единицы как составляющей фразовой (текстовой) семантической целостности, акцентируя внимание на дифференциации ингерентной (узуальной) и адгерентной (контекстуальной) коннотаций слова. [5, с. 85].

И наконец, помня о том, что любая оценка в той или иной мере субъективна, следует отметить, что коннотация трактуется ещё и как семантическое выражение психического состояния говорящего, а также его отношение к предмету, объекту и адресату речи. В этом случае коннотация означает, по мысли В.И. Шаховского, «совокупность предикативных, то есть – характерологических, компонентов семантики слова, соотносящихся с областями чувственной и рациональной квалификации денотата» [7, с. 12].

Переходя к анализу языкового материала, отметим, что в данном случае невозможно ограничиться традиционным спектром оценочных характеристик «позитивность / негативность / нейтральность», поскольку в рамках словарных статей, а порой, лишь их заготовок мы в большинстве случаев имеем дело с узуальными значениями языковых единиц. В контексте же реализация этих значений вариативна, в том числе и в части оценки. Какова, например, оценочная коннотация номинации *«специалист»*? Узуально она, очевидно, нейтральна, так же, как и терминологически, то есть, для обозначения квалификации в документе о полученном высшем образовании. Однако во фразе *«Мне рекомендовали вас как специалиста»* наблюдаем контекстуальную позитивную оценочность, а в известной строке Владимира Высоцкого *«Стукнул раз — специалист, видно по нему!»* — негативную. Что же касается исследуемого нами языкового материала, то значительная его часть демонстрирует оценочную неоднозначность уже в узусе. Поэтому для первичной классификации нами используется категориальный спектр «позитивность / негативность / нейтральность / вариативность».

Количественное соотношение в данном случае выглядит следующим образом. Из общего числа – 680 языковых единиц (и полных либо фрагментарных словарных статей) наиболее широко представленной является категория нейтральной оценочной коннотации (нейтральной оценки) – 353 языковых единицы или 51,92%. Второй по численности является категория негативной оценки – 217 языковых единиц или 31,91%. Категория позитивной оценки представлена всего 15 языковыми единицами, что составляет 2,20%. При таком разительном контрасте, на наш взгляд, следует акцентировать внимание на том факте, что исследуемый языковой материал есть по сути промежуточная рабочая выборка, а потому в принципе не является статистически репрезентативным для концептосферы донецкой городской речи ни в каком смысле, включая оценочность. Весьма вероятно также, что данное процентное соотношение обусловлено текущей социально-политической ситуацией в нашем регионе. Категория вариативной оценки представлена 95 языковыми единицами, что составляет 13,97%. Описанное количественное соотношение может быть представлено следующим образом.

Рассмотрим более подробно категории оценочно маркированных языковых единиц. Категория позитивной оценки представлена следующими смысловыми блоками языковых единиц.

1. Денотативно обусловленное одобрение.

- *Гуляться*, несов. Гулять, играть, отдыхать. *Пойди погуляйся на улице.*
- *Густо*, нар., КС. Много.
- *Замолодь*, -и, ж. Что-то приятное, вкусное, доставляющее удовольствие.
- *Затишный*, -ая, -ое. Тихий, укромный.
- *Играться*, несов. Гулять где-л., играть. *Наши дети играют во дворе.*
- *Нештяки*, -ов, мн. 1. Что-то приятное. 2. Вкусные блюда.
- *Удаваться*, несов. Даваться. *Ему хорошо удавалась физика.*

2. Морально-этическое одобрение.

- *Без балды*. По правде сказать, не шутя.
- *Путёвый*, -ая, -ое. Путный, такой, какой надо, нормальный. *Он путёвый, зря ты на него наговариваешь.*

3. Социально-коммуникативное одобрение.

- *Зёма*, -ы, общ. Земляк.
- *Кабанчиком*, нар. Быстро.
- *По-шустрику*, нар. Быстро.

Вторая и третья языковые единицы отнесены к данному смысловому блоку, поскольку одобряемое качество, как правило, актуально в контексте социальных взаимодействий.

4. Одобрение, выраженное уменьшительно-ласкательными формами языковых единиц.

- *Бубочки*, -чек, мн. Уменьш. к *бубки*.
- *Кавунычка*, -и, ж. То же, что *кавунича*.
- *Холодчик*, -а, м. Уменьш. от *холодец*.

В категории негативной оценки наиболее репрезентативными являются следующие смысловые блоки, каждый из которых мы проиллюстрируем несколькими семантически показательными, на наш взгляд, примерами.

1. Социально-коммуникативное неодобрение.

- *Базикать*, несов. Рассказывать небылицы. *Шо ты базикаешь?*
- *Бокопор*, -а, м. Тот, кто бокопорит.
- *Бокопорить*, несов. Портить, некачественно выполнять какую-л. работу.
- *Бычка*, -и, общ. Агрессивный человек.
- *Выбражуля, вображуля*, -и, общ. Воображала, зазнайка.
- *Маячня*, -и, ж. 1. Пустая болтовня, бред. 2. Беготня, суета, хлопоты.
- *Накидывать*², несов. Прививать.
- *Халамбалам*, -а, м. Околесица.
- *Чи не чи*. В значении «можно подумать».

2. Статусное неодобрение.

- *Бурса*, -ы, ж. Профессионально-техническое училище.

- *Бурсит*, -а, м. То же, что и *бурса*.
 - *Индус*, -а, м. Перевозчик, обычно на личном транспорте.
 - *Кончелыга*, -и, м. Запущенный, неприятный человек.
 - *Лоховоз*, -а, м. Автобус, троллейбус.
 - *Нахаловка*, -и, ж. Самострой.
 - *Сарай*, -я, м. Автобус, троллейбус.
3. Социально неодобряемое поведение
- *Бухнуть*, сов. Выпить (о спиртном).
 - *Гоцалки*, -ок, мн. Танцы, дискотека. В данном случае контекст социального неодобрения актуален главным образом для людей старшего поколения, которым подобные развлечения уже чужды. Т.е. можно услышать «*Опять на свои гоцалки собираешься?*» Но вряд ли возможна фраза «*Я иду на гоцалки*».
 - *Забульбенить*³, сов. Выпить спиртного.
 - *Шалапендра*, -ы, ж. Непутёвая девица.
4. Физический негатив.
- *Мелкотня*², -и, ж. Мелкие фрукты.
 - *Бормотуха*, -и, ж. Дешёвое вино.
 - *Ветруган, ветрюган*, -а, м. Сильный ветер.
 - *Гольй*, -ая, -ое. Без верхней одежды. *Куда ты голый? Холодно на дворе.*
 - *Пешкарюсом, пешкарусом*, нар. Пешком.
 - *Ухайдокать*, сов. Разрушить.
5. Денотативно обусловленное неодобрение
- *Болячка*, -и, ж. 1. Ранка, язва. 2. Болезнь.
 - *Бухнуться*, сов. Упасть.
 - *Бухыкать*, несов. Кашлять.
 - *Вваливать*, несов. Бить, наказывать.
 - *Выдохнуть*, сов. Поумирать.
 - *Кабысдох*, -а, м. Худая, запаршивевшая собака или кошка.
6. Комплексные негативные коннотации.
- *Мелкотня*¹, -и, ж. Маленькие дети. (физически и коммуникативно незрелые особи)
 - *Бутор*, -а, м. *Устар.* Нечто отвратительное, несъедобное, иногда вообще что-то плохое. (негатив физического, коммуникативного либо поведенческого характера)
 - *Гапльк*, -а, м. Конец, провал. (физическое уничтожение либо коммуникативная неудача)
 - *Забуриться*², сов. 1. Замешкаться с работой. 2. Попасть куда-нибудь не туда, забраться в труднодоступное место. 3. *Перен.* Погрузиться в веселье. (комплексность обусловлена полисемией)
 - *Кулёма*, -ы, общ. 1. Небрежно одетый. 2. Недотёпа. . (комплексность обусловлена полисемией)
 - *Порожняк*, -а, м. 1. *Шахт.* Пустые вагонетки. 2. *Перен.* Пустые разговоры и обещания. (комплексность обусловлена полисемией)

Однако наибольший исследовательский интерес с точки зрения категоризации и смыслового разнообразия вызывают, на наш взгляд, вариативные оценочные коннотации. Они представлены в исследуемом языковом материале следующими смысловыми блоками.

1. Субъективно оценочный контекст (знак оценки детерминируется мнением говорящего) – 61 языковая единица или 65,26% от общего числа языковых единиц с вариативной оценочной коннотацией.

2. Полисемия (разные значения полисеманта имеют различную оценочную коннотацию) – 22 языковые единицы или 23,16%.

3. Внеязыковой контекст (оценочная коннотация обусловлена внеязыковыми факторами) – 8 языковых единиц или 8,42%.

4. Идиоматический контекст (оценочная коннотация относится к идиоме, в состав которой входит языковая единица) – 3 языковые единицы или 3,16%.

Описанное количественное соотношение может быть представлено следующим образом.

Рассмотрим каждый из блоков на наиболее репрезентативных примерах, для краткости обозначая оценочные коннотации знаками: «+» - позитивная, «-» - негативная, «=» - нейтральная.

В блоке «Внеязыковой контекст» представлены варианты оценочности «+/-» и «-/=». Для второго варианта это всего одна языковая единица.

- *Заголить*, сов. Оголить. «-» заголить неподобающую часть тела; «=» заголить, т.е. освободить от изоляции электрический провод в процессе электромонтажных работ.

Вариант «+/-» можно проиллюстрировать следующими примерами.

- *Базарное масло*. Подсолнечное масло домашнего производства, продающееся на рынке. «+» купленное у известного покупателю продавца, домашнее, следовательно, качественное; «-» купленное у неизвестного покупателю продавца, на стихийном рынке, непрофессионального производства, следовательно, сомнительного качества.

- *Выхолаживаться*, несов. 2. Остужаться (о еде). «+» компот выхолаживается в холодильнике, становясь вкуснее; «-» суп выхолаживается в тарелке, становясь менее вкусным.

- *Жилиться*, несов. Напрягаться. Оценка зависит от результата: «+» жилиться и добиться результата; «-» жилиться безрезультатно, напрасно.

- *Тю*, межд. Знак удивления, разочарования, негодования. «+» приятное удивление; «-» разочарование, негодование. Данная языковая единица отнесена нами к этому смысловому блоку, а не к полисемии, поскольку междометие означает, но не называет эмоциональную реакцию, причины же таковых реакций являются внеязыковыми.

В блоке «Субъективно оценочный контекст» представлены варианты оценочности «+/-», «+/-/=», «=-/-» и «=/+». В общем виде весь этот блок можно охарактеризовать единой формулировкой: знак оценки зависит от личного отношения говорящего к объекту речи.

Вариант «+/-» можно проиллюстрировать следующими примерами.

- *Буцматый*, -ая, -ое. Устар. Крепыш, крепко сбитый, жилистый, подтянутый. В данном случае нам известно ещё одно значение этой номинации: широколицый, щекастый, мордатый (о человеке или животном). И это значение может быть субъективно использовано как для позитивной, так и для негативной оценки.

- *Ветродуи*, -я, м. Обогреватель с вентилятором. Оценка зависит от отношения говорящего к создаваемому прибором климатическому эффекту:

Купил ветродуй, буду греться. Выключи свой ветродуй, у меня от него в горле першит.

• *Выгудзёливать*, несов. Устар. Делать что-то тщательно. *Выгудзёливать рубашку (выглаживать). Такая аккуратистка - каждый шов выгудзёливает. Люблю трикотаж: постирал и выгудзёливать не надо.*

• *Говоруха*, -и, общ. Болтун, разговорчивый человек. Оценка зависит от отношения говорящего к гиперкоммуникативности собеседника. *Она такая говоруха – с ней радио не нужно. Такая говоруха, что голова от неё болит.*

• *Гудёж*, -а, м. Веселье, пьянка, вечеринка. *Закатили гудёж и знатно повеселились. У соседей сверху гудёж – потолок дрожит.*

• *Мехарь*, -я, м. Большая сумка. *Основательный мехарь, всё в него влезет. Да я ж этот мехарь не подниму!*

Вариант «+/-/=» можно проиллюстрировать следующими примерами.

• *Подкрадухи, подкрадух*, мн. Бесшумные, мягкие туфли, обувь в целом. *Купил себе подкрадухи. Хорошие подкрадухи, мягкие. Стрёмные у тебя под крадухи: не слышно, как ты подходишь.*

• *Постряпушки*, -ек, мн. То же, что *готовка*. *После работы займёмся постряпушками. Постряпушки удадись. Лесом такие постряпушки – это даже кошка не ест.*

• *Шавуха*, -и, ж. Шаурма. *На углу продают шавуху. Шавуха что надо. Шавуха – отстой.*

Вариант «=/-» можно проиллюстрировать следующими примерами.

• *Дитё* (тв. п. *дитём*), с. Ребёнок. *Посиди с дитём. Он ещё дитё, ничего не соображает.*

• *Клава*, -ы, ж. 1. Социальный автобус. 2. Троллейбус. *Доехал на клаве. На клаве одни лохи ездят.*

• *Кучковаться*, несов. Собираться в группу, толпиться. *Кучкуемся у входа. Хорош кучковаться, дайте пройти!*

• *Ходить*, несов. Встречаться (об отношениях между молодыми людьми). *Они ходят уже полгода. Они расписаны или так ходят?*

Вариант «=/+» можно проиллюстрировать следующими примерами.

• *Кавуниха*, -и., ж. Арбуз, определяемый покупателями как «кавун-девочка», немного сплюснутый и широкий в нижней части, с большим пятнышком напротив хвостика, очень сладкий. *Купил кавуниху. Кавуниха вкусная, сладкая.*

В блоке «Полисемия» представлены варианты оценочности «+/-», «=/-» и «=/+».

Вариант «+/-» можно проиллюстрировать следующими примерами.

• *Охолонуть*, сов. 1. Остыть. 2. Замёрзнуть. *Квас охолонул, хорошо. Я охолонул, аж посинел.*

• *Пакован*, -а, м. 1. Тяжёлый пакет. 2. Упаковка наркотиков. *Скупился в супермаркете, здоровый пакован набрал. Заметут тебя с этим пакованом – надолго сядешь.*

Вариант «=/-» можно проиллюстрировать следующими примерами.

• *Боковушка*, -и, м. 1. Боковая спинка у кровати. 2. Боковая полка в плацкартном вагоне. *Боковушка у этой кровати деревянная. Ехать на боковушке неудобно.*

• *Коптёрка*, -и, ж. 1. *Шахт*. Место отдыха рабочих на производстве, место для переодевания. 2. Маленькая, тесная подсобная комнатка. *Рабочие отдыхают в коптёрке. В этой коптёрке не развернуться.*

• *Лузга*, -и, ж. 1. Шелуха семечек подсолнечника. 2. общ., перен. Никчёмный человек. 2. собир., перен. Никчёмные люди. *Сплёвывать лузгу. Живёт же на свете такая лузга*

• *Халабуда, -ы, ж.* 1. Детский шалаш из подручных материалов. 2. Ветхое жильё. *Детвора играет в халабуде. Эта халабуда скоро развалится.*

Вариант «=/+» можно проиллюстрировать следующими примерами.

• *Зажига, -и, ж.* 1. Зажигалка. 2. *Перен.* Быстро возбуждающийся, экспрессивный человек. *Дай зажигу. Такой зажига – с ним не соскучишься*

• *Бутылёк, -лька, м.* 1. Маленькая банка. 2. *Шахт.* Как правило, шахтёрские посиделки с крепкими алкогольными напитками. *Бутылёк с водой. Сообразили бутылёк – все в зюю.*

В блоке «Идиоматический контекст» представлены варианты оценочности «=/-» и «+/-/=», каждый из которых ввиду малочисленности блока может быть представлен одним примером.

«=/-» *Босый, -ая, -ое.* Босой, не обутый. *Хожу босый весь день, потому что тепло.* Негативная коннотация обусловлена присутствием именно этого варианта слова в идиоме *Голый и босый.*

«+/-/=» =+- *Гусак, -а, м.* 1. Гусь. 2. *Шахт., уст., перен.* Угощение, выставяемое виновником торжества для совместного празднования. *Выставит гусака. Гуска, -и, ж.* Гусыня. Наименование птицы оценочно нейтрально. В случае идиоматического словоупотребления оценочность зависит от отношения говорящего к означенной традиции.

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что в рассмотренной выборке образцов донецкой речи присутствует весь базовый спектр оценочных коннотаций, следовательно, дальнейший качественный анализ данной проблемы может быть целесообразен как самостоятельное тематическое исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестфальская А.В. Оценка и коннотация: современные подходы [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2015. Том 2. № 3. С. 3–11. doi:10.17759/langt.2015020301
2. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, И.А. Кудрейко и др.; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО "НПП" Фолиант", 2018. – 265 с.
3. Зеленько А. С. Основи лексикології (під кутом зору теорії лінгвістичного детермінізму). – Луганськ: Альма-матер, 2003. – 180 с.
4. Разинкина Н.М. Стилистика английской научной речи. Элементы эмоционально-субъективной оценки. – М.: Высшая школа, – 1972. – 153 с.
5. Тульнова М.А. Социокультурная коннотация слова в контексте иллюстративного примера словарной статьи // Языковая личность: проблемы креативной семантики. – Волгоград, 2000. – С. 84-90.
6. Филиппов А.В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. – 1978. – №1. – С. 57-63.
7. Шаховский В.И. К типологии коннотации // Аспекты лексического значения. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 1982. – С. 12-18.
8. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 1987. – 178 с.

M.G. Yevseyeva

EVALUATIVE CONNOTATIONS IN THE MODERN DONETSK SPEECH

The article considers the main features and semantic aspects of the evaluative connotation of language units of various stylistic levels in the Donetsk city speech. An attempt is made to classify the evaluative connotative meanings of language units. Special attention is paid to situational or contextual evaluative connotations.

Key words: connotation, type of connotation, meaning, connotation, language unit, nomination.

**ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАФИКСАТОВ-ЭРГОНИМОВ
НИЖЕГОРОДСКОГО РЕГИОНА**

В статье рассматривается лингвокреативный потенциал графиксатов-эргонимов Нижегородского региона. Выделены и описаны номинации, созданные с помощью таких видов графиксации, как монографиксация, полиграфиксация, кодографиксация, типографиксация. Установлено, что для оказания большего воздействия на потенциальных потребителей неймеры используют несколько приёмов графического словообразования в одном эргониме.

Ключевые слова: эргоним, монографиксация, полиграфиксация, кодографиксация, типографиксация.

Современная реклама – это пространство для проявления лингвокреативных способностей неймеров. Это связано с тем, что для привлечения внимания потенциальных покупателей к заведению номинаторы, как правило, дают фирме оригинальное и запоминающееся имя. Е.С. Кара-Мурза пишет: «На переполненном рынке товаров и услуг их производителям и продавцам приходится бороться за деньги покупателей, используя разные маркетинговые инструменты» [2, с. 356].

Необходимо отметить, что для описания рекламного имени исследователи употребляют следующие термины: «трапезоним», «фирмоним», «эргоурбоним» и др. В данной работе мы будем использовать термин «эргоним» и понимать под ним коммерческое имя, наименование услуги. Нельзя не согласиться с Т.В. Шмелёвой в том, что «задача городской ономастики – не культивирование терминов, а постижение современного ономастикона городов» [11, с. 31].

Ярким примером лингвокреативного мышления имядателей являются эргонимы, созданные с помощью графиксации. Под графической игрой мы понимаем использование в новых номинациях прописных букв, дефисов, скобок, многоточий и т.д. Графиксаты-эргонимы помогают носителям языка оперативно находить нужное заведение, отражают, как правило, функции фирмы, привлекают внимание потенциальных клиентов.

Цель исследования – проанализировать лингвокреативный потенциал графиксатов-эргонимов Нижегородского региона.

Материал исследования – графиксаты-эргонимы Нижнего Новгорода, собранные автором на различных информационных сайтах («Афиша», «Tripadvisor», «2ГИС» и др.).

В работе использовались следующие методы исследования: описательный с приёмами наблюдения, обобщения и систематизации материала, структурно-семантический, словообразовательный.

Большой вклад в изучение эргонимии внесли О.С. Иссерс [1], И.Н. Пономаренко [4], Р.В. Разумов [6], Т.А. Сироткина [9], Т.В. Федотова [10] и др.

Используя терминологию Т.В. Поповой [5], рассмотрим на материале эргонимов Нижегородского региона виды и приёмы графического словообразования.

Так, разновидностью графиксации является монографиксация. Её суть заключается в том, что неймеры создают новообразования с помощью графических средств одного языка. Монографиксация реализуется в таком приёме, как апострофизация (разбиение лексемы апострофом на части): зоомагазин *Ле'Муррр*, зоомагазин *FISH'ka*. Первый пример, казалось бы, состоит из одного слова *лемур*. Однако с помощью апострофа имядатель выделяет часть *муррр*. Здесь имеет место подражание звукам, издаваемым кошкой. На наш взгляд, это

удачный рекламный приём, так как данное животное ассоциируется у большинства носителей языка с уютом и комфортом. Таким образом, неймеры доносят до потенциальных клиентов следующую информацию: «Покупайте товар в магазине “Ле’мурррр”. Ваш питомец будет доволен». Кроме того, для оказания большего воздействия на адресата номинаторы используют в данном названии такой приём, как грамма-редупликация (повтор буквы). Интерес для носителей языка представляет и второй пример. С одной стороны, эргоним *FISH’ka* образован с помощью транслитерации слова *фишка* средствами латиницы. Подобные наименования имитируют иностранные названия фирм, привлекают адресата своей броскостью. С другой стороны, апострофизация позволяет владельцам собственности выделить часть *FISH* (в пер. с англ. ‘рыба’), которая связана с объектом продажи.

Монографикация реализуется в таком приёме, как капитализация (выделение прописными буквами части номинации, совпадающей с узуальной лексемой). Так, особой экспрессивностью обладают псевдомотивированные новообразования: магазин автозапчастей и автотоваров *АВТОритетный* (*авто* + *авторитетный*), товары для праздника *ШАРашкина контора* (*шар* + *шарашкина (контора)*). В основе данного игрового приёма лежит переосмысление номинаторами словообразовательной структуры исходных слов. Подобные графиксаты-эргонимы участвуют в создании эффекта обманутого ожидания, вовлекают носителей языка в игру.

В Нижегородском регионе встречаются графиксаты-эргонимы, в которых неймеры выделяют не целое слово, а одну графему: зоомагазин *ЛанУшки*, турагентство *ТурГениев*. В первом примере для оказания воздействия на адресата номинаторы используют ещё такие приёмы графиксации, как цветографиксация (выделение букв цветом) и бодиграфиксация (замена буквы рисунком). Так, в названии зоомагазина *ЛанУшки* буквы *n* и *u* изображены иначе, чем все остальные: буква *n* заменена мордочкой кота, а буква *u* – мордочкой собаки. Отметим, что наложение рисунков животных на буквы имеет непосредственное отношение к деятельности фирмы. Кроме того, часть *Лан* выделена белым цветом, а часть *Ушки* – оранжевым. С помощью цвета и капитальных букв владельцы заведения обращают внимание потенциальных клиентов на начало второй лексемы в составе новой номинации. Таким образом, название зоомагазина *ЛанУшки* обладает мощным психолингвистическим потенциалом, остаётся в памяти носителей языка. Во втором примере с помощью капитальных букв неймеры выделяют слова *тур* и *гений*. Отметим, что часть *тур* непосредственно указывает на специализацию заведения (туристическое агентство). Однако интересен этот эргоним ещё и тем, что в названии турагентства использовано прецедентное имя *Тургенев*. Подобные графиксаты-эргонимы апеллируют к культурным знаниям потребителей, вызывают ассоциации у адресатов. Е.Ю. Позднякова пишет: «Использование прецедентных феноменов при образовании эргонимов обусловлено тем, что данные единицы обладают большой информационной ёмкостью» [3, с. 117].

Для создания креативных названий заведений неймеры активно используют такой вид монографикации, как релитерографиксация. Суть данного приёма графиксации заключается в том, что имядатели подражают древним способам написания. Так, в нижегородских эргонимах номинаторы, как правило, употребляют графему Ъ («ерь») в позиции конца лексемы после согласных. Мотивацию использования элементов дореформенной кириллицы можно найти на сайтах заведений:

– парикмахерская *ЦИРЮЛЬНИКЪ*: «Приятная атмосфера и максимум комфорта окружают Вас с первых минут пребывания в сети салонов “ЦирюльникЪ”. Мы знаем, что наши Клиенты имеют право на **наивысшее качество**» [<https://salon-hair.ru/about/>];

– трактир *ДЕГУСТАТОРЪ*: «Трактир “ДегустаторЪ” приглашает всех, кто любит вкусную, разнообразную кухню и приятную, располагающую к отдыху, обстановку. Заказав столик, или банкет, Вы непременно найдёте то, что ищете: **высокое качество, прекрасное обслуживание** и демократичные цены» [<http://degustator-nn.ru/>];

– туроператор *ВОДОХОДЪ*: «На протяжении 17-и лет мы организуем круизы с посещением самых интересных городов и локаций нашей страны, придерживаясь **незыблемых стандартов качества**» [<https://vodohod.com/>].

Как видно из примеров, включение номинаторами в эргонимы графемы Ъ способствует созданию образа качественного и надёжного бренда.

Для быстрого знакомства потенциальных клиентов со специализацией заведения неймеры используют в эргонимах квазифамилии: булочная *Хлебовъ*, магазин продуктов *МЯСНОВЪ*, пекарня *Пироговъ*. Исследователи пишут: «Среди квазионимов наиболее частотными являются русские квазифамилии, создающие национальный колорит исконно русского стиля» [7, с. 351].

Другой разновидностью графикации является полиграфикация (сочетание кириллицы и латиницы в пределах одного слова). Данный вид графического словообразования реализуется в таком приёме, как латинографикация (написание русской лексемы или её части английскими буквами): кафе *МОЛОКО* – «молоко», пекарня *TESTO* – «тесто», салон красоты *ZEFIR* – «зефир», студия красоты *BRILLIANT* – «бриллиант». На наш взгляд, с помощью транслитерации русских слов средствами латиницы неймеры избегают одноимённости с другими заведениями, выделяют фирму из ряда ей подобных.

Привлекают внимание потенциальных клиентов графикасы-эргонимы, в которых происходит замена отдельных кириллических букв латинскими: магазин автозапчастей и автотоваров *Отдел Запчастей*, магазин автозапчастей и автотоваров *Запчастиер*, магазин штор *Зона комфорта*, ночной клуб *Зажигалка*. Как правило, иноязычная литера располагается в начале слова. Однако в нашем материале встречаются случаи, когда иностранная буква находится, например, в середине лексемы: магазин парфюмерии и косметики *КРАСОТА*. Отметим, что в последнем эргониме для большего воздействия на адресата имядатель использует цветовыделение литеры *S*.

Заменяться латинским шрифтом может и часть русской лексемы: зооцентр *Gaff*, кондитерская *Шokoloveki*, магазин автозапчастей и автотоваров *АвтоROOM*, магазин мяса *ПЕЛЬМЕНNOV*, магазин спортивного питания *PROспорт*, салон красоты *флакON*, товары для мобильных телефонов *SmарТочка*, фотоуслуги *ФотоShop*, химчистка ковров *ХимКов*. Эргонимы с двойной графикой оказывают визуальное воздействие на адресата, выделяют заведение из ряда ему подобных.

В Нижегородском регионе номинаторы активно используют и нетранслитерированные названия: магазин белья и купальников *PINK ANGEL* («Розовый ангел»), магазин постельных принадлежностей *COZY HOME* («Уютный дом»), ресторан *RED WALL* («Красная стена»), салон красоты *DIVINE* («Божественная»), студия красоты *Red Baroness* («Красная баронесса»), студия современной красоты *White Clouds* («Белые облака»), товары для мобильных телефонов *Red Parts* («Красные части»). Как видно из примеров, в Нижнем Новгороде довольно часто встречаются эргонимы на английском языке. Однако в ономастическом пространстве города функционируют и наименования заведений на французском (кондитерская *Elite le dessert* («Элитный десерт»), ресторан *LE SOLEIL* («Солнце»)) и итальянском (кафе *La Vero* («Правда»)) языках. На наш взгляд, популярность названий на иностранных языках связана с престижностью всего заимствованного, интернационализацией общения.

Для создания оригинальных названий неймеры используют такую разновидность полиграфикации, как кириллографикация (написание иностранного слова русскими буквами): кондитерская *Пирожникофф*, остекление балконов и лоджий *БАЛКОНОФФ*, самогонное оборудование *САМОГОНОФФ*, химчистка *Марафетофф*. В данных эргонимах вместо русского суффикса *-ов* номинаторы употребляют иноязычный элемент *-офф*. Подобные наименования привлекают внимание потребителей, участвуют в создании комического эффекта. Однако множественность эргонимов с лингвокреативным элементом *-офф* (*-off*) начинает восприниматься носителями языка как штамп.

С целью привлечения внимания потребителей владельцы предприятий используют в эргонимах такую разновидность графикации, как кодографикация (создание новых номинаций с привлечением неалфавитных символов – цифр, рисунков, символов, интернет-знаков, смайлов и т.д.). Она реализуется в пиктографиксации. Суть данного приёма заключается в том, что одна или несколько букв в слове заменяются картинкой. Приведём примеры. Так, в эргониме *ШИНОМОНТАЖ* обе буквы *О* стилизованы под колёса, а в

названии аптеки *ФАРМАМАРКЕТ* вторая буква *А* изображена в виде доктора. Таким образом, рисунки, как правило, указывают носителю языка на сферу деятельности предприятия, вызывают эмоциональную реакцию у потенциальных клиентов.

В Нижегородском регионе неймеры активно создают эргонимы с помощью такого внеалфавитного элемента, как амперсанд (&). В английском языке данный типографический знак заменяет союз *and* и сокращает длину рекламного имени. В русских же текстах амперсанд, как правило, служит лишь для привлечения внимания потенциальных клиентов: кафе *брюс & ли*, магазин одежды *КОСТЮМ & ГАЛСТУК*, пиццерия *ПАСТА&ПИЦЦА*, ресторан *СОЛЬ & ПЕРЕЦ*, студия красоты *RED & BLACK*, фабрика домашних тортов *САКЕ&PIE*, фотоуслуги *ФОТО & ПРАЗДНИК*, фотоуслуги *Черное & Белое*. Как видно из примеров, с помощью амперсанда имядатели могут соединять в эргониме как русские, так и иноязычные лексемы.

Обращает на себя внимание создание эргонимов с помощью такой разновидности кодографиксации, как инетографиксация (стилизация под интернет-дискурс): аптека *ЗДОРОВ.ру*, интернет-магазин *Телефония.ру*, магазин автозапчастей и автотоваров *EXIST.RU*, магазин детской одежды *babylity.ru*, магазин сумок и чемоданов *Кожелёк.ру*, сеть туристических агентств *Слетать.ру*. В создании оригинального рекламного имени участвует и домен «нет»/«net»: санитарно-эпидемиологическая служба *Насекомых.NET*, электротехническая продукция *НАПРУГИ.НЕТ*. Последние два эргонима могут быть прочитаны двояко, так как домен «нет»/«net» созвучен русской отрицательной частице *нет*. Таким образом, неймеры активно стилизуют наименования под адреса веб-страниц.

Номинаторы создают и эргонимы с хеш-символом (#): кофейня *#ЯВПАНАМЕ*, магазин спортивного питания *#ЗОЖми*. Необходимо отметить, что в первом примере дополнительным средством воздействия на потенциального клиента является голофразис (написание слов без пробелов). Во втором эргониме наблюдается графемное изменение исходного слова. Неймеры обыгрывают лексему *зажми* и аббревиатуру *ЗОЖ* (здоровый образ жизни). Применяя хештег в эргониме, имядатели обращают внимание потенциальных клиентов на возможность получения подробной информации об оказываемых фирмой услугах в интернет-пространстве. Кроме того, хештеги «могут призывать адресата к выполнению определённого действия, указывать на аудиторию потенциальных покупателей, анонсировать мероприятие и т.д.» [8, с. 178].

Итак, широкое распространение информационно-коммуникационных технологий в современном мире способствовало активному проникновению интернет-символов в сферу нейминга. Так, в Нижегородском регионе появились эргонимы, в которых имядатели активно используют хеш-символ и финальные элементы «ru»/«ру», «нет»/«net».

Для создания креативного рекламного имени неймеры используют такой вид графикации, как типографикация (создание новых номинаций с помощью изменения шрифта, цвета и т.д.). Данный вид реализуется, например, в цветографиксации. Так, название магазина детских игрушек и игр *игРай* предполагает два возможных варианта прочтения. С одной стороны, носители языка могут трактовать эргоним как лексему «играй». С другой стороны, с помощью капитальной буквы *Р* номинаторы обращают внимание адресатов на слово *рай*. Кроме того, данная буква имеет не синий цвет, как все остальные литеры, а красный. Таким образом, магазин *игРай* – это место, где покупатели получают удовольствие от огромного выбора товаров.

Проведённый анализ эргонимов Нижегородского региона показывает, что для создания креативных номинаций неймеры используют такие виды графического словообразования, как монографикация, полиграфикация, кодографикация и типографикация. Однако для большей экспрессивности имядатели стараются совмещать в одном эргониме несколько приёмов графикации. Подобные номинации привлекают внимание адресатов, надолго остаются в памяти потенциальных клиентов.

К перспективам исследования, на наш взгляд, можно отнести расширение картотеки эргонимов Нижегородского региона, выявление новых разновидностей графического словообразования в исследуемом материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иссерс О.С. Между узнаваемостью и креативом: фрейминг как инструмент создания коммерческого имени / О.С. Иссерс // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 75-103.
2. Кара-Мурза Е.С. Проблемы лингвистической экспертизы произведений коммерческой рекламы / Е.С. Кара-Мурза // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2016. – Т. 12. – № 3. – С. 351-388.
3. Позднякова Е.Ю. Прецедентные феномены в наименованиях коммерческих предприятий / Е.Ю. Позднякова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2021. – Т. 40. – № 1. – С. 111-119.
4. Пономаренко И.Н. Эргонимикон Краснодара: от номинации к коммуникации / И.Н. Пономаренко // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6. – № 1. – С. 82-92.
5. Попова Т.В. Новое в изучении графодеривации / Т.В. Попова // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 229-269.
6. Разумов Р.В. Урбанонимы – трансляторы региональной и локальной идентичности (на примере городов Ярославской области) / Р.В. Разумов // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Четвертой Всероссийской научной конференции, Ярославль, 05-06 ноября 2020 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2020. – С. 188-192.
7. Ремчукова Е.Н., Соколова Т.П. Лингвокреативные тенденции в сфере городской номинации / Е.Н. Ремчукова, Т.П. Соколова // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума, в 2-х томах, Ялта, 08-12 июня 2019 года / Ответственный редактор Е.Я. Титаренко. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография “Ариал”», 2019. – С. 348-353.
8. Селеменова О.А. Языковое смешение в креолизованных текстах рекламы глянцевого журналов / О.А. Селеменова // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 168-184.
9. Сироткина Т.А. Эргонимия в культурно-языковом пространстве города / Т.А. Сироткина // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции: в 2-х томах, Челябинск, 20-22 апреля 2016 года / Ответственный редактор Л.А. Нефедова. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – С. 270-272.
10. Федотова Т.В. Ономогенез как вариант лингвокреативности при формировании эргонимического поля Кубани / Т.В. Федотова // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: материалы VIII Международной научной конференции, Уфа, 14-15 апреля 2020 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 243-252.
11. Шмелева Т.В. Великий Новгород: ономастический портрет / Т.В. Шмелева. – Великий Новгород: ТПК «Печатный Двор», 2020. – 288 с.

V.E. Zamaldinov

LINGUOCREATIVE POTENTIAL OF GRAPHSATS-ERGONYMS OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

The article considers the linguocreative potential of graphsats-ergonyms of the Nizhny Novgorod region. The nominations created with the help of such types of grafication as monografication, polygrafication, codografication, typografication are highlighted and described. It is established that in order to have a greater impact on potential consumers, gamers use several methods of graphic word formation in one ergonym.

Key words: *ergonym, monografication, polygrafication, codografication, typografication.*

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРИЗАЦИИ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В РЕГИОЛЕКТНО-ТЕЗАУРУСНОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ

На примере изданного словаря тезаурусного типа автор обращается к рассмотрению структуры словарной статьи регионализмов «ТРИ ШУРУПА (ӨФӨ)», «БАУРСАК». Лексикографическое издание вобрало материалы картотеки «Язык города» кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания БашГУ, содержащей записи устной речи жителей г. Уфы (1985-2000 гг.), и речевого материала, собранного в дальнейшем (2000-2020 гг.) авторами-составителями в результате наблюдений над городской речью, над речевым поведением разновозрастных горожан – жителей столицы республики.

Ключевые слова: *региолект, регионализм, словарная статья, словарь, тезаурус.*

Языковая жизнь города уже давно осознана филологами как особый лингвистический феномен. Язык современного города сравнивают с зеркалом, которое «в полной мере отражает мир людей, их быт, традиции и культуру речи, являющуюся необходимым компонентом общей культуры человека» [9, с. 7]. Исключением не стала и современная столица Республики Башкортостан. Речь жителей Уфы – одного из крупнейших экономических, культурных и научных центров РФ, с одной стороны, не может не отразить особенности полиэтнического региона, а с другой – демонстрирует тенденции в жизни общества, связанные с либерализацией языка, переходящей в бесконтрольность говорящими над своей речью, со спонтанностью общения, с ослаблением официальности, со стремлением к языковой игре, к вариативности.

Язык современного города – это не только слышимая звучащая речь в магазинах и в учреждениях, на улицах города и его перекрестках, в аудиториях вузов и в школьных классах, на рынках и автозаправках и т.д. Это еще и письменная речь, представленная в городе различными вербальными указаниями – бесчисленными вывесками, объявлениями, призывами, инструкциями, постерами и пр.

Изучение языка современного города имеет важное научно-практическое значение: в лингвометодическом аспекте – это продолжение учебного процесса в максимально приближенных к конкретному использованию знаний о языке условиях; в научно-методическом – это пробуждение интереса к языковым процессам и к их описанию, а также возможности сбора ценного материала о состоянии языка современной столицы Башкирии.

Имеющаяся в настоящее время лексикографическая продукция, казалось бы, в полной мере обеспечила носителей русской лингвокультуры данными по изучению речи городского населения [9, с. 7-14]. Как известно, в речевом пространстве жителей мегаполисов и средних городов меняются условия и типы коммуникации, а в лингвистике происходит уточнение знаний о языке. Выделяются новые функциональные варианты языка, обладающего спецификой, прежде всего, на лексическом уровне.

Исторически и по сей день речь жителей Уфы и территориально приближенных к ней городов характеризуется своеобразием не только речевого поведения русского населения, но и русской речи нерусских жителей. Можно говорить не просто о тюркско-русском билингвизме (о владении башкирами татарским языком, татарами – башкирским, а татарами, башкирами – русским языком). Предполагается нечто третье, порожденное этими двумя типами билингвизма – «новый народный разговорный язык тюркоязычных жителей Уфы» [9, с. 8], компактно проживающих и активно общающихся в разных сферах жизнедеятельности и представляющих в совокупности лингвистически неоднородную, гетерогенную (диалектную /ди-, триглоссную) этнокультурную группу. Нами введен условный термин для обозначения этого феномена – *БашТаРус* (по первым слогам и буквам распространенных в

столице и крупных городах РБ языков, представляющих тюркский компонент национально-русского двуязычия), который, «занимая промежуточное положение по структурно-функциональным характеристикам между койне, лингва франка и общенациональным литературным РЯз, являет собой его региональный вариант, используемый в качестве средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер между носителями разных языков и диалектов» [4, с. 183-184].

Такое речевое своеобразие требует своего словарного представления, ведь, как отмечал Д.Н. Шмелев, «всякое серьезное исследование лексики... возможно только на основе того, что достигнуто в лексикографии» [7, с. 31], поскольку без подобных данных у нас отсутствуют необходимые сведения о лексике языка.

Исходя из классического определения «словаря» как «книги ..., содержащей описание слов, или иных лексических единиц, или же обозначаемых ими понятий, явлений [3; 8, с. 459], второй том «Языковой мозаики г.Уфы» [9] получил название «Словаря тезаурусного типа». Он включает 2562 единицы – это некодифицированные, относящиеся к разным частям речи номинации и их контекстуальные употребления, синонимы, а также отдельные устойчивые выражения. В рамках предложенной модели авторами-составителями выделены такие разделы, как «Человек» (1071 единица); «Одежда» (194), «Домашний быт» (514), «Деньги» (82), «Транспорт» (191), «Туризм» (17), «Окружающая природа, ландшафт» (27), «Городские объекты» (88), примеры из армейского сленга (130), из лексикона геймеров и программистов (248). Такое разграничение важно с лингвокультурологической, социо- и психолингвистической точек зрения представления и описания некоторых регионально окрашенных и экспрессивно помеченных единиц [3]. Первый раздел самый объемный, поскольку, утверждая, что его содержание может быть раскрыто через анализ различных лексико-синтаксических, деривационных средств его языкового выражения, мы признаем невозможность как полной презентации понятия «человек» в вербальной форме, так и выявления и фиксации всех его языковых и речевых экспликаций, ибо он, как отмечал В. фон Гумбольдт, «не укладывается в границы своего языка» [1, с. 349].

Словарная статья включает заголовочное слово, далее дается семантизация единицы, то есть указывается его значение, иллюстрируемое высказыванием. Тезаурусный характер словаря не позволяет выносить окончательный «семантический приговор», решение о значении слова. В словаре такого типа важна роль контекстов. Через слэш (косые черты) в конце текстовой части указывается возраст, иногда пол информантов и место их обучения или профессия, в речи которых было зафиксировано то или иное слово или сочетание слов, а отдельные статьи сопровождаются фотоиллюстрациями для наглядного представления регионализмов или некоторых топонимических единиц (см. топоним УФА (ТРИ ШУРУПА) или регионализмы БАУРСАК, ЧАК-ЧАК и подобные). В дополнение к словарным дефинициям авторами-составителями лексикографического издания использованы фотоснимки некоторых городских топообъектов и реалий повседневной жизни. Это вполне оправдано тем, что фотография вскрывает взаимосвязь между образным основанием и значением, например, микропонима, чем только его описание в виде дефиниции [3].

При описании отдельных единиц принципиально отграничены полисемия / омонимия от т.н. полиреферентных лексем, у которых «частные значения... варьируют и уточняют общее семантическое содержание слова, отличаясь конкретными употреблениями, количество которых может быть довольно большим, а множество – открытым, постоянно пополняемым в живой речи» [6, с. 12].

Дано также указание на то, что слово является разговорным (разг.), просторечным (прост.), жаргонным (жарг.), диалектным (областн. / диал.), региональным (регион.). У некоторых слов с пометой «жаргонное» имеется указание на принадлежность к определенному поджаргону. Те лексические единицы, которые одинаково произносятся и пишутся, но не имеют семантической и этимологической связи, размещаются в разных словарных статьях и считаются омонимами. Словарь выполняет также функции прескриптивных словарей, отображая местные языковые формы, неизвестные или малоизвестные за пределами региона и города [3; 9].

Относительно региолектных единиц хотелось отметить следующее. Как известно, в отличие от сельских говоров, эти единицы служат для повседневного общения не только жителей сельской местности – представителей старшего поколения, но и населения всего региона, в том числе городской интеллигенции и молодежи. Лексические регионализмы как основные элементы региолекта относятся к разным слоям речи: среди них преобладают разговорно-литературные и стилистически сниженные, в частности, жаргонные, единицы, но часто встречаются и нейтральные слова. В этом специалисты-лексикографы и усматривают одну из проблем их выявления в сравнении, например, с диалектизмами. Регионализмы словно «растворены» среди единиц различных лексико-стилистических категорий.

Согласимся с В.Н. Поповым, который справедливо полагает, что «идентификации региональной лексики и ее ареализации препятствует ... то, что словарное представление региолектов только зарождается» [2, с. 135]. Действительно, регионализмы не всегда выделены в отдельную категорию в существующих толковых словарях, которые составлялись в основном в советское время, когда вопросы регионализации литературного языка почти не обсуждались.

Предлагаемое нами издание «Языковая мозаика г. Уфы» по характеру словника – минитолковый словарь региолектного характера, отдельные единицы которого ограничены выборкой уфимской лексики, поскольку имеют специфическую окрашенность. Объем словника такого издания не велик. Многим широко употребляемым в каждодневной речевой практике горожан единиц присущ универсальный характер. Авторы-составители склонны считать, что словарь объединяет черты толкового словаря и топонимикона. Его словник состоит из апеллятивов и народных микропонимов, которые в структурном плане представляют собой однословные имена и словосочетания. Кроме того, в словарь помещены и единицы других разрядов онимов, например, прозвища жителей микрорайонов столицы Башкортостана. Новизна словаря такого типа проявляется в том, что он расширяет репертуар маркирующих помет [2; 9].

Словарь нацелен на отражение особенностей функционирования общеупотребительных и региональных слов, поэтому в нем расширена зона примеров, которые составители подбирали из устной речи и комментариев в городских пабликах. Это оживляет текст словаря, в нем «слышна» полифония голосов разных жителей города. Уместно вспомнить, как Л.В. Щерба советовал давать больше контекстов при семантизации словарной единицы. Однако мы убеждены в том, что важно не количество примеров и придерживались принципа целесообразности: иллюстрации не были однотипными и не перегружали словарную статью.

В связи со сказанным обратим внимание на еще одну важную черту словаря предлагаемого типа. Сейчас много пишут о тесной связи языка и культуры как о двух взаимодействующих семиотических кодах: «Лексикографическим изданиям сегодня недостаточно выполнять лишь задачу фиксации лингвистической информации, приписываемой той или иной языковой единице» [2, с. 138]. Специалисты в области лексикографии убеждены в том, что будущее – за словарями, которые не только инвентаризируют элементы языка, но описывают их как культурно-языковые феномены.

Помимо перечисленных особенностей, словарь в некотором смысле выполняет также функции прескриптивных словарей, например, орфографических, орфоэпических, поскольку отображает у части представленных единиц местные языковые формы, неизвестные или малоизвестные за пределами республики и столицы.

Данный словарь сочетает также черты и словообразовательного словаря, поскольку показывает способы порождения конкретных единиц, в т.ч. региональных. Особенно это важно для эргонимов, у которых необходимо эксплицитировать мотивирующий признак (РАДУЖКА – «наименование детского сада “Радуга”» [9, с. 125] или региональной единицы из молодежного жаргона КЫСТЫБЫЙКА, КЫСТЫБЫЕЧНАЯ от КЫСТЫБЫЙ («кулинарный пирог особой формы, начиненный пшеном, рисом или картофельным пюре» [9, с. 91] + -К- / -J- + -ЧН-, обозначающие располагавшееся некогда около Башгосуниверситета студенческое миникафе, в котором популярностью пользовалось традиционное башкирское / татарское национальное блюдо). Именно мотивировка чаще всего интересна и носителям местной лингвокультуры. Иногородним читателям любопытно,

какой признак и почему лег в основу конкретного имени, прозвища или обозначения. В особенности большой интерес представляют разные версии происхождения регионамиа.

При презентации отдельных единиц принципиально отграничены полисемия / омонимия от т.н. лексем с открытой «семантической вариативностью» (эврисемия, эксемия, широкозначность и т.д., объединяемые понятием «полиреферентность»), у которых «частные значения... варьируют и уточняют общее семантическое содержание слова, отличаясь конкретными употреблениями, количество которых может быть довольно большим, а множество – открытым, постоянно пополняемым в живой речи» [6, с. 12]. Составитель «Толкового словаря русской разговорно-обиходной речи» В.В. Химик указывает на то, что «частные значения полиреферентных слов не находятся в отношениях непосредственной производности, как при полисемии; соответственно, им не свойственна иерархичность» [6, с. 13].

Словарь тезаурусного типа «Языковая мозаика г. Уфы» не является застывшим образованием. Его составители оценивают его как заявку на дальнейшее пополнение единицами городской речи с учетом динамики этого процесса. Этапы его моделирования будут представлять интерес для исследователей в области социо- и психолингвистики, общего языкознания, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии. Перспективы развития словаря будут реализованы через рассмотрение и анализ новых регионализмов и локализмов, встречающихся в каждодневной речевой жизни горожан, а также в республиканских СМИ, современной художественной литературе и публицистике. Предполагается расширить словарные статьи последующих изданий: помимо принятого в толковых словарях описания языковых единиц (семантика, грамматические пометы, словообразовательный потенциал и пр.), включить энциклопедическую – прежде всего, историко-этимологическую и культурологическую – информацию.

Так, в региолектно-тезаурусном словаре статью о регионализме **БАУРСАК** (см. ниже пример из словаря [9, с. 81]) можно в перспективе дополнить сведениями о том, что это не только «изделие из пресного сдобного теста в виде шариков (величиной с лесной или грецкий орех), обжаренных в кипящем топленом масле», которое «подается остуженным, часто с сахарной пудрой. Иногда баурсак готовят с рубленой печенью, замешивая фарш в тесто» [5], а также описать этимологию названия: произошло от тюркских «баурмасу, баурласуга, баур», что в переводе на русский язык значит «стремление к объединению, родству, брат» [там же]. Указать на имеющиеся разновидности баурсаков: различают *ши* (по вкусу приближены к конфетам), *туш* (праздничные), *кислый*, *бармак* (по форме напоминающая вытянутый палец), *плоский* (размером 2х3 см), *дорожный*, *сплетенный* и др. Завершить статью можно приложением одного из рецептов этого блюда.

БАУРСАК

(регион.). Мучное сладкое блюдо в виде шариков, обжаренных в масле. – *Где у вас можно настоящий бурсак купить в гостинец близким? /гость Уфы, 36 лет/.*

Фото. Баурсак

Баурсак является одним из разновидностей традиционного хлеба у тюркских народов, имеет вид квадратных или круглых пончиков, которые обжарены на масле. Отмечается, что при приготовлении блюда могут отличаться ингредиенты теста в зависимости от того, какому народу принадлежит рецепт. Можно готовить баурсаки из пресного или дрожжевого теста. Жарятся баурсаки в казане, на сковороде во фритюре. У тюркских народов практически ни один традиционный праздник не обходится без этих вкусных пончиков. Существуют также варианты творожных пончиков. Подаются баурсаки к чаю, к повседневным кушаньям, в качестве праздничного самостоятельного блюда. Традиционно к баурсаку подаются всевозможные медовые сиропы. История возникновения этого блюда

связана с кочевым образом жизни, который был у тюркских народов. В подобных условиях и приготовление хлеба отличаться должно было быстротой и легкостью, а также учитывались непростые походные условия.

У мишарей (субэтнической группы поволжско-приуральских татар) баурсак более известен под названием «чигелдек» («цигелдек») – в виде мелкого квадратного или ромбовидного печенья. Обычно его заготавливали впрок, используя как дорожную еду. Скрепляя шарики баурсака медовым сиропом, готовят одно из самых известных блюд башкирской / татарской кулинарии – ЧАК-ЧАК (читатель обратит внимание на отличия в описании этих блюд в словаре). В народной обрядности баурсак служит своеобразным символом плодородия. В старину баурсаком обсыпали новобрачных, угощали встречающих «поезд невесты». У мишарей при проведении весеннего обряда «чип-чип» (колядования) баурсаком угощали детвору [5].

Информацию о наименовании-топониме ТРИ ШУРУПА, образованном на основе метонимического сходства, предполагается также расширить за счет введения в словарную статью дополнительных компонентов. Уместным, на наш взгляд, была бы экстралингвистическая квалификация названия, основанная на языковой игре горожан. Такие ойконимы как элементы класса топонимов, реализующие одну и ту же номинативно-индивидуализирующую функцию и представленные более мелкими конститuentами, представляют собой образные номинации. Представление о каком-либо предмете складывается у человека благодаря ассоциациям, возникающим при попытке осмыслить основную характеристику, заданную в имени. Если название оригинально и разрушает привычные модели в наименованиях, обладает выраженной индивидуальностью, вызывает соответствующие эмоции у жителя города и, как следствие, запоминается, становится частью урбанистической картины мира. Под последней автор понимает некую локальную культуру жителей города, объединяющую членов конкретного городского пространства. Примером такового служит ойконим регионального характера ТРИ ШУРУПА, словарная статья которого представлена ниже [9, с. 127]. Попутно хотелось бы отметить, что урбанистический мир являет собой городскую действительность как единство физического (материально-предметного, наглядного, чувственно воспринимаемого) пространства города и его символического образа, возникающего в сознании горожан, как отражение и как содержательная сущность первого. Иными словами, урбапространство Уфы вмещает двуединую тождественность материального и идеального, т.е. имеет символическую природу, как и любое знаковое культурное явление. С этой точки зрения различного рода арт-объекты, граффити, акустические сферы и т.п. актуализируют субъективные смыслы, которые, социализируясь, становятся групповой картиной мира, проявляющейся в городской культуре, в городском языковом (семиотическом) ландшафте.

ТРИ ШУРУПА. То же, что Уфа. –

Уфу местные жители и туристы называют «городом трёх шурупов», а в центре столицы Башкирской республики установлен необычный арт-объект – три каменных шара с перекладинами (см. фото). Дело в том, что на башкирском языке Уфа пишется как «ӨФӨ» («ЭФЭ»). Неискушённому читателю /зрителю надпись напоминает головки трёх шурупов, откуда и пошло неофициальное название города. Башкирское название Уфы увековечено в виде надписи на аэропорту, а также

Фото. Арт-объект «Три шурупа»

в каменной инсталляции на местном Арбате. – *Если вас послали на три буквы – приезжайте в Уфу!* /из шуточной рекламы/.

Языковая игра, как известно, предполагает реализацию в контексте той или иной частной ассоциативной валентности слова – фонетической, семантической, лексической, словообразовательной, синтаксической. Каждая из этих частных валентностей выступает как

механизм языковой игры. На фонетическом уровне языковая игра реализуется с помощью таких приемов, как палиндром, анаграмма, звукоимитация, звукоподражание, а также различные фоносемантические сближения слов. Механизм названия ТРИ ШУРУПА реализуется как на формальном уровне – за счет сходства букв названия столицы РБ на башкирском языке с головками шурупов, так и на лексическом уровне за счет несовпадения семантического наполнения мотивирующей и мотивированной основ в акте словообразования (*три буквы*).

В предлагаемой словарной статье можно сделать ссылку на имеющуюся в словаре статью «Уфа», содержащую различного рода исторические, этимологические сведения топонима. В граффитийном пространстве столицы присутствует также изображение головки шурупа в виде шестигранника, имитирующего соты меда. Мед, медовые соты занимают достойное место в числе главных символов республики и города. В настоящее время в центре столицы завершается строительство клубного дома «Соты» и одноименного бизнес-центра. Магия сакральной геометрии пчелиных сот настраивает на зрительное восприятие гармоничного природой установленного внутреннего порядка. Активация внутренней энергии в восприятии «сотового» наименования «Уфа» происходит за счет осознания того, что в себе воплощают медовые соты – это и здоровье, и порядок, и гармония, и семья, и сладкая жизнь в целом. Подсознание уфимцев понимает этот образ именно так. Создание и понимание языковой игры опирается на языковые знания (о возможностях двух и более языковых систем, языковой нормы и узуса) и экстралингвистические, хранящиеся в индивидуальных когнитивных пространствах среднестатистических горожан, в т.ч. билингов, которые, воспринимая такой текст, распознают в нем и национально-культурный компонент.

Отражая региональную норму, представляя систему местной лингвокультуры и фиксируя в источнике такого типа территориальные языковые варианты, словарные произведения позволяют утверждать о существовании у жителей г.Уфы особой локальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. Пер. с нем / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.
2. Попов Р.В. Региолектный словарь как словарь нового типа / Р.В. Попов // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – М., 2020. – № 1 (435). – Вып. 119. – С. 133-141.
3. Салихова Э.А. О структуре словарной статьи в словарях региолектно-тезаурисного типа / Э.А. Салихова // Актуальные вопросы современной лингвистики: Тихоновские чтения. – Елец: государственный ун-т, 2021. – в печати.
4. Салихова Э.А., Искужина Н.Г. Гетерогенное языковое пространство города: специфика речевого контактирования / Э.А. Салихова, Н.Г. Искужина // Филологические науки: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (Ч.2). С. 181-186.
5. ТАТАРИСА: Татарская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/narody/tatary/tatarskaya-kuhnya/baursak>.
6. Химик В.В. Предисловие // В.В. Химик / Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 тт. – СПб.: Златоуст, 2017. – Т. 1. – 525 с.
7. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: учеб. пос. – М., 1977. – 335 с.
8. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 тт. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др.; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – М.: Флинта, 2014. – Т. 1. – 840 с.
9. Языковая мозаика г.Уфы. В 2-х частях: Ч. 2. Словарь тезаурисного типа / Сост. Э.А. Салихова, Н.Г. Искужина, Н.В. Исмагилова. – Уфа: Аэтерна, 2021. – 160 с.

SPECIFIC STRUCTURING OF THE DICTIONARY ARTICLE IN THE REGIOLECT-THESAURUS EDITION

The structure of the dictionary entry of regionalisms “THREE SCREWS (ӨФӨ)”, “BAURSAK” is considered on the example of the published dictionary of thesaurus type. The lexicographic edition has incorporated the materials of the card index “Language of the City” of the Department of General and Comparative Historical Linguistics of the Bashkir State University, containing records of the oral speech of the inhabitants of Ufa (1985-2000), and speech material collected later (2000-2020) by the authors – compilers as a result of observations of urban speech, of the speech behavior of urban dwellers of different ages - residents of the capital of the republic.

Keywords: *regiolect, regionalism, dictionary entry, dictionary, thesaurus.*

УДК 81.28.3

В.И. Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

НАВСКОЙ ДЕНЬ: СОХРАНЕНИЕ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ В НАРОДНОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается донской казачий геортоним *Навской день* и его лексико-семантические связи в других славянских языках. Прилагательное *навской* образовано от праславянского корня *нав-* ‘мертвец, покойник’. Геортоним *Навской день* употребляется как обозначение дня поминовения умерших родственников во вторник Фоминой недели. Дериваты от той же основы широко представлены в славянских языках с двумя путями семантического развития: 1) синонимическим к словам *мертвец, покойник*; 2) инфернальным, относящимся к загробному миру и его обитателям. Фонетически достоверной является связь **нав-* с корнем **нǫ-*, который представлен в славянских глаголах.

Ключевые слова: *славянская диалектология, казачий диалект, геортоним, Навской день, навь.*

В донских казачьих говорах существует несколько слов для обозначения дня поминовения умерших родственников на Фоминой неделе, который в церковном обиходе именуется *Радоница / Радуница: Родительский день, Родители, Поминный вторник: Радители – фтарой фторник послы Паски, праздник* (ст. Нагавская) [СДГВО: 92, 517]. Геортонимы имеют прозрачную внутреннюю форму: ***Родительский день*** ‘день поминовения умерших родителей’ > универбат ***Родители; поминный*** < *помин* < *помять* ‘молиться о здоровье живого или упокоении умершего’ [БТС: 915].

Кроме того, в ряде станиц и хуторов в южных районах Волгоградской области употребляется геортоним ***Навской день: На Нафской день*** *паминали* (х. Красноярский) [СДГВО: 137]. Казачка станицы Пугачёвской рассказала о запрете в этот день копать землю, так как это якобы причинит боль умершим близким и родным: *Если на Нафской день землю капать, то Гаспоть накажыть: вырастуть шышки на руках и нагах* [там же]. Этот контекст показывает, как в народном сознании могут меняться, преобразовываться суеверные представления. В.И. Даль в своём словаре более подробно рассказывает о причинах появления заболевания: ***Навья кóсточка, мёртвая кость, одна из мелких косточек ступни или пясти, иногда несколько выступающая под кожей; || косточка в виде бобочка, у комля пальца, через которую проходит от мышцы сухожилие, для сгиба перста. По поверью, она бывает причиною беды, смерти, никогда не гниет в трупе и рождается оттого, коли кто в навий день перелезет через забор*** [СД/2: 389]. Словосочетание ***навья кость*** включено в словарь областных слов (1852), составленный под редакцией А.Х. Востокова: *костяной нарост, как бы мёртвая кость* [ООВРС: 120].

Причиной переосмысления народных суеверных представлений на Дону стало закрепление и развитие в казачьей жизни сельскохозяйственных традиций, переход от сугубо воинской тематики мироощущения к земледельческой. Обращение с землёй в крестьянской культуре является важной частью жизни, в народе постоянно говорится о различных запретах на земельные работы в разные праздники. Казаки считали, что до Благовещения нельзя беспокоить землю любым способом: копать, пахать и пр., так как до этого дня земля отдыхает, находится как бы в стадии зимней спячки [Брысина, Супрун 2021: 61]. На само Благовещенье нельзя было работать вообще, но в особенности запрещалось трогать землю: *Да Благовещинья нильзя агароды садить, да благой весту* (х. Дубовский).

Казаки также говорят, что в день *Агафа-Руфа* (в церковном календаре это день апостолов Иродиона, Агава, Асинкрита, Руфа и других святых, приходящийся на 8/21 апреля) ни в коем случае нельзя беспокоить землю: *патаму шта в этот день зимля рухнуть, асаждаицца и все гады аттуда вылизуют, фсе змеи* (х. Бубновский). Пахать, копать, сажать на полях и огородах можно, по примете местных жителей, только после дня *Агафа-Руфа* [Брысина, Супрун 2021: 62]. Нельзя не заметить попытки этимологически сблизить совершенно разные по происхождению слова: имя святого *Руф* (с закономерным переходом в народной речи [ф] > [х]) и глагол *рухнуть* ‘обвалиться, упасть с шумом, разрушаясь, обрушиться (о чём-л. громоздком, тяжёлом)’ [БТС: 1134].

По казачьим поверьям, в Великую пятницу тоже нельзя копать землю, это может принести боль Христу. Эта традиция известна и другим регионам: «Матери запрещали детям играть на улице и шуметь, а также просили не топтать ногами по земле, чтобы не ранить её гвоздями от каблуков, ведь в землю уже положен Христос» [СМЭС: 452]. Исключительная роль земледелия в жизни донских казаков привела к переосмыслению причин запрета на определённые поступки в день поминовения усопших, переноса наказания за нарушения этого правила с бытовых событий на сельскохозяйственный труд.

Слово *навской* является сохранившимся в донских говорах дериватом праславянского корня *nav-, отмеченного в древнерусских летописях со значением ‘мертвец, труп’. Первое упоминание слова *навие* относится к 1089 году, когда игуменья Андреевского монастыря в Киеве Янка-Анна Всеволодовна (не позднее 1055/1160 – 1112) привезла из Константинополя нового митрополита Иоанна III Скопца (*скопчину*), увидев которого, люди сказали: «Се навье пришель» [СДРЯ/2/1: 268, 272], настолько он был худ и дряхл. Иоанн пробыл в Киеве менее года и скончался: «От года бо до года пребывъ, умре» [Карпов 2010: 262].

Сложилось две традиции в описании слов этого деривационного гнезда в русской лексикографии и научной литературе. Первая определяет лексему *навь* и образованные от неё слова как синоним к единицам *покойник*, *мертвец* ‘мёртвый, умерший человек’. С пометой *стар.*, дефиницией ‘мертвец’ и цитатой из вышеупомянутой летописи о приезде в Киев митрополита Иоанна приводит слово *навье* Пётр Иванович Соколов (1764-1835) в своём словаре (1834) [СОЦСРС: 13-14 прибавлений]. Лексические единицы *навь*, *навье* с этими же определением и пометой включены в Словарь церковнославянского и русского языка (1847) [СЦСРЯ/2: 384]. Ранее лексему *навье* ‘мертвец’ включил в областной великорусский словарь (1852) Александр Христофорович Востоков (1781-1864) [ООВРС: 120].

Дериваты лексики *навь* широко представлены с этим же значением в русских говорах. Слово *навь* отмечена как южное, оно зафиксировано в Орловской и Калужской губерниях. В тех же регионах встречаются дериваты *навье* и *навья*, указаны даты фиксации: Дмитровский уезд Курской губернии – 1851, Мценский уезд Орловской губернии – 1850. Не очень ясны грамматические характеристики диалектизма *нав*, *-ы*, *ж*. Он записан в 1902-1904 годах в Островском уезде Псковской губернии [СРНГ/18: 191]. Семантику ‘мертвец’ у слова *навь* отмечает писатель-фольклорист Борис Викторович Шергин (1893-1973) в своём «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий» [2014: 676].

Иносказательно употребляется слово *нави* (множественное число от *навь*) в «Повести о Петре и Февронии». Рассказывая о своём брате, Феврония сообщает, что он *иде чрез ноги в нави зрети*. В ответ на просьбу молодого князя Петра пояснить ему смысл этого выражения,

девушка говорит: *Брат же мои ныне на таково дело иде и яко же лести на древо в высоту, чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сеи живота гонзнет; сего ради рех, яко идет чрез ноги в нави зрети* [Повесть 1979: 214]. Фёдор Иванович Буслаев (1818-1897) связывает эту единицу из сочинения Ермолая-Еразма (1500-е – середина XVI века) с древнечешским выражением о могиле **ити до навы**, древнеболгарской лексемой **нави** – царство мёртвых, тартар [Буслаев 1987: 214], тем самым расширяя семантику слова до обозначения загробного мира.

Вторая традиция обнаруживает у лексемы inferнальный смысл. С пометами *устар.* и *обл.* слово **навь** обоих родов и отмеченное как собирательное **навье** среднего рода включены в БАС. Дефиниция имеет историко-культурологическое содержание: *По суеверным представлениям – поднявшийся из могилы мертвец, обитатель загробного мира* [БАС/7: 92]. Это определение основывается на тексте известного русского историка Сергея Михайловича Соловьёва (1820-1879), который при описании главных первоначальных черт верований восточных славян называет **навье**: «Мертвецы были известны ещё под именем навья и представлялись в виде существ малорослых, карликов (людки)» [Соловьёв 1851: 80]. Он ссылается на Повесть временных лет, в которой описываются события в Полоцке в конце XI века: *Въ лѣто 6600 (1092). Предивно бысть чюдо Полотъскѣ въ мечтѣ: бываше в нощи тутънь, станяше по улици, яко человекѣи рещюще бѣси. Аще кто вылѣзъяше ис хоромины, хотя видѣти, абье уязвень будяше невидимо от бѣсовъ язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хоромь. По семь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди полотъскыя и его область. Тѣмъ и человекѣи глаголаху: яко навье бьютъ Полочаны* [ПВЛ: 141]. В Радзивилловском (Кенигсбергском) списке летописи это событие описывается с некоторыми грамматическими и лексическими вариантами, одна из 617 миниатюр изображает бесов, рыщущих по Полоцку, и полочан, сидящих в домах [РЛ].

В МАС слово **навь** включено без помет, в дефиниции расширяется употребление лексемы на другие славянские народы: *В поверьях некоторых славянских народов – мертвец, вставший из могилы, призрак мертвеца* [МАС/2: 335].

Эти две тенденции семантического развития слов и словосочетаний, восходящих к праславянскому *nav-, прослеживаются в разных славянских языках и диалектах. Как и у казаков, поминовение умерших на кладбище на послепасхальной неделе в разных русских диалектах проходит в **навский день** или **навьи проводы**. Первый геортоним отмечен в 1858 году в Московской губернии, второй – в 1851 году в Курской губернии, а также в Калужской [СРНГ/19: 187, 191]. В чешском языке употребляется слово **nav** ‘преисподняя, могила, иной мир’ [VT/2: 1059]. В словенском языке используется лексема **navček** ‘похоронный звон’ [SRS: 208]. В сербском языке слово **нав** имеет значение ‘край мёртвых’ [SHSS: 585]. В данных единицах на первый план выходит семантика обозначения мёртвого человека, могилы.

Другое развитие лексема получила в русских говорах и иных славянских языках: ярославское **навной** ‘мифическое существо, которое, по поверью, наваливается на человека во сне и давит его’ [ЯОСД/2: 41], болгарское **нави** ‘злые духи. По одним, их три сестры, по другим, семь, по третьим, двенадцать сестёр, которые мучат родильниц’ [МДБРС: 302]. Сюда же можно отнести и украинское **мавка** ‘русалка, нимфа’ с чередованием инициального [н] > [м] в этимологически затемнённом слове. Лексема была широко известна в восточнославянском фольклоре. Осенью 1909 года стихотворение «Мавка» написал А.Н. Толстой (1883-1945): *Пусть покойник мирно спит; / Есть монаху тихий скит; / Птице нужен сок плода, / Древу – ветер да вода. / Я ж гляжу на дно ручья, / Я пою – и я ничья. / Что мне ветер! / Я быстрей! / Рот мой ягоды алей! / День уйдёт, а ночь глуха, / Жду я песни пастуха! / Ты, пастух, играй в трубу, / Ты найди свою судьбу, / В сизых травах у ручья. / Я лежу – и я ничья* [Толстой 1914: 167]. Но более известной в восточнославянской культуре эта лексема стала благодаря пьесе Леси Украинки (1871-1913) «Лесная песня», которая была написана летом 1911 года в Кутаиси, а 22 ноября 1918 года поставлена в Киевском драматическом театре. Главной героиней произведения является Мавка [Мищенко 1986; Українка 2021].

Общеславянский корень *nav- связан этимологически с глаголом *ныть* 'болеть' с закономерным чередованием дифтонга [ай] и гласного [ū] [ФЭС/Ш: 35]. Данный корень с этой семантикой сохранился в славянских языках [ЭССЯ/26: 67]. Каузативом является глагол *naviti, представленный в чешском и словацком языках дериватами unavit / unavit' 'утомить' [KSESS: 641]. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» считают: «Несмотря на ограниченность продолжений <в> слав<янских> языках, праслав<янская> древность достаточно вероятна» [ЭССЯ/24: 11]. С этой же приставкой образован от фактитива *ныть* глагол УНЫТИ, который встречается уже в памятниках древнецерковнославянского языка: Синайской псалтири, Клоцовом сборнике, Супрасльской рукописи [СтС: 741].

Итак, в донском казачьем диалекте отмечено прилагательное *навской*, образованное от праславянского корня nav- 'мертвец, покойник'. Геортоним *Навской день* употребляется как обозначение дня поминовения умерших родственников во вторник Фоминой недели. Дериваты от той же основы широко представлены в славянских языках с двумя путями семантического развития: 1) синонимическим к словам *мертвец, покойник*; 2) инфернальным, относящимся к загробному миру и его обитателям, а также к различным мифическим существам. Фонетически достоверной является связь *nav- с корнем *nū-, который представлен в славянских глаголах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брысина Е.В., Супрун В.И. Духовная культура казачества: язык и образы: монография / Е.В. Брысина, В.И. Супрун. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2021. – 336 с.
2. Буслаев Ф.И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос / Ф.И. Буслаев. Воронеж: Ц.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. – 255 с.
3. Карпов А.Ю. Иоанн III / А.Ю. Карпов // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М.: Церк.-науч. центр «Правосл. энцикл.», 2010. – С. 262.
4. Міщенко Л.І. Леся Українка / Л.І. Міщенко. Київ: Радян. школа, 1986. – 303 с.
5. Повесть о Петре и Февронии / подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой, отв. ред. А. М. Панченко. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1979. – 339 с.
6. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Изд. 2-е. Кн. 1. Т. I-V / С.М. Соловьёв. СПб.: Обществ. польза, 1851. – 1726 стлб.
7. Толстой А.Н. Сочинения. Т. IV: Сказки / А.Н. Толстой. М.: Книгоизд-во писат., 1914. – 189 с.
8. Українка Леся. Лісова пісня // Вона ж. Повне академічне зібрання творів у чотирнадцяти томах. Т. 3: Драматичні твори (1909–1911) / Леся Українка. Луцьк: Вид-во Волин. нац. ун-ту ім Лесі Українки, 2021. – С. 241-329.
9. Шергин Б.В. Отцово знание. Поморские были и сказания / Сост., предисл. и примеч. А. Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов / Б.В. Шергин. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. – 704 с.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

БАС = Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 1468 стлб.

МАС = Словарь русского языка в 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1982. – 736 с.

МДБРС = Мичатек Л.А. Дифференцированный болгарско-русский словарь. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1910. – 664 с.

ООВРС = Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отд. Академии наук / [ред. А.Х. Востоков]. СПб.: Тип. ИАН, 1852. – XII + 275 с.

ПВЛ = Повесть временных лет. Ч. 1-я: Текст и перевод / Подгот. текста Д.С. Лихачева. Пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 406 с.

РЛ = Радзивилловская летопись: текст: исследование: описание миниатюр: [Факсимильное воспроизведение рукописи, хранящейся в Б-ке РАН]. М.: Искусство; СПб.: Глаголь, 1994. – 415 с.

СДГВО = Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. – 703 с.

СДРЯ = Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В 3 т., 6 кн. Реприн. изд-е. М.: Книга, 1989.

СМЭС = Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Толстая. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. – 512 с.

СОЦСРС = [Соколов П.И.] Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых, каковы суть: названия богословские, философские, математические, к естественной истории принадлежащих, юридические, военные, относящиеся до торговли, художеств, ремесл и проч., по поручению Комитета устройства учебных заведений составленное П... С...: с присовокуплением таблиц склонений и спряжений, заимствованных из Грамматики г. Востокова, напечатанной в 1832 г. и введенной в употребление в нижних и средних учебных заведениях. Ч. I. СПб.: Тип. ИАН, 1834. – 1692 + 14 стлб.

СРНГ = Словарь русских народных говоров. Вып. 1 / Сост. Ф.П. Филин. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 2 / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.; Л.: Наука, 1966. Вып. 3-23 / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 24-42 / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 43-46 / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов, ред., отв. ред. С.А. Мызников. Вып. 47-52 / Гл. ред. С.А. Мызников. Л.; СПб.: Наука, Ленингр. (СПб.) отд., 1968-2021.

СтС = Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз, 1994. – 842 с.

СЦСРЯ = Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Т. II. СПб.: Тип. ИАН, 1847. – 472 с.

ФЭС = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. Б.А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986-1987.

ЭССЯ = Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. / Под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 24. М.: Наука, 1997. – 234 с. Вып. 26. 1999. – 237 с.

ЯОСД = Ярославский областной словарь: Дополнения: В 2 т. / Под науч. ред. Т.К. Ховриной. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – 374 с.

KSESS = Králik L'. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015. – 700 s.

SHSS = Jurančič J. Srbskohrvatsko-slovenski slovar. 2. razš. izd. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1972. – 1320 s.

SRS = Kotnik J. Slovensko-ruski slovar. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1959. – 736 s.

VT = Váša P., Trávníček Fr. Slovník jazyka českého. Ve dvou dílech. Praha: Fr. Borový, 1937. – 1747 s. (jednotná paginace).

V.I. Suprun

NAVSKOY DEN': PRESERVATION OF THE PROTO-SLAVIC VOCABULARY IN FOLK SPEECH

The article considers the Don Cossack name of the holiday Navskoy den' and its lexical and semantic connections in other Slavic languages. The adjective navskoy is formed from the Proto-Slavic root nav- 'dead, deceased'. The name of the holiday Navskoy den' is used as a designation for the day of commemoration of deceased relatives on Tuesday of the Fomina week. Derivatives from the same basis are widely represented in Slavic languages with two ways of semantic development: 1) synonymous with the words dead, deceased; 2) infernal, referring to the afterlife and its inhabitants. Phonetically reliable is the connection of *nav- with the root *nū-, which is represented in Slavic verbs.

Keywords: *Slavic dialectology, Cossack dialect, name of the holiday, Navskoy den', nav'.*

**«СЛОВАРЬ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ»
ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА РАСТОРГУЕВА (МИНСК, 1973):
АРХАИЧНОЕ И СОВРЕМЕННОЕ**

В работе рассматривается лексикографический труд профессора Павла Андреевича Расторгуева «Словарь народных говоров Западной Брянщины». Определено, что в лексикографии славянских языков словарь представляет собой фиксацию языковых явлений пограничного характера, отражающих историческую общность русского, украинского и белорусского языков, их генетическую близость. Современные этнолингвистические и социоллингвистические исследования западно-брянского региолекта, выполненные с опорой на данные словаря, представляются наиболее продуктивными.

Ключевые слова: *восточнославянская общность, языковая ситуация, лексикография, лингвокраеведение, лингворегионоведение, западно-брянский региолект, диалектное слово.*

Отмечая трёхсотдвадцатилетие города Новозыбкова, мы стараемся с максимальной степенью достоверности последовательно воссоздать все периоды его культурного, исторического, социально-экономического развития.

И потому неслучайно, что символом названного торжества стало имя профессора Новозыбковского педагогического института Павла Андреевича Расторгуева, учёного, сумевшего посредством изучения прежде всего языковых особенностей говоров Западной Брянщины обобщить исторические, литературно-этнографические, этимологические сведения и таким образом представить не узко лингвистическую характеристику отдельных явлений, а тщательный анализ фонетических и грамматических черт говоров современной Брянской области, определив тем самым дальнейшую перспективу научных исследований на несколько десятилетий вперед.

В 2021 году (1 июля) исполнилось сто сорок лет со дня рождения выдающегося слависта.

С 1939 по 1954 гг. П.А. Расторгуев работал над созданием «Словаря говоров Западной Брянщины» [8], опираясь на диалектологический материал, собранный студентами Новозыбковского педагогического института. (Мысли об этой работе не давали покоя учёному ещё с 1903 года. Профессор Р.Ф. Брандт – наставник П.А. Расторгуева в Московском университете – обратил внимание на особенности речи студента и посоветовал заняться сбором материала для словаря. (Павел был уроженцем г. Стародуба Брянской области.). Впоследствии и академик А.А. Шахматов проявил интерес к собранным П.А. Расторгуевым материалам.) К сожалению, издан был словарь в 1973 году в Минске уже после ухода профессора. В Новозыбковском краеведческом музее хранится рукопись словаря, которую музею подарил учёный, на первой странице зафиксировано, что редактором словаря является академик В.В. Виноградов. Полагаем, что у П.А. Расторгуева была договорённость с В.В. Виноградовым о редактировании словаря. В печатном варианте данной надписи нет.

«<...> словарь специалиста по белорусскому языку, знатока белорусских и южнорусских говоров, каким по праву является П.А. Расторгуев, - значительный вклад в лексикологию восточнославянских языков и надежный материал для этимологов. Это завершающий этап фронтального изучения говоров, названных ученым северско-белорусскими. Он дает ценный материал для выяснения проблемы о соотношении

белорусского и русского языков, с одной стороны, и белорусского и украинского – с другой» [3, с. 11].

Особенно важным представляется теоретическое и практическое обоснование профессором П.А. Расторгуевым описания говоров Западной Брянщины как южновеликорусских, развивавшихся и развивающихся на белорусской основе, с тенденцией вытеснения белорусских явлений южновеликорусскими. Важнейшим уточнением в этой связи является предостережение от ошибочной характеристики данных говоров как смешанных или переходных (от белорусского языка к русскому): «<...> говоры современной Западной Брянщины следует называть южновеликорусскими (развивавшимися в прошлом и развивающимися в настоящем) на белорусской основе. Назвать их смешанными нельзя – здесь мы имеем не смешение языковых фактов, а постепенное вытеснение белорусских явлений южновеликорусскими. Не являются эти говоры и переходными от белорусских к южновеликорусским» [6, с. 19].

Дискутируя с профессором П.С. Кузнецовым, Павел Андреевич подчёркивает, что называть исследуемые говоры «русскими с белорусскими чертами» тоже неверно: «Само определение «русские говоры с белорусскими чертами» создает впечатление, что русские говоры восприняли некоторые белорусские черты, чего в действительности не было. Было как раз обратное – белорусские (основа говоров) восприняли и воспринимают по настоящее время черты южновеликорусских говоров и русского литературного языка» [6, с. 19].

Кроме этого, для исследуемых говоров, по словам профессора П.А. Расторгуева, отчасти характерно как украинское, так и некоторое польское влияние, обусловленное вхождением Западной Брянщины в состав Украины (1654-1782) и в состав Польши. «Почти полуторавековое вхождение территории говоров западных районов Брянской области (б. север Черниговщины) в состав Украины (1654-1782 гг.), с украинским управлением и делопроизводством на украинском языке, и наличие украинских поселений в городах, <...> не могло не отразиться на говоре местного населения. Местный говор, белорусский по своей основе, действительно испытал на себе влияние украинского языка. <...> Это влияние особенно сказалось на словаре и ударении и, в меньшей степени, на грамматическом строе разговорного языка местного населения и его фонетике» [7, с. 44-45].

Профессор В.И. Чагишева, возглавлявшая Ленинградскую группу диалектологов, во второй половине XX века скрупулёзно описывавших фонетические, лексические, грамматические особенности брянских говоров, подчёркивала, что последние представляют собой особую группу южновеликорусского наречия, для которой не характерно единообразие языковых явлений. «Она указала на преобладание некоторых белорусских особенностей над соответствующими русскими на западе области (в брянско-белорусском пограничье) и на преобладание южнорусских черт, свойственных основному массиву южнорусской диалектной территории, на востоке области (в брянско-орловском пограничье)» [4, с. 19-20].

Данный подход к изучению *брянских говоров* как южновеликорусских (хотя и неоднородных в своем составе) остается приоритетным и в современной лингвистической науке.

Тем не менее вопрос о соотношении в брянских говорах русских, белорусских и украинских черт по-прежнему остаётся предметом современных лингвистических дискуссий.

В кандидатской диссертации Е.С. Бангоян, выполненной под нашим руководством, рассмотрено соотношение русизмов, белорусизмов и украинизмов в пределах тематической группы «Предметы быта», сформированной диалектизмами юго-запада Брянщины. Установлено, что общность диалектных единиц данной группы с литературными в белорусском и украинском языках составляет 26 % (*волоку́ша, ги́рка, гладе́льник, глек, граба́рка, держа́к, дерю́га, доло́нка, души́к, жига́ло, запи́нка, ка́шник, корсе́тка, коша́ра, ку́хлик, лежа́к, па́рник, разго́нка, ря́жка, увя́зка, чека́н* и др.), при этом общность только с белорусизмами – 3 %, с украинизмами – 6 %. Необходимо подчеркнуть, что идентичность устанавливалась только посредством анализа двуязычных узусальных лексикографических источников украинского и белорусского языков, диалектные словари не привлекались [1, с. 112]. Диссертант приходит к выводу о том, что «взаимовлияние русских

говоров, белорусского и украинского языков является исторически обусловленным. <...> территория российского приграничья Брянской области представляет собой ареал распространения смешанных языковых и диалектных явлений, что свидетельствует о единой исторической основе и общих этнокультурных процессах в жизни восточных славян вообще, и в частности, в области лексики, номинирующей бытовые реалии, значимые для каждого народа, при этом исторически первично украинское, вторично белорусское влияние, (что обусловлено историей региона)» [1, с. 155].

По мнению ответственного редактора второго издания «Брянского областного словаря» (Брянск, 2011) (первое издание вышло в 2007 году) Нины Ивановны Курганской, базовая часть диалектных языковых фактов, отмеченных профессором П.А. Расторгуевым, весьма устойчива, медленно ассимилируется литературным языком [4, с. 20].

В 2019 году в Климовской средней общеобразовательной школе № 1 Брянской области нами совместно с учителем русского языка и литературы Т.А. Игнатенко был проведён социолингвистический эксперимент по определению степени актуальности диалектизм базовых тематических групп, выбранных из «Словаря народных говоров Западной Брянщины» (Минск, 1973) П.А. Расторгуева, в речи современных школьников. Зафиксировано, что наиболее продуктивными в идиолекте школьников Климовского района Брянской области являются «диалектные наименования продуктов питания (86–100%), а также наименования человека по профессиональной принадлежности и по признаку родства (82–96%), средняя степень актуальности характерна для тематических групп «части тела человека» (41–73%), «наименования животных и птиц» (45–73%), <...> наименьшая степень актуальности характерна для тематических групп «наименование одежды» (36–64%), «наименование явлений природы» (32%)» [11, с. 249-251].

Данные социолингвистического эксперимента достоверно фиксируют устойчивость употребления диалектных слов в речи школьников. Тем не менее архаизация части диалектизм названных и других тематических групп, бесспорно, происходит, что подтверждается зафиксированными фактами полной неизвестности значений диалектных слов школьникам (к примеру, *хви'ля* 'вьюга'). (В других школах – неизвестными для школьников являлись номинации *большу'ха* ('старшая дочь'), *дяди'на* ('жена дяди'); *ана'ра* ('заправленное дрожжами или закваской забродившее тесто'), *вило'к* ('кочан капусты'), *крави'нка* ('колбаса, приготовленная из крови животного') и др.)

Результаты социолингвистического эксперимента, оценки степени актуальности диалектных наименований праздников, проведённого в МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 3» г. Новозыбкова Брянской области в 2021 году с учениками 8 класса, представлены в работе К.А. Бекаревич [2, с. 50-53]. Отмечено, что наиболее актуальными в идиолекте школьников г. Новозыбкова Брянской области являются такие слова, как: *Куп'ала, Каляды (К'оледы)*. Средняя степень актуальности у слов: *Зд'вiги, Велiкдень и С'ораки*. Наименьшей актуальностью обладает диалектизм *Вассiлле*. Диалектные названия праздников *Вадахрэшчi, Велiкадне, Грэнiя недэля, Духавiшчiна* неизвестны школьникам.

Признавая фундаментальность лексикографического труда Павла Андреевича Расторгуева, подчёркиваем, что «Словарь народных говоров Западной Брянщины» и сегодня представляет собой уникальный этнолингвистический и этнографический труд, характеризующий языковую ситуацию в славянском пограничье середины XX века.

Бесспорно, что лексический состав словаря включает диалектные слова, близкие белорусскому и украинскому языкам, в том числе и полностью идентичные им.

Тем не менее соглашаемся с Ниной Ивановной Курганской, рассматривающей смежность языковых фактов, фиксируемых на территории брянско-белорусского пограничья, как проявление языковой общности, отсылающей исследователей к древнерусскому языку, а также к общеславянскому языку-основе [Курганская 2008: 24].

В отношении современной языковой ситуации на территории юго-запада Брянщины констатируем, что мы определяем её как *западно-брянский региолект*, «южновеликорусский локус, базовой характеристикой которого является наличие диалектных, просторечных и разговорных черт, смежных с белорусским и украинским языками и диалектами» [10, с. 9].

Считаем неправомерным характеризовать языковую ситуацию термином полудиалект [5, с. 80], т.к. названный термин акцентирует внимание в большей степени на диалектных чертах устной речи жителей названной территории.

В 2008 и 2014 гг. нами были организованы и проведены I и II Расторгуевские чтения, в 2014 году – обновлены памятники на могилах супругов – Павла Андреевича и Надежды Дмитриевны [9]. В рамках форумов 2019 («Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье», 23-26 октября 2019 года при поддержке Фонда «Русский мир») и 2021 годов («Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья», 18-21 мая 2021 года при поддержке Фонда «Русский мир») – круглые столы, приуроченные к юбилейным датам жизни и смерти учёного.

В 2018 году по нашей инициативе одной из улиц города Новозыбкова было присвоено имя профессора П.А. Расторгуева [12].

Современная концепция регионального изучения гуманитарных дисциплин лингвистического и историко-культурного профиля предполагает широкое использование местного языкового материала как среднем, так и в высшем учебном заведении. Соответственно лингвокраеведение, лингворегиеоноведение представляют собой совокупность знаний о языковых особенностях региона, а также сам процесс получения таких знаний. Названное направление помогает продуктивно решать педагогические задачи развития языкового чутья школьников и студентов, углубляет их интерес к языку и истории родного края.

Социолингвистический и структурно-функциональный подходы к изучению регионального материала дают возможность анализировать все стороны регионального языка, степень устойчивости диалектных особенностей разных уровней системы, помимо этого, производить этнолингвистическое изучение местности, анализ диалектизм в произведениях местных авторов. Очевидно, что в этой связи работы П.А. Расторгуева, а в особенности «Словарь народных говоров Западной Брянщины», служат основой углублённого историко-лингвистического краеведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бангоян Е.С. Тематическая группа "Предметы быта" в диалектах юго-запада Брянщины: лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 – русский язык / Екатерина Сергеевна Бангоян; Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского. – Брянск, 2020. – 223 с.

2. Бекаревич К.А. Диалектные наименования праздников в речи школьников юго-запада Брянщины / К.А. Бекаревич // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18 – 21 мая 2021 г.) / Ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов, С.М. Пронченко. – Брянск : РИСО "БГУ", 2021. – С. 50–53.

3. Бурдина Е.А. От Расторгуева П.А. до наших дней (читая брянские областные словари) / Е.А. Бурдина, Н.И. Курганская // Актуальные проблемы науки и образования: труды и материалы XI междунар. науч.-метод. конф., г. Новозыбков, Брянская обл. 22-23 окт. 2008 г.: в 2 т. Ч. 2 / БГУ им. акад. И.Г. Петровского; редкол. В.Н. Пустовойтов, С.Н. Стародубец и др. - Брянск: РИО БГУ, 2008. – С.9–16.

4. Курганская Н.И. Брянские говоры в кругу родственных славянских языков / Н.И. Курганская // Актуальные проблемы науки и образования: труды и материалы XI междунар. науч.-метод. конф., г. Новозыбков, Брянская обл. 22–23 окт. 2008 г.: в 2 т. Ч. 2 / БГУ им. акад. И.Г. Петровского; редкол. В.Н. Пустовойтов, С.Н. Стародубец и др. - Брянск: РИО БГУ, 2008. – С. 19–27.

5. Пенюкова И.В. Наименования болезней в говорах юго-западной Брянщины: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.01 – русский язык / Ирина Валентиновна Пенюкова; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2021. – 275 с.
6. Расторгуев П.А. Введение / П.А. Расторгуев // Словарь народных говоров Западной Брянщины / П.А. Расторгуев. – Минск: Наука и техника, 1973. – 296 с.
7. Расторгуев П.А. Диалектологические заметки / П.А. Расторгуев // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. Выпуск 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 41–51.
8. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров Западной Брянщины / П.А. Расторгуев. – Минск: Наука и техника, 1973. – С. 11–22.
9. Славяноведение в пограничном регионе – Режим доступа: <http://www.novozybkov.ru/news/2014/10/29/clavyanovedenie-v-pogranichnom-regione-vtorye-rastorguevskie-chteniya/>
10. Стародубец, С. Н. Специфика определения статуса устной разновидности национального языка юго-западных районов Брянской области / С. Н. Стародубец // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24–26 мая 2018 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Брянск: ООО "АВЕРС", 2018. – С. 5–10.
11. Стародубец С.Н. Культурологические знания в контексте изучения русского языка в славянском пограничье / С.Н. Стародубец, Т.А. Игнатенко // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме. Сборник научных статей. – Гомель: Гомельский государственный университет им. Фр. Скорины, 2019. – С. 249–251.
12. Улица Расторгуева – Режим доступа: <http://www.novozybkov.ru/streets/ulitsa-rastorgueva/>

S.N. Starodubets

**"DICTIONARY OF FOLK DIALECTS OF THE WESTERN BRYANSK REGION"
BY PAVEL ANDREEVICH RASTORGUEV (MINSK, 1973):
ARCHAIC AND MODERN**

The paper considers the lexicographic work of Professor Pavel Andreevich Rastorguev "Dictionary of folk dialects of the Zapalnaya Bryansk region". It is determined that in the lexicography of Slavic languages, the dictionary is a fixation of linguistic phenomena of a borderline nature, reflecting the historical commonality of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages, their genetic proximity. Modern ethnolinguistic and sociolinguistic studies of the West Bryansk region, carried out based on the dictionary data, seem to be the most productive.

Key words: *East Slavic community, language situation, lexicography, linguo-regional studies, linguo-regional studies, west bryansk regiolect, dialect word.*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ДОНЕЦКОЙ РЕЧИ

Работа посвящена определению лингвокультурных направлений исследований донецкой речи. Обосновывается важность лингвокультурного подхода к описанию языка. Целью такого описания является анализ проблем изучения взаимоотношений языка и культуры, выявление предпосылок возникновения лингвокультурологии как самостоятельного направления в лингвистике. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного изучения донецкой речи как речи мультикультурного региона. В ходе исследования на примере монографии «Донецкий региолект» определены основные лингвокультурные направления работы представителей современной Донецкой лингвистической школы.

Ключевые слова: лингвокультурные направления исследований, донецкая речь, лингвокультурология, региолект, язык города, Донецкая лингвистическая школа.

Донбасс – многонациональный и мультикультурный регион, в котором проживает более 130 национальностей. Национальная культура – это традиции, история, язык, литература определенного этноса.

Национальный характер культуры – взаимодействие культур и языков разных народов, их взаимное дополнение и обогащение.

Проблемам взаимоотношения языка и культуры посвящены труды таких лингвистов, как Ш. Балли, Ж. Вандриес, В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Р. Якобсон, А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. А. Потемня и др.

В лингвистике выделяют три основных подхода к изучению данной проблемы.

Первый подход «Язык – истинная реальность культуры, способен ввести человека в культуру, фиксированный взгляд культуры на себя и мироздание» выдвинул В. Фон Гумбольдт. Он считал, что язык выражает «дух народа», его национальную культуру, воплощаемую в языке и передаваемую потомкам. Язык играет важную роль в познании действительности, формирует «картину мира» и культуру. В языке через внутреннюю форму выражен национальный характер культуры, представлено видение мира и дух народа [1].

Второй подход «Теория лингвистической относительности» – гипотеза Э. Сепира – Б. Уорфа. По их мнению, язык выходит в мир через значение как «тропинку», соединяющую его с внеязыковой реальностью, создает определенную социокультуру и картину мира. Структура языка и мышления, системная семантика языковых единиц и способ познания внешнего мира различных этносов находятся в тесной корреляции.

Данную гипотезу можно отразить в следующих положениях:

1. Языки воплощают «совокупность речевых моделей», складывающуюся из установленных способов выражения мысли и опыта. Способ познания реального мира зависит от того, на каком языке мыслит человек.
2. Говорящий на родном языке обладает системой понятий для организации опыта и определённым мировоззрением.
3. Лингвистическая система в известной мере определяет связанную с ней понятийную систему.
4. Основа лингвистической системы в значительной степени предопределяет связанное с ней мировоззрение.
5. Восприятие фактов и «сущность вселенной» – производное от языка, на котором о них сообщается и о них говорят.

6. Грамматика и логика не отражают действительности, но видоизменяются от языка к языку [16].

Третий подход – современный, при котором лингвисты рассматривают отношения между языком и культурой как отношения части и целого. Язык – продукт культуры, ее составная часть, условие существования, фактор формирования культурных кодов.

Язык и культура взаимосвязаны в процессах общения, в формировании языковых способностей человека (онтогенезе) и в формировании общественного человека (филогенезе). Как знаковые системы, язык и культура имеют много общего: им свойственны историзм и нормативность; для них характерна антиномия «динамика-статика»; у них общий субъект: общество, социум или индивид; это формы сознания, отражающие мировоззрение человека; они существуют в диалоге между собой [6].

Средством ретрансляции культуры является язык. Г. П. Нещименко в работе «К постановке проблемы “Язык как средство трансляции культуры”» высказывает ряд положений, определяющих уникальность языка:

1. Язык представляет собой универсальную знаковую систему открытого типа, способную к постоянному развитию, совершенствованию.

2. Использование звуковой и графической фиксации текста обеспечивает как слуховое, так и зрительное восприятие информации, что соответственно применяется в различных видах культуры.

3. Язык реализуется в виде множества форм его существования (кодифицированный литературный язык, разговорная речь, просторечие, диалекты, жаргоны), которые могут использоваться в сфере культуры как автономно, так и в сочетании их выразительных средств друг с другом.

4. Благодаря «гибкой стабильности» (В. Матезиус), постепенности развития языка, обеспечивается историко-культурная преемственность общества.

5. Богатство языковых средств способствует снижению «коммуникативных потерь», оперативной «расшифровке» информации.

6. Компактность языковой знаковой системы позволяет насыщать каналы коммуникации максимально емким содержанием при минимуме средств выражения.

7. Строение языковой системы с ее внутренней дифференциацией на центр и периферию позволяет вычленилть активно востребованные пласты языковых знаков и их «запасники» [8].

В 90-х годах XX столетия в лингвистике сформировалось самостоятельное направление – лингвокультурология. Этому способствовали труды А. Д. Арутюновой, В. В. Воробьева, С. В. Ивановой, В. В. Красных, В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, В. Н. Телии и других.

Лингвокультурология изучает проявления культуры народа, отраженные и закрепленные в языке, и представляет собой целостное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отраженных в языке [6].

Лингвокультурологические исследования соответствуют общей тенденции современной лингвистики – переход от лингвистики «внутренней» (имманентной, структурной) к лингвистике «внешней» (антропологической). Они рассматривают явления языка в тесной связи с человеком, через его мышление, духовно-практическую деятельность. Исследования опираются на лексические, фонетические, грамматические, текстовые языковые факторы. Культурная информация представлена в номинативных единицах языка через культурные коннотации, концепты, семы, фон.

С лингвокультурологией тесно связаны *когнитивная лингвистика, лингвострановедение, социолингвистика, экология языка, этнолингвистика, этнопсихолингвистика.*

В лингвокультурных исследованиях лингвисты пытаются изучить проявление в языке «культурных смыслов» и их влияние на осознание этих смыслов, на речевые стратегии; культурную грамотность и культурно-языковую компетентность носителей языка;

концептосферы и дискурсы языков; понятийный аппарат; культурную информацию в конкретных языковых знаках; способы интерпретации национально-культурных смыслов с позиции внутреннего («изнутри» языка) и внешнего наблюдателя (при сравнении языков).

Исследование речи представителей определенных регионов в последние годы оформилось в новое научное направление – лингворегионалистику. Оновой анализа в лингворегионалистике стал региолект.

«Региолект» как лингвистическое понятие с большим трудом поддается определению, но настойчиво противопоставляющееся учёными понятию «диалект»: региолект определяется как территориальная разновидность национального языка, пришедшая на смену диалекту. По мнению Т. Ф. Новиковой, мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь, которая остаётся одной из репрезентативных характеристик региона. Перерождение диалектов в региональные языки (региолекты) является одной из существенных особенностей современного языкового развития» [9, 10, 11].

В большинстве лингвистических исследований региолекты связывают с городской речью, в которой происходит трансформация диалекта под унифицирующим воздействием литературного языка.

В российской школе лингвистической регионалистики активно исследуются астраханский (И. С. Зварькина), белгородский (Т. Ф. Новикова, С. А. Кошарная), дальневосточный (Е. А. Оглезнева), забайкальский (И. С. Игнатович), пермский (Л. А. Грузберг, Т. Е. Ерофеева), кавказский (Е. И. Гальченко) и др. российские региолекты.

Донецкая речь никогда комплексно научно не изучалась, существовали лишь отдельные попытки.

В 1958 году Г. И. Рихтер в исследовании «Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной» описал донецкие региональные речевые ошибки [15].

Начало описанию донецкой урбанонимии положил основатель Донецкой ономастической школы Е. С. Отин [12, 13]. Изучение донецкого региолекта поставило новую задачу перед ономастами – необходимость создания ментальной карты города. Дело Отина Е. С. в своих трудах продолжают В. М. Калинин [3], Н. П. Курмакаева [5], В. И. Мозговой [7], К. В. Першина [14], В. И. Теркулов [17, 19] и др.

Речь жителя Донбасса имеет ряд отличительных особенностей. По мнению А. А. Фадеева, донбассовцы говорят на смешанном наречии, образованном от скрещения языка центральных русских губерний с украинским народным говором, донским казачьим диалектом и разговорной манерой азовских портовых городов [2].

Важно определить «национальную принадлежность» донецкого региолекта. В сознании обывателя распространено мнение о том, что речь дончанина представляет собой русско-украинский «суржик». Но это мнение необоснованно, поскольку донецкий региолект, по мнению В. И. Теркулова, должен быть определен как территориальная разновидность русского языка с несистематичными украинскими вкраплениями, потому что фонетическая, лексическая и грамматическая основы донецкого региолекта – русские. Донецкий региолект входит в систему региолектов юго-западного региолектного наречия русского языка, включающего, кроме донецкой речи, речь жителей Харькова, Луганска, Днепропетровска, Белгорода и т. д.

Изучение донецкого региолекта осуществляется в русле становления нового направления российской филологии и впервые объективирует представление о донецкой речи как о важной и неотъемлемой части единого русского национального языка.

В настоящее время в Донецком национальном университете под руководством В. И. Теркулова существует программа изучения донецкой речи. Лингвисты, помимо традиционных методов и объектов лингворегиональных исследований, этнопсихологического анкетирования и анализа концептосферы и языковой личности Донбасса, изучают базовые для формирования уникальных компонентов донецкого региолекта сленги шахтёров и металлургов, большое внимание уделяют исследованию урбанонимов.

В мае 2016 г. на филологическом факультете ДонНУ была организована «Экспериментальная лаборатория исследования тенденций аббревиации – ЭЛИТА», а в 2018 г. преподавателями кафедры русского языка реализован проект «Донецкий региолект» [2], целью которого является описание особенностей русского языка в Донбассе.

Региолект – это новая, пришедшая на смену диалектам, форма существования территориальных разновидностей русского национального языка: это совокупность городских и «урбанизированных» сельских говоров одного региона, объединённых обычно вокруг говора какого-то административного центра – областного, краевого, республиканского.

Региолект не может быть отождествлён с отдельно взятым городским говором: как и диалект, в большом количестве исследований определяемый как единство близких сельских говоров, он связывается с единообразной речью нескольких населённых пунктов – городов, посёлков городского типа и т.д. Донецкий региолект – это речь жителей городов бывшей Донецкой области: Амвросиевки, Горловки, Донецка, Макеевки и т.д. Однако вполне очевидно, что он близок не только региолектам остального Донбасса, охватывающего ещё и Луганщину и некоторые другие русские земли, но и региолектам Белгородчины, Слобожанщины и т.д. вполне возможно, что следует говорить о единой юго-восточной региолектной зоне, включающей Донецк, Луганск, Белгород, Харьков и другие лингвистически сходные территории распространения русского языка. Но такой вывод требует всё-таки основательной поддержки фактами, получаемыми в ходе эмпирических полевых исследований, для которых необходимо создание и реализация программы изучения русских юго-восточных региолектов.

Создать язык на основе региолекта нельзя: он возникает в результате унификации народной речи, в результате стирания языковых различий между диалектами под влиянием единого литературного стандарта. Речь регионов сейчас менее различается, чем в то время, когда основной территориальной формой существования национального языка был диалект, и это закономерное следствие языковой конвергенции в пределах национального языка. Появление новых языков возможно только на базе дивергентных процессов, к которым региолекты не имеют никакого отношения. При этом для возникновения новых наций нужны в первую очередь не языковые, а политические основания: особые настроения в обществе, осознание какой-то группой людей себя отдельным этносом и т.д., чему трансформация диалектов в региолекты способствовать не может [18].

Региолект сейчас в своём городском воплощении под влиянием литературного языка, в отличие от диалекта, уже не представляет собой устойчивую единицу, а имеет в своей основе языковую структуру, навязанную наддиалектными формами национального языка, в первую очередь – литературным языком, экспансия которого обеспечивается школой, средствами массовой информации и т.д. Современные городские региолекты хранят в себе только отголоски прежних языковых состояний, по-разному представленные в речи разных жителей региолектной территории. Именно поэтому у них нет никаких шансов трансформироваться в «язык города» (В. В. Колесов [4]). Данный термин по ряду причин представители донецкой лингвистической школы избегают использовать для обозначения речи этносов.

В связи с лингвокультурным исследованием языка города как воплощения региолекта особое значение получает изучение урбанонимического пространства этого города.

В монографии «Донецкий региолект» авторы попытались определить, что же такое региолект, как формировалось донецкое языковое пространство, сделали книге попытки описания языковых особенностей донецкой речи, поговорили о донецкой языковой личности и концептосфере Донбасса, о донецком тексте и методике обучения русскому языку в региолектных условиях.

Изучение структурно-семантических особенностей речи жителей города авторами отодвигается на второй план: количество регионализмов, понимаемых ими как региональные лексемы, грамматические формы и синтаксические конструкции, особенности фонетической организации речи, достаточно невелико и легко поддаётся исчислению. Например, при анализе донецкой речи выявлено около 400 лексических регионализмов, большая часть

которых являются широкими регионализмами и отмечаются в других региолектах, около 10 региональных фонетических и около 42 грамматических черт [2].

В планах исследователей окончание работы над донецким словарём, этнопсихологические исследования речи дончан, характеристика шахтёрского сленга. Мы хотим в дальнейшем коснуться состояния языка эпохи войны. Достаточно интересным представляется создание языковых портретов дончан разных возрастов и сословий, работа с «донецким текстом».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон Характер языка и характер народа // В. фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 370–381.
2. Донецкий региолект: монография / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой, К. В. Першина, И. А. Кудрейко и др.; под ред. В. И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО "НПП" Фолиант", 2018. – 265 с. ISBN 978-5-6041177-3-6
3. Калинин В. М. Поэтика онима / В.М. Калинин // Донецк Юго-Восток, 1999. – 408 с.
4. Колесов В. В. Язык города / В. В. Колесов. – М. : Высшая школа, 1991. – 192 с.
5. Курмакаева Н. П. К вопросу о структуре региональной языковой личности и принципах её формирования / Н. П. Курмакаева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – Донецк : ДонНУ. – 2018. – № 1. – С. 9–14.
6. Лингвокультурология : краткий курс лекций и хрестоматия / авторы-сост.: С. А. Питина, Л. А. Шкатова ; Челябин. гос. ун-т. - Челябинск, 2006. - 118 с.
7. Мозговой В. И. Переименования топонимических объектов Донбасса: объективная необходимость или орудие экспансии? [Электронный ресурс] / В. И. Мозговой // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной конференции (20 ноября 2015 г.). – Макеевка, 2015. – С. 271 – 275. – Режим доступа : [http : // donnasa.ru](http://donnasa.ru)
8. Нешищенко Г. П. К постановке проблемы «Язык как средство трансляции культуры» / Г. П. Нешищенко // Язык как средство трансляции культуры. – М. : Наука, 2000. – С. 30–45.
9. Новикова Т. Ф. Лингворегионоведение / Т. Ф. Новикова // Часть 1 : программа и программно-методические материалы. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.
10. Новикова Т. Ф. Проблемы создания словаря языка региона / Т. Ф. Новикова // Мова і культура (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2011. – Вип. 14. – Т. IV (150). – С. 126–132.
11. Новикова Т. Ф. Теоретико-прикладные проблемы описания современных региолектов / Т. Ф. Новикова // Acta Neophilologica. – XIX (1). – 2017. – С. 171–178.
12. Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с.
13. Отин Е. С. Топонимия Донетчины / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2013. – 118 с.
14. Першина К. В. Топонимы Донбасса в этнокультурном измерении / К. В. Першина // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной конференции (20 ноября 2015 г.). – Макеевка, 2015. – С. 286–289. – Режим доступа : [http : // donnasa.ru](http://donnasa.ru)
15. Рихтер Г. И. Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной / Г. И. Рихтер. – Сталино : Сталинское обл. изд-во, 1958. – 30 с.
16. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
17. Теркулов В. И. Изучение урбанонимии в лингворегиональных исследованиях / В. И. Теркулов // Ономастика Поволжья. Материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома. В 2 т.. Кострома, 2020. – Костромской государственный университет. – С. 177–184.
18. Теркулов В.И. Региолект или национальный вариант : к постановке проблемы / В. И. Теркулов. // Филология и культура. – Казань, 2012. – № 2 (28). – С. 117–120.

19. Теркулов В.И. Региолект территорий позднего заселения как системное образование / В. И. Теркулов // Славянский вклад в мировую цивилизацию: материалы междунар. конф. Волгоград, 16–19 окт. 2017 г. / науч. ред. проф. Л. А. Шестак. – Волгоград: Науч. изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. – С. 50–55.

R.N. Nazar

LINGUOCULTURAL DIRECTION OF RESEARCH OF DONETSK SPEECH

The work is devoted to the definition of linguocultural directions of research of Donetsk speech. The importance of the linguocultural approach to the description of the language is substantiated. The purpose of this description is to analyze the problems of studying the relationship between language and culture, to identify the prerequisites for the emergence of cultural linguistics as an independent direction in linguistics. The relevance of the topic is due to the need for a comprehensive study of Donetsk speech as the speech of a multicultural region. In the course of the study, based on the example of the monograph "Donetsk Regiolect", the main linguocultural directions of the work of representatives of the modern Donetsk linguistic school were determined.

Key words: *linguocultural areas of research, Donetsk speech, cultural linguistics, regiolect, city language, Donetsk linguistic school*

УДК 81.373

Н.В. Гладкая

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА

В статье рассматриваются особенности современного интернет-сленга, его прагматический потенциал. В работе определены основные способы образования сленга, также внимание уделено словообразовательным возможностям данного явления, доказана актуальность проблемы и намечены дальнейшие перспективы ее изучения.

Ключевые слова: *Интернет, сленг, коммуникация, способы образования интернет-сленга*

Интернет в современном мире выступает идеальной площадкой для реализации творческого потенциала современных интернет-пользователей, т.к. преобладающий анонимный характер общения способствует более открытой форме выражения мыслей и эмоций, без учета цензуры, без страха быть раскритикованным и непонятым собеседником. В результате активной коммуникации сформировался особый язык Интернета, который «представляет собой вторичную семиотическую систему, которой присущи три уровня: фонологографический; лексико-пиктографический и морфолого-синтаксический» [3]. В условиях межязыковых контактов в Сети особое место занимает интернет-сленг, который появился как результат стремительного развития технологий, стремления к экономии речевых средств и желания пользователей социальных сетей к объединению в группы по интересам. Много сленговых выражений появились благодаря сокращению слов или словосочетаний для выражения эмоций и выражения отношения к чему-либо, например, *LOL* — (англ. *Laughing out loud, lots of laughing*) *громко смеюсь*, *R.I.P.* (*requiescat in pace, riposa in pace, rest in pease* — «покойся с миром»), *ИМНО* (*in my humble opinion*) – *я думаю; по-моему скромному мнению* и др.

Интернет-сленг в современном мире встречается повсеместно, поэтому зачастую бывает затруднительно точно определить, откуда произошло то или иное выражение. Сленговый стиль общения подразумевает скорость передачи информации, высокую эмоциональность, выразительность, краткость и изменчивость.

Рассматривая интернет-сленг как социально-лингвистическое явление, важно учитывать, что помимо позитивных сторон (получение удовольствия от общения и понимания друг друга, раскрепощения, языковой игры, психологической разгрузки, скорости передачи и восприятия информации, экономии речевых средств и доступности), данная категория обладает рядом негативных черт: существенным снижением уровня орфографической и пунктуационной грамотности, что в свою очередь переносится из интернет-сферы в реальную жизнь, тенденция к сокращению слов ведет к оскуднению словарного запаса и невозможности четко выразить свои мысли и грамотно выстроить предложения [1].

Интернет-сленг неоднороден по своей природе, его использование зависит от типа ситуации коммуникации, самого пользователя и социальной группы внутри которой происходит общение. Таким образом, можно выделить наиболее продуктивные способы образования интернет-сленга:

- *Звукоподражание или стилизация написания* — наиболее распространенный вариант интернет-сленга. Так, в русскоязычном сегменте Интернета встречаются такие формы: *хахаха, ахаха, гggggg, ыыыыыы, бугага, гыгыгы* (выражение смеха); *пффф* (выражение высшей степени удивления или недовольства) и др.;
- *Омофоны* — к омофонии можно отнести также акронимы и аббревиатуры, преимущественно заимствованные из других языков. Например, *4u (4u — for you — для тебя); LOL (англ. Laughing out loud, lots of laughing)* и др.; Примечательно, что некоторые аббревиатуры, которые сейчас ассоциируются с интернет-сленгом, появились не в интернет-среде. Так, выражения *OMG* использовалось в своем значении еще в начале XX в., а *LOL* использовалось как аббревиатура выражения «little old lady»;
- *Гетерографы* — замена одного слова другим, схожим по звучанию. Например, слово «*соуса*» используется вместо слова «*источники*» из-за звуковой схожести английского слова *source* — *источник, ресурс*.
- *Пиктография* — использование типографических знаков для выражения эмоций. Традиционно к подобным эмоджонам относят смайлы (смайлики), которые могут варьироваться от простых, например, ☺ — *означает улыбку*, к очень сложным, например (^_^) — *означает недовольство*. Но современная интернет-коммуникация склонна к максимальному упрощению даже в использовании пиктограмм. Так, для выражения эмоций уже не требуется сложных манипуляций с запоминанием комбинаций клавиш, достаточно выбрать нужный эмодзи на всплывающей вкладке, а знаки конца предложения заменила одна скобка.
- *Флейминг* — использование бранных выражений для намеренного оскорбления и глумления над конкретными пользователями Сети;
- *Усечение, сокращение слов* — В некоторых случаях слова сокращаются настолько, что непосвященному пользователю сложно сразу восстановить полную форму и значение. Например, *пжл — пожалуйста, спс — спасибо, грит — говорит* и др.;
- *Написание иноязычных слов русскими буквами* — например, *сори — извини, изи — легко; фиксить — исправлять ошибки; краш — тот, кто нравится, лук — образ, баттл — битва, пранк — розыгрыш* и т.д.;
- *Замена букв в слове* — Наиболее частотны замены звонких согласных на глухие и наоборот. Например, *здарофф или дарофф* (буква *в* заменяется буквой *ф*);
- *Фонетическое написание слова* — *намана* (нормально), *пасиб* или *пасибо* (спасибо), *харашо, драсти* и др.;
- *Почти полный отказ от правил и норм орфографии* — чем более кратким и необычным будет сообщение, тем больше популярности будет у пользователя в своей социальной группе;
- *Присвоение нового значения слову, с уже сложившемся значением в литературном языке* — в основном данный способ характерен для английского языка, в русском сегменте Интернета такой тип словообразования не получил

широкого распространения, т.к. для создания тайного, нового сленгового языка нужны новые креативные слова [2]. В русском языке можно отметить немногие случаи подобного словообразования. Так, слово «баян» (в интернет-сленге — это «шутка» или «устаревшая шутка») по одной из версий произошло от знака -//-, который применяется для обозначения повторения в тексте. Другим ярким примером приобретения словом нового значения является слово «eric», которое изначально имело значение «обладающий свойством эпоса, героический и величественный», однако в интернет-сленге оно приобрело иное значение — «впечатляющий» (например, *eric fail* — огромная неудача).

- *Отсутствие пунктуации* — в некоторых случаях пунктуационные знаки заменяются эмоджиками.

Большая часть сленговых выражений являются заимствованиями из английского и японского языков (в особенности из аниме). Заимствование из английского языка объясняется более ранним появлением интернет-технологий и сообществ на Западе, поэтому, когда Интернет только начал появляться в России, пользователям приходилось искать англоязычных собеседников, что способствовало быстрому восприятию чужого лексикона [5]. По мере распространения Интернета в России, пользователи использовали знакомые им слова и выражения из иностранного языка в русскоязычной среде, трансформируя и подстраивая их под систему родного языка. Так, например, слова *repost* (акт копирования записи к себе на страницу), *tweet* (публикация сообщения в сети Twitter), *hate* (выражать ненависть к кому-либо, чему-либо) в русском языке стали глаголами и приобрели характерные для глагола формы с **-ТЬ**: *репостнуть*, *твитнуть*, *хейтить*.

Заимствования из японского языка в интернет-сленге повторяют историю английских заимствований, т.к. большая их часть попала в русский язык благодаря аниме (аниме — японская мультипликация, рассчитанная на подростковую и взрослую аудиторию) и изначально использовалась только фанатами данного жанра. Особенностью японских сленговых заимствований является транспозиция некоторых общеупотребимых слов [4]. Например, японское прилагательное *кавай* (милый) в русском языке стало существительным, от которого затем образовалось новое прилагательное *кавайный* (милый).

Следует отметить, что несмотря на преобладающее множество однозначных сленговых выражений, встречаются и многозначные. Например, аббревиатура *BB* может означать *и baby* — ребенок, *и bye-bye* — пока, до свидания. Определение значения будет зависеть от ситуации и сообщества, в котором употребляются данные слова. В некоторых пабликах можно встретить калькирование англоязычных аббревиатур, например, употребляется *ЧАВО* — Часто задаваемые Вопросы, вместо *FAQ* — *Frequently Asked Questions*, но это явление встречается редко. Существуют сленговые аббревиатуры, которые используются только в русскоязычном сегменте Интернета, их количество ограничено, а применение характерно для пользователей старше 25 лет. Например, *ППКС* — *подпишусь под каждым словом*; *ЧЕЗ* — *черт его знает* и др.

В отдельную категорию сленговых выражений можно отнести эрративы или какографию, т.е. нарочитое искажение слова или выражения для создания комического эффекта. В русскоязычном сегменте для достижения этих целей используется прием буквализации. Например, *лицоладонь*, *рукалицо* — *facepalm*; *Лицокнига* — *Facebook* и др.

Примечательно, что в некоторых случаях случайно допущенные пользователями ошибки становятся общедоступными сленговыми выражениями. Например, использование слова *wat* вместо *what*; образованные в результате не переключения раскладки клавиатуры слова, при этом благодаря контексту они легко узнаваемы: *Ghbdtn* — это *Привет*; *Rfr ltkf&* — *Как дела?*; *3.И.* в конце сообщения — это *P.S.* и проч. Продуктивным словообразовательным суффиксом как в английском языке, так и в русском при образовании интернет-сленга является суффикс *-er*, обозначающий названия профессий или род деятельности. Например, *геймер*, *спаммер*, *донтер* и т.д.

Учитывая вышеизложенные факты, можно сделать вывод, что интернет-сленг является неотъемлемой составляющей Интернета, как в русском сегменте, так и в Западном. Следует отметить высокий словообразовательный потенциал данного явления, которое объединяет в себе черты русского языка и языка источника. Проведенный анализ демонстрирует актуальность заявленной темы, динамику данного явления и высокий прагматический потенциал, поэтому исследование темы является перспективным и требует более детального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Н.В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции / Н.В. Виноградова. – Исследования по славянским языкам. – 2001. – №6. – С. 203 – 216.
2. Кудинова Н.А. Функционирование молодежного сленга в субкультурных образованиях / Н.А. Кудинова // Вестник ВятГУ. – 2008. – №4. – С. 11 – 13.
3. Лексико-семантическая характеристика молодежного сленга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.refsru.com/referat-363-13.html>.
4. Мизюрина Т.В. Определение и общие характеристики понятия «сленг», его роль в языке и культуре современной России / Т.В. Мизюрина // Вестник Челябинского гос. Ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2013. – №1 (292). – С. 106 – 111.
5. Хомяков В.А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. – М.: Либроком, 2009. – 104 с.

N.V. Gladkaya

FEATURES OF MODERN INTERNET SLANG

The article examines the features of modern Internet slang, its pragmatic potential. The work identifies the main ways of forming slang, also pays attention to the word-formation possibilities of this phenomenon, proves the urgency of the problem and outlines further prospects for studying this problem.

Keywords: *Internet, slang, communication, ways of forming Internet slang*

УДК 811.1:378

А.Э. Шаповалова
НИУ «БелГУ»

ИЗУЧЕНИЕ СЛОВ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются слова с национально-культурным компонентом значения, говорится о сложности их изучения обучающимися, студентами, а также иностранными гражданами. Для наиболее легкого усвоения данного класса слов мы предлагаем использовать инновационные технологии, например, использовать QR-код.

Ключевые слова: *слова с национально-культурным компонентом значения, QR-код, лингвокультурология.*

В настоящее время лингвистика активно развивает курс, в котором язык анализируется с точки зрения культурного кода нации, а не просто средства коммуникации. Основы данного направления были заложены исследованиями В. Гумбольдта, А. Потебни и др. Ведь не зря В. Гумбольдт утверждал, что «границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения».

Таким образом, в данной работе язык будет рассматриваться не только с точки зрения коммуникации, а с точки зрения культурной составляющей, в этом нам поможет лингвокультурология – раздел науки о языке, изучающий слово с точки зрения культурного фона. По словам В.В. Воробьева, лингвокультурология – «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания...» [Воробьев 1997: 59].

Известно, что с самого рождения человек, рожденный на определенной территории, усваивает язык народа, его культуру и традиции, а как быть с иностранцами? Ведь даже русскоговорящие люди, проживающие на разных территориях, не всегда понимают значение слов с национально-культурным компонентом значения (НКК), свойственные определенному народу. Именно с этой проблемой мы и столкнулись при изучении культурологического аспекта как русскоговорящих людей, так и иностранцев.

Именно с этого ракурса необходимо осваивать филологическое образование. Изучение языковых единиц в качестве «кода культуры» – это задача всего образования, так как в образовательном процессе повышается интерес к культурному фону в образовании, к реализации культурологического подхода. В ходе процесса обучения учащемуся необходимо осваивать ценности, накопленные человечеством ранее; реализовать такую идею можно с помощью языка, так как именно он передает важнейшие критерии и реалии прошлой жизни. Такую идею формируют современные методисты В.А. Доманский, А.Д. Дейкина, Л.А. Ходякова и др. Также активно проблема языка и культуры рассматривается лингвистами: Н.Ф. Алефиренко, Е.М. Верещагиным, А.А. Залевской, В.А. Масловой, Т.Ф. Новиковой, В.Г. Костомаровым, С.А. Кошарной, А.Т. Хроленко, Н.М. Шанским и др.

ФГОС второго поколения говорит нам о необходимости культуроориентированного подхода в обучении русскому языку. Но, к сожалению, в методике преподавания русского языка такой подход изучен главным образом в теоретическом плане, а вот практической составляющей нет. В связи с этим нужно выработать новейшую методическую систему, которая сможет достичь культурологических целей эффективными методами и средствами. Одним из таких составляющих являются слова с национально-культурным компонентом значения (далее – НКК).

Таким образом, актуальность нашей работы видится в востребованности подхода к анализу и исследованию русского языка как хранилища национальных ценностей. Рассмотрение на занятиях лексики с НКК помогает осознать культуру народа, обратиться к мировоззренческим проблемам. Работа с такими словами позволяет добиваться не только предметных, но и метапредметных результатов, о которых говорится в ФГОСе. Такая лексика помогает решить и воспитательные задачи, потому что обладает безусловно духовно-нравственным и ценностным потенциалом.

Теперь необходимо разобраться с классификацией слов с НКК. Т.Ф. Новикова структурирует в своей работе «Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования» лексические единицы языка, именуемые «словами с национально-культурным компонентом значения», которые классифицирует так:

- безэквивалентные слова и устойчивые выражения – лексика, у которой нет точных наименований в других субкодах этого же языка, которые не могут быть переведены на другой язык;
- диалектные слова – язык, который характерен для определенной территории проживания, входящий в литературный язык;
- этнографизмы – понятия, которые свойственны быту и культуре народа;
- наименование явлений и фактов национальной культуры, быта;
- реалии, отображающие территориальную расположенность, локализмы (скрытая ценность, связанная с существованием в большом обществе вечевоего и соборного идеалов, характеризуется абсолютизацией роли и власти локальных сообществ), топонимы (имя собственное, обозначающее название (идентификатор) географического объекта), микротопонимы;

- историзмы исторические события – слова или устойчивые выражения, называющие предметы, которые существовали ранее;
- антропонимы – имена людей и их отдельные составляющие;

- мифонизмы, названия и обозначения явлений религиозной культуры - мифологические имена;
- термины родства;
- слова, репрезентирующие концепты русской и мировой культуры;
- фразеологизмы, образные выражения, поговорки и пословицы;
- элементы и формулы русского речевого этикета [Новикова 2007: 68].

Поскольку сейчас век инноваций, то учитель и преподаватель просто обязан поставить себе цель – использовать инновационные технологии на своих уроках, лекциях, практических занятиях, ведь именно благодаря ним и происходит усвоение знаний эффективнее в современном мире. Поскольку мы будем говорить об инновациях, необходимо дать определение данному термину. Инновации – что-то новое, то, что недавно стало использоваться в определенной дисциплине, возможно, привнесенное из вне. Инновации в образовании – это новшества в педагогике, которые способствуют повышению уровня обучения, воспитания, а также совершенствованию технологий обучения.

Данными инновационными технологиями мы считаем следующие (рядом с каждым приложением дается QR-код на программу, которая описана, считать его можно с помощью программы, установленной на телефон):

1. QR-код – данная технология вмещает себя небольшую информацию (половина листа А4) или же гиперссылку, которую можно запрограммировать с помощью генератора QR-кода [Калиева 2013, электронный ресурс]. Затем этот код считывается на уроке с помощью телефона или планшета, и у обучающегося сразу же высвечивается информация или задание, которое можно выполнить и получить оценку.

2. Plicers – данная программа поможет учителю и преподавателю быстро провести опрос обучающихся в тестовой форме. Приложение устанавливается на телефон и компьютер учителя, а обучающимся выдается персональный QR-код с буквами (A, B, C, D) с четырех сторон. На экране проектор высвечивает вопрос теста, учащиеся в это время переворачивают карточку нужной стороной, а учитель сканирует ее с помощью телефона, важно, что учитель сразу видит правильный/неправильный ответ каждого ребенка, а затем он высвечивается на экране, каждый обучающийся видит свою фамилию красным или синим цветом, от этого будет зависеть результат.

3. Learning through open data – данная программа поможет разнообразить ваш урок, провести его в игровой форме. Главное, что там есть база заданий по каждой теме, но и учитель с легкостью может создать свое, которое будет идеально подходить к его уроку. Например, предлагаю ознакомиться с заданием, подготовленным к уроку «Стилистика» для 5 класса. А следующее задание заключается в соотношении слова и его лексического значения, такое задание подойдет как для урока развития речи (написание сочинения, подготовка к ОГЭ, задание 9), так и для задания 8 ОГЭ, где необходимо найти слово с определенным значением или синонимы/антонимы.

Хотелось бы уделить особое внимание QR-технологии и показать, как с помощью нее можно с легкостью освоить «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. В век инновационных технологий мы можем увидеть разнообразные формы

данного словаря: бумажные и электронные, но это не упрощает изучение слов с НКК, использованных в нем как для русскоговорящих, так и для иностранных граждан. Таким образом, необходимо разработать такой вариант, который бы помог наибольшему усвоению знаний.

Выявив данную проблему, мы решили, что именно QR-код поможет решить этот вопрос. Начинать изучение словаря необходимо с самого простого, для этого мы выделим определенные классы слов:

1. Слова, указывающие на родство людей: тесть, сват, родельница, родиха, бабуша, дед, дедя, жена, тетка, муж, свекор, сноха, бабуня, бабушенька, родительница и др.
2. Слова, называющие предметы в быту: ложка, тарелка, пекарня, видка, балбера и др.
3. Слова, обозначающие профессии людей: водонос, вожак, волонтер, баглай, герунок и др.
4. Слова, обозначающие животные: дичь, еврашка, жаба, жаворонок, ястребок, жужель.

Можно выделить еще множество групп слов, но пока остановимся на этих. Когда обучающийся видит данные слова, то испытывают трудность, конечно, некоторые из них понятны русскому человеку, а некоторые, наоборот, заводят в тупик. Задача учителя и преподавателя заключается в том, чтобы донести как можно проще, сделать запоминающимся то или иное слово, чем больше слов с НКК будут знать обучающиеся, тем лучше, тем связь истории, культуры, будет сильнее с подрастающим поколением.

Для запоминания и усвоения большего количества слов с НКК мы стали использовать QR-код, поскольку многотомные словари не так уж удобны в использовании, да на всех их часто не хватает, а поработать с ними хочет и должен каждый ребенок. Ниже я представляю алгоритм, который мы используем при создании QR-кода для освоения лексики обучающимися:

1. Находим слово с НКК в толковом словаре, которое будет соответствовать теме нашего урока.
2. Копируем ссылку на это слово в поисковой строке.
3. Открываем приложение для создания QR-кода (<http://qrcoder.ru/>).
4. Вставляем ссылку в окно для создания QR-кода.
5. Нажимаем кнопку «Создать код».
6. В правом нижнем углу высвечивается готовый QR-код, можно выбрать его размер.
7. Наша задача скопировать его и вставить в word, затем мы распечатываем столько кодов, сколько нам необходимо для урока (по количеству детей или групп).
8. Затем мы делаем тоже самое с картинкой, обозначающей данное понятие, это необходимо для лучшего усвоения материала обучающимися.

Ниже приведу пример данных кодов, например, слово жужель – жучок из семьи или разряда бегунов, скороходов, *Carabus*. Жужелицы тонконоги, бегают быстро (шелкуны прыгают, упиравсь грудным щитком или шипами его; жуки, толстые, горбатые; козявки, мягкокрылые жучки; так свои приметы и у букашек, тараканов, собств. жуков и пр.). | Жужелица также пена, сок, гарь, шлак при плавке металлов, и гарь при перекалке и ковке, блестя, окалина; гарь, скипевшаяся в горну. Жужга ж. или жужг м. перм. вят. хлебный червь, насекомое с клопа, поедающее в засуху хлеб под корень [Даль 2008-2017].

Здесь можно работать с обучающимися по-разному. Например, попросить отсканировать первый код, спросить, что они видят, попросить дать название этому жуку, посмотреть, есть ли дети, которые угадали название, обычно таких нет, затем попросить отсканировать второй код, чтобы обучающиеся познакомились с новым словом, но оставлять на этом нельзя знакомство, мы должны провести словарную работу, возможно, творческую.

Можно пойти другим путем. Если это дети младшего возраста, можно попросить их прочитать определение, а потом изобразить его. Затем познакомить их еще и с жуком в учебнике биологии.

Важно не забывать об уроках развития речи. Например, по картине Б. Кустодиева «Пасхальный обряд. Христосование». Мы можем провести урок по описанию внешности человека, используя приложение Learning through open data. Обучающимся в виде пазла предлагается соотнести слова описания внешности и, например, качества характера, при правильном соотнесении у учеников откроется картина, которую необходимо описать. Затем необходимо спросить: знает ли кто-то название ее или нет? Затем обращаемся к названию и спрашиваем, что такое христосование, если обучающиеся не поняли, что это троекратный обмен поцелуем в честь Пасхи, то раздаем QR-код с зашифрованным определением. Это будет выглядеть так:

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящий момент существует огромное количество инноваций, которые помогут учителю и обучающемуся в овладении словами с национально-культурным компонентом значения, да и вообще в овладении новыми знаниями. Приведенные нами инновационные технологии более увлекательно и интересно помогут овладеть этими знаниями, чем при традиционном обучении. Цель образования – формирование личности, быстро ориентирующейся и подстраивающейся под изменения окружающего мира. А используя такие технологии, учащиеся будут заинтересованы в достижении определенных результатов обучения, что в итоге позволяет повышать качество образования. Не стоит бояться чего-то нового – необходимо идти в ногу со временем, тем более что эти новшества только помогают, а не причиняют вред.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В.В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах [Текст] / В.В. Воробьев // Язык и культура: Сб. докл. 2 -я междунар. конф. – Киев, 1993. – С. 42-48.

2. Электронный ресурс: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-r/>.
3. Колесникова Т.А., Колокольникова З.У., Лобанова О.Б. Применение инновационных технологий в образовательном процессе современной школы // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2017. – № 6-2. – С. 261-269.
4. Новикова Т. Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования : моногр. / Т. Ф. Новикова. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2007. — 296 с.
5. Новикова Т.Ф. Дидактические траектории в работе со словом [Текст] / Т.Ф. Новикова // Русский язык в школе. – М.: 2011.- №11. – С.3-10.
6. Новикова Т.Ф. Культуроориентированные приемы работы с текстом и со словом в тексте [Текст] / Т.Ф. Новикова // Русский язык в школе. – М.:2011. - №12. – С.3-9.
7. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В.И. – М.: РИПОЛ классик, 2006. / Том 4. Р-Я. – 672 с. / Р. 5–127 с. – (Золотая коллекция). ISBN 5–7905–4703–6.

A. E. Shapovalova

THE STUDY OF WORDS WITH A NATIONAL-CULTURAL COMPONENT OF MEANING USING INNOVATIVE TECHNOLOGIES

The article deals with words with a national-cultural component of meaning, it is said about the complexity of their study by students, students, as well as foreign citizens. For the easiest assimilation of this class of words, we suggest using innovative technologies, for example, using a QR code.

Key words: words with a national-cultural component of meaning, QR code, linguoculturology.

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ «ГИДРОНИМЫ ЛУГАНЩИНЫ»

В статье дается краткая характеристика структуры словаря и раскрывается содержание основных этапов работы над ним, описывается базовый принцип организации материала в электронном пособии, особенности составления в соответствии с целью его применения и использования. Раскрывается информация о вкладках с подробным описанием работы в каждой из них.

Ключевые слова: электронный словарь, компьютерная лексикография, словарь компьютерного типа, гидронимы, лимнонимы, потамонимы, гелонимы.

В последнее время лексикография значительно расширила свой инструментарий компьютерными технологиями создания и использования словарей. Данное направление прикладной лингвистики получило название компьютерной лексикографии. Компьютерная лексикография – дисциплина переходного периода: переход от рукописной и ручной лексикографической практики к новым электронным информационным технологиям. Она представлена совокупностью методов и программных средств обработки текстовой информации для создания словарей. Именно способы организации словарной статьи, устройство словарей и технология их создания являются центром интереса компьютерной лексикографии [9, с. 45]. Главным объектом компьютерной лексикографии является компьютерный словарь, под которым понимается любое лексикографическое произведение на машинных носителях, снабженное программами автоматической обработки и наполнения [2, с. 36].

На сегодняшний день огромный интерес вызывают происхождение и значение географических названий. Они служат одним из топонимических источников, который используется в лингвистике, этнографии, истории, а также содержат важную историко-культурную информацию. В топонимике отражаются менталитет людей, особенности освоения территории, природные реалии, этноязыковые и этнокультурные связующие и принципы их восприятия [1]. Важной частью лингвистических исследований в изучении топонимического материала является региональный подход. К сожалению, топонимика Луганского края не была комплексно изучена. Однако именно она определяет восприятие людей к окружающим их реалиям. Водные объекты Луганской области нуждаются в детальной систематизации, вследствие чего предполагается разработка и создание электронного словаря «Гидронимы Луганщины».

Объект исследования – электронный словарь «Гидронимы Луганщины».

Предмет исследования – структура электронного словаря.

Цель – описание и систематизация водных объектов Луганщины.

Задачи:

- собрать наименования водных объектов,
- разработать интерфейс электронного словаря;
- структурировать материал в электронное приложение.

Неотъемлемой и органичной частью науки о языке является именно лексикографическая практика. Информация из словарей может быть использована в качестве материалов исследования, они могут выступать в качестве конечного результата, практического итога научной деятельности. Словари обладают большими информативными возможностями, а также являются источником для теоретических построений и разработки других аспектов анализа. Использование электронных словарей вызвано объективными

обстоятельствами, с их помощью можно решить проблему быстрого поиска необходимой информации, соответствия содержания текущему моменту [2].

О.С. Рублева выделяет следующие достоинства электронных словарей: большой объем, удобство и скорость поиска информации, наличие звуковой и графической иллюстрации слова, возможность самостоятельного заказа структуры словарной статьи через заданный путь поиска, возможность разностороннего раскрытия значения слова. Электронный формат позволяет вмещать в корпусе большое количество информации. Словари в Интернете обладают способностью постоянно обновляться, а поисковые стратегии пользователя, работающего с электронными справочниками, отличаются большей креативностью по сравнению с возможностями, предоставляемыми печатными продуктами [4].

По мнению В. П. Селегея, электронный словарь – это особый лексикографический объект, в котором могут быть реализованы и введены в обращение многие продуктивные идеи, не востребованные по разным причинам в бумажных словарях [5].

Словарь, существующий в электронном формате, – это не просто отсканированная электронная версия уже созданного бумажного словаря, это полностью самостоятельный продукт, и форма его бытования логично продолжает и дополняет содержательную составляющую. Компьютерная лексикография является особым направлением в практической лексикографии со своими собственными подходами не только к отображению, но и к содержанию словаря» [5, с. 2].

Все электронные словари можно классифицировать по роду выполняемых задач (словари для формального определения рода и падежа существительного), по характеру лексических единиц, включенных в словарь (сюда относятся словари словоформ, состоящие из списка всех словоформ подъязыка, или словари основ, состоящие из списка основ и окончаний), по способу организации словников (алфавитные, тезаурусы, где словарные единицы сгруппированы по понятийным группам) [1].

На сегодняшний день выпущено довольно большое количество электронных словарей, однако словарь гидронимов Луганского края не составлен. Изучение гидронимов студентами на аудиторных и внеаудиторных занятиях позволит не только углубить знания по лингвистическим дисциплинам, но и расширить их кругозор в области других научных дисциплин, сформировать языковую, лингвистическую, культуроведческую компетенцию. Все названия гидронимов Луганщины были мотивированы: сберегли в себе реальные признаки, которые характеризуют названные ими объекты, другие – определенные обстоятельства, приобретенные в процессе существования. Степень реальности этих обстоятельств, как и признаков, можно проверить: река глубокая могла стать мелкой, широкая – узкой, что отразилось на названиях водных объектов. Названия гидронимов помогут выяснить социолингвистические факторы, которые обусловили общие признаки их семантики в целом, будут содействовать достоверному установлению системно-структурной интерпретации.

Методом подсчета гидронимов было выявлено, что в областных центрах и районах Луганской области расположено следующее количество водных объектов:

- г. Алчевск – 8 прудов, 2 водохранилища, 3 реки;
- г. Кировск – 4 пруда, 1 река;
- Лутугинский район – 49 прудов, 4 водохранилища, 5 рек;
- г. Ровеньки – 15 прудов, 2 водохранилища, 2 реки;
- Стахановский район – 1 пруд, 2 водохранилища, 3 реки;
- г. Антрацит и Антрацитовский район – 147 прудов, 8 водохранилищ, 4 реки;
- Краснодонский район – 25 прудов, 5 водохранилищ, 3 реки;
- Первомайский район – 7 прудов, 2 реки;
- Свердловский район – 82 пруда, 5 водохранилищ, 1 отстойник, 22 реки;
- г. Брянка – 6 прудов, 2 реки;
- г. Красный Луч – 19 прудов, 2 водохранилища, 9 рек;
- Перевальский район – 50 прудов, 1 водохранилище, 12 рек;
- Славяносербский район – 16 прудов, 1 озеро, 3 реки.

Можно сделать вывод, что на вышеуказанных территориях прудов – 454, водохранилищ – 26, озер – 2, карьеров – 18.

Анализ собранного материала гидронимов показал, что водные объекты Луганщины нуждаются в детальной систематизации. В ходе нашего исследования был составлен электронный словарь «Гидронимы Луганщины», где отображены результаты исследований. Словарь составлен для студентов гуманитарных и технических специальностей.

В процессе работы над словарем планируется внесение информации о гидронимах Луганщины с описанием лексико-семантических характеристик. В словарь включаются названия рек, прудов, озер, ручьев, колодцев, источников, родников. Общее количество водных объектов ЛНР составляет около 500 гидронимов.

Словарь охватывает основной круг гидронимов Луганщины, часто используемых в филологической практике и отражающих специфику топонимов родного края.

Данные словарных статей могут существенно помочь студентам-филологам в различных формах учебной работы во время знакомства с основами филологии, лингвистики, ономастики, языкознания. Использование информации из электронного словаря поможет пользователю изучить историю малой родины, пробудить интерес и бережное отношение к историческим и культурным ценностям, воспитать интерес к изучению родного края. Данный словарь рекомендуется использовать при самостоятельной подготовке учащихся школ и студентов технических и гуманитарных специальностей к семинарским занятиям и работе над рефератами, подготовке студентов к зачету/экзамену по дисциплинам «Современный русский язык», «Региональная ономастика», «Лингвистика текста», «Русский язык и культура речи», а также для тех, кто проявляет интерес к этимологии языка, истории родной земли.

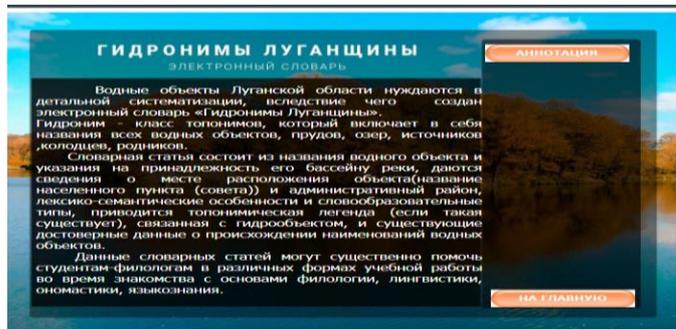
Рассмотрим более детально интерфейс словаря. Комплексный словарь «Гидронимы Луганщины» – электронное издание, предназначенное для предоставления пользователям лексикографической информации о гидронимах Луганщины. Словарь состоит из следующих вкладок: «Аннотация», «Потамонимы», «Лимнонимы», «Гелонимы», «Микрогидронимы», «Литература», «Условные обозначения». В верхнем правом углу главной страницы находится система поиска, куда можно ввести наименования интересующего водного объекта для получения необходимой информации. Внизу главной страницы находится коллекция фотографий гидронимов. При наведении на них мышью всплывает их наименование, если два раза щелкнуть левой кнопкой мыши, то изображение развернется в полноэкранный формат (рис 1.).

Рис. 1

Вкладка «Аннотация». При нажатии левой кнопкой мыши на вкладку «Аннотация», откроется окно с описанием электронного словаря. При нажатии на кнопку «На главную» переходим обратно на главную страницу (рис 2).

Рис.2.

Вкладка «Потамонимы». Зайдя на эту вкладку, пользователь может получить список всех рек и ручьев ЛНР в алфавитном порядке, нажав на нужный водный объект по гиперссылке, переходим в отдельное окно со словарной статьей о гидрониме (рис. 3).

Словарная статья потамонима (рис. 4) состоит из названия водного объекта, даются сведения о месте его расположения, притоке, длине, площади водосборного бассейна, указываются наиболее крупные притоки, лексико-семантические особенности и словообразовательный тип, приводится топонимическая легенда (если такая существует) или описывается реалья, связанная с данным водным объектом. Нажав на кнопку «Назад» можно вернуться к списку всех потамонимов, после чего, нажав на кнопку «На главную», можно вернуться к главной странице словаря.

Рис. 3

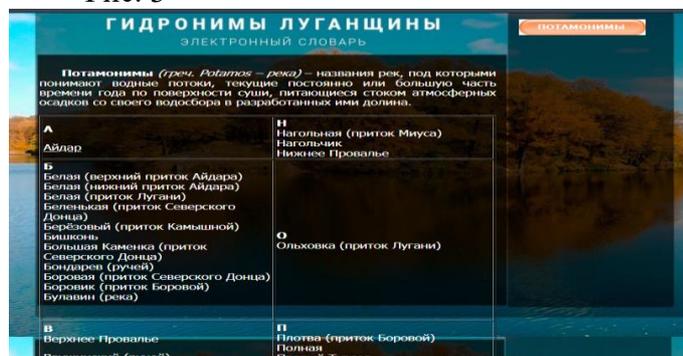
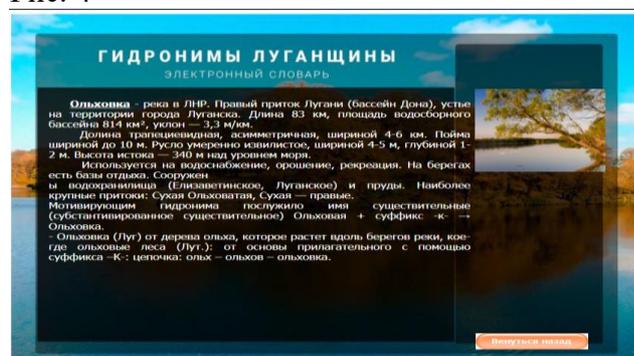

Рис. 4

Вкладка «Лимнонимы». При нажатии на главной странице на вкладку «Лимнонимы» пользователь переходит на страницу со списком районов и городов ЛНР (рис. 5). Выбираем необходимый нам район или город и переходим на отдельную страницу с перечнем всех лимнонимов ЛНР, где они указаны в алфавитном порядке (рис. 6), нажав на нужный водный объект по гиперссылке, переходим в отдельное окно со словарной статьей о гидрониме. Словарная статья лимнонима (рис. 7) состоит из названия водного объекта и указания на принадлежность его бассейну реки, даются сведения о месте расположения объекта (название населенного пункта (совета)) и административный район, лексико-семантические особенности и словообразовательные типы, приводится топонимическая легенда (если такая существует), связанная с гидрообъектом, и существующие достоверные данные о происхождении наименований водных объектов.

Рис. 5

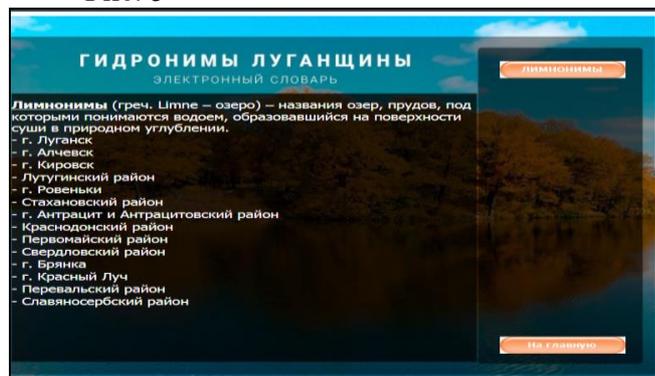

Рис. 6

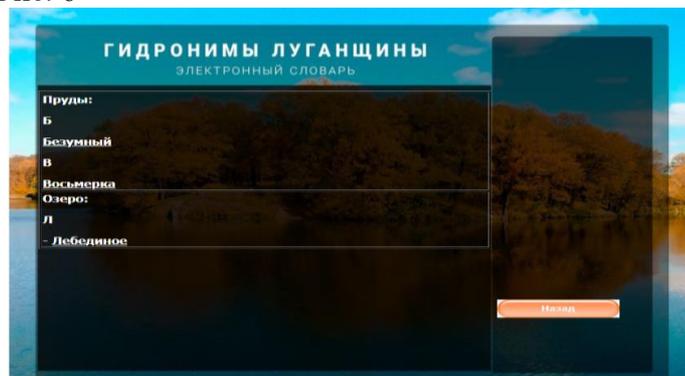
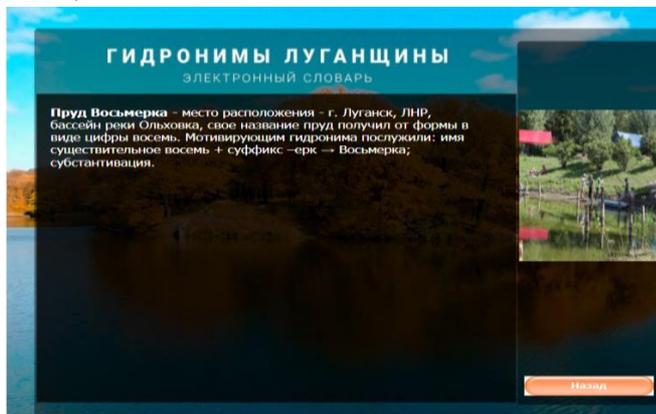

Рис. 7

Вкладка «Гелонимы». Пользователь выбирает на главной странице вкладку «Гелонимы» переходит на страницу со списком районов и городов ЛНР (рис. 8). Выбираем необходимый нам район или город (рис. 9) и переходим на отдельную страницу с перечнем гелонимов выбранного района или города (рис. 10), где они указаны в алфавитном порядке, нажав на нужный водный объект по гиперссылке, переходим в отдельное окно со словарной статьей о нужном гидрообъекте (рис. 11). Словарная статья гелонима (рис. 11) состоит из названия водного объекта, даются сведения о месте расположения объекта название населенного пункта, лексико-семантические особенности и словообразовательные типы, приводится топонимическая легенда (если такая существует), связанная с гидрообъектом, и существующие достоверные данные о происхождении наименований данного водного объекта.

Рис. 9

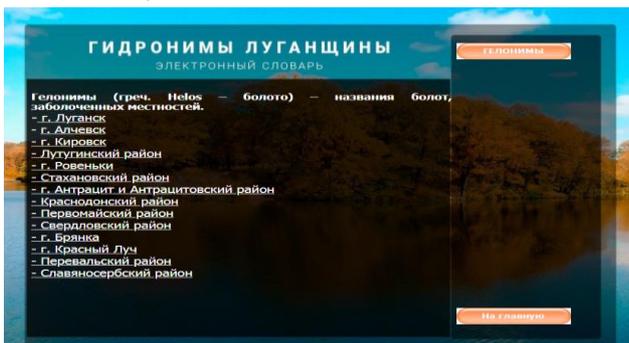

Рис. 10

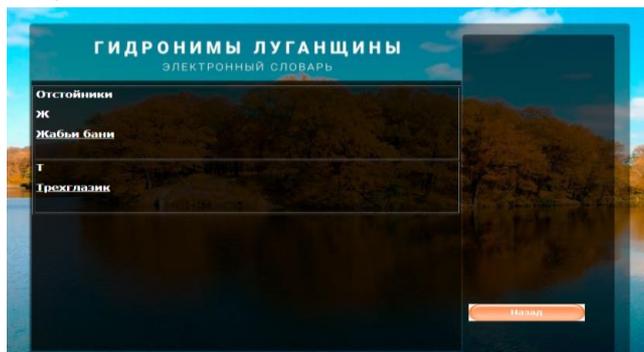
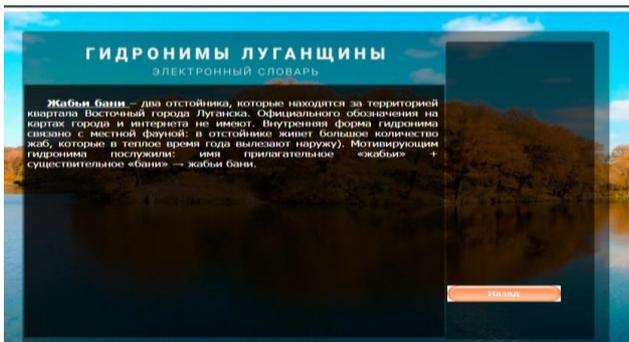

Рис. 11

Вкладка «Микрогидронимы». Перейдя на эту вкладку (рис. 12), пользователь получит гиперссылки на основные виды микрогидронимов (родник, ручей, колодец, источник). При нажатии на ссылки можно перейти в отдельное окно (рис. 12) со списком микрогидронимов, после чего, нажав на необходимый микрогидроним, пользователь получит информацию о месте нахождения гидронима, топонимическую легенду либо реалию, связанную с данным водным объектом (рис. 13).

Рис. 11

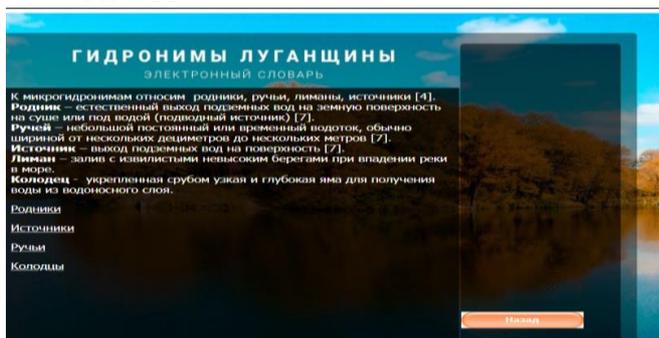

рис. 12

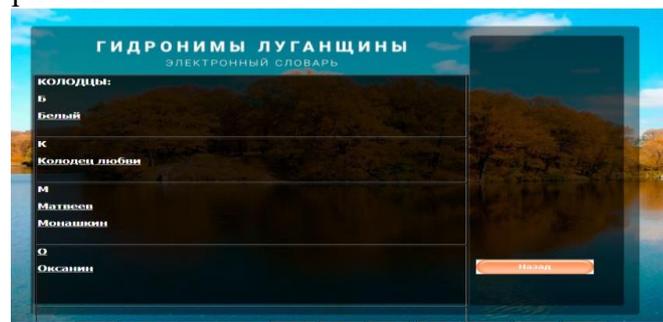
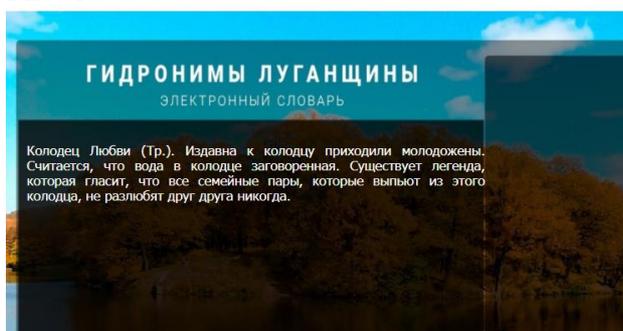

Рис. 13

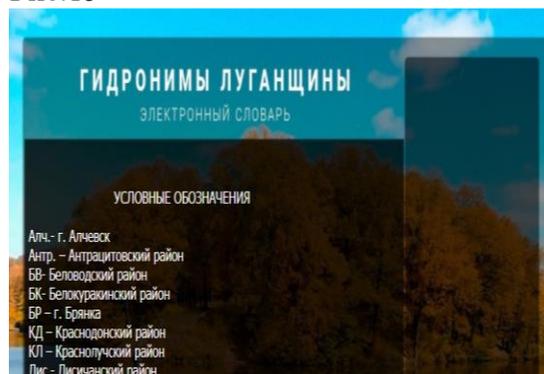

Вкладка «Литература». В данной вкладке находится список использованных источников литературы (Рис. 14).

Рис. 14

Рис.15

Вкладка «Условные обозначения». Здесь находится расшифровка всех сокращений, которые находятся в словаре (рис. 15).

Использование словаря «Гидронимы Луганщины» позволит лучше изучить историю родного края, поможет студентам, абитуриентам, учащимся пробудить интерес и бережное отношение к историческим и культурным ценностям, воспитать интерес к изучению родного края. Данные словаря можно использовать при составлении заданий для студентов гуманитарных и технических специальностей в процессе изучения дисциплины «Русский язык и культура речи», что даст возможность студентам углубить свои знания и повысить свой культурный уровень.

Можно сделать вывод, что всестороннее изучение гидронимов Луганщины в различных аспектах, выявление социолингвистических факторов, которыми обусловлены номинации гидронимов, способствуют более полному и качественному описанию водных объектов Луганского края.

Методом подсчета гидронимов было выявлено, что в областных центрах и районах Луганской области расположены следующее количество водных объектов: прудов – 454, водохранилищ – 26, озер – 2, карьеров – 18. В настоящий момент выпущено довольно большое количество электронных словарей, однако словарь гидронимов Луганского края не составлен. Создание такого словаря даст возможность пользователю получить лексикографическую информацию о водных объектах Луганского края. Информацию из

словарных статей рекомендуется использовать при самостоятельной подготовке учащихся школ и студентов технических и гуманитарных специальностей к семинарским занятиям и работе над рефератами, подготовке студентов к практическим занятиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берков В.П. Двухязычная лексикография / В.П. Берков // СПб. – СПУ, 1996. – 248 с.
2. Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии / А.С. Герд // Л. – ЛГУ, 1986. – 72 с.
3. Демешкина Т.А. Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе. Итоги и перспективы/ Т.А. Демешкина // Вестник Томского государственного университета, 2011, № 3. С. – 31–37.
4. Рублева О.С. Слово в электронном словаре (с позиции пользователя электронными ресурсами): автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Рублева Ольга Сергеевна - Тверь, 2010. – 20 с.
5. Селегей В.П. Электронные словари и компьютерная лексикография / В.П. Селегей. URL. – Режим доступа: <http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/selegey>

Ju. P. Brajlovskaya

COMPOSITION FEATURES OF THE ELECTRONIC DICTIONARY «HYDRONYMS OF LUGANSK REGION»

The article gives a brief description of the structure of the dictionary and reveals the content of the main stages of work on it, describes the basic principle of organizing the material in the electronic manual, the features of compilation in accordance with the purpose of its application and use. Information about the tabs is revealed with a detailed description of the work in each of them.

Key words: *electronic dictionary, computer lexicography, computer-type dictionary, hydronyms, limnonyms, potamonyms, gelonyms.*

УДК 81'282(477-21Донецк)

В.П. Гордиенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ДОНЧАНИНА

В статье рассматривается языковая картина мира дончанина как упорядоченная система представлений региональной общности о мире, окружающей действительности, опосредованных языковыми составляющими.

Ключевые слова: *языковая картина мира, региональная языковая картина мира, языковая личность, региональная языковая личность, региолект, особенности донецкого региолекта*

Понятие «языковая картина мира» (ЯКМ) чрезвычайно распространено в языковедческой литературе последних лет. Оно часто используется не только в заголовках монографий, материалов конференций, но и используется в текстах статей в качестве сигнала о том, что данная работа соответствует современным требованиям лингвистики и основывается на генеральной линии антропоцентрической парадигмы, то есть учитывает в качестве ключевого человеческий фактор в языке, рассматривая язык в тесной связи с сознанием и культурой.

Многие современные авторы определяют ЯКМ как результаты концептуализации действительности, совокупность знаний о мире, способов их получения и интерпретации [5,

с.80–81; 4, с.9; с.12; 9, с.11; 11,с.21]. При этом часто речь идет о языке как достоянии индивида.

В данной статье рассматриваются некоторые закономерности формирования языковой картины мира жителя Донбасса как языковой личности.

В связи с этим нельзя обойти стороной и вопрос о формировании самой этой языковой личности с учетом новейших достижений современной лингвистики в работах донецких ученых по исследованию донецкого региолекта.

До 2017 года донецкая речь комплексно никогда никем не изучалась. Проект «Донецкий региолект», реализуемый группой преподавателей кафедры русского языка Донецкого национального университета под руководством заведующего кафедрой, доктора филологических наук, профессора В.И. Теркулова, как раз и ставит перед собой цель описать особенности местного русского языка в Донбассе.

Региолект — особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса стандартного литературного языка, а с другой — не совпадающая полностью с городским просторечием.

Возникновение региолектов обусловлено социально-историческими причинами: урбанизация, постепенное исчезновение диалектов, перераспределение численности городского и сельского населения, повышение уровня культуры, в т.ч. речевой культуры населения. Региолект имеет особый статус в современном языковом пространстве как современное территориальное просторечие:

«Можно с абсолютной уверенностью утверждать, что в современном русском языке региолект и является основной формой местной речи» [2], «Можно констатировать, что мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь, которая остаётся одной из репрезентативных характеристик региона. Более того, перерождение диалектов в региональные языки (региолекты) является одной из существенных особенностей современного языкового развития» [10, с.126]. «На смену старым крестьянским диалектам приходит не стандартный литературный язык, а особые новые формы разговорной речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [1, с. 23-24].

«Донецкий региолект — это донецкая речь, совокупность городских и урбанизированных сельских говоров одного региона, объединённых обычно вокруг говора какого-то административного центра — областного, краевого, республиканского» (3, с.5).

В. Теркулов выделяет два типа региолектов:

1. Диалектный региолект, который формируется на основе местного говора (Курского, Воронежского, Ярославского и т.д.).

2. Диффузный региолект, который возникает на территории позднего заселения в результате смешения и диффузии речи мигрантов (донецкий, одесский, сибирский и т.д.).

Донецкий региолект относится ко второму типу. Это группа диффузных говоров, распространённых на территории Донбасса, совокупность идиомов русского языка с региональной просторечной основой.

Профессор В.Теркулов неоднократно подчёркивает в своих трудах, что донецкий региолект — это не особый донецкий язык, а часть юго-западного регионального наречия русского языка, включающего говоры Донетчины, Луганщины, Белгородчины, Слобожанщины, Днепропетровщины, Крыма и др. «...благодаря включенности нашего исследования в систему российских региолектных исследований оно впервые объективизирует представление о донецкой речи как о важной и неотъемлемой части единого русского национального языка» [3, с.8].

Регионализм — это часть региональной культуры. Региолект — это цельная, единая языковая система, включающая как регионально маркированные, так и общезыковые элементы. Уникальность региолекта создаётся не за счёт уникальности конкретных языковых фактов, а за счёт их системного многократного повторения и использования в речи.

Если функционирование диалектов ограничено определённой территорией, то одни и те же региолекты могут использоваться в нескольких регионах. Так, например, слова *жердели* (абрикосы), *мыска* (миска), *намысник* (полочка для мисок) и др. употребляются и в Донбассе, и на Кубани, и на Слобожанщине. А слова *тремпель* (плечики для одежды), *марка* (номер маршрута) *троллейбуса*, как правило, вызывают недоумение у носителей русского языка в других регионах.

Большинство исследователей современной городской речи отмечают, что «региолект функционирует на территории региона (или даже нескольких регионов) и используется всеми его жителями (без социальных, возрастных и других ограничений) в отличие от диалекта, который используется преимущественно сельскими жителями определённой местности (то есть диалект более ограничен локально и функционально)» [6, с.22]. В Донбассе численность городских жителей всегда значительно превышала сельское население, поэтому здесь большинство людей независимо от образования и социального статуса, особенно в непринуждённом неофициальном общении используют регионально окрашенные элементы.

Наблюдения учёных обнаруживают максимальное использование таких элементов носителями просторечия, чем литературного языка.

Среди региональных особенностей донецкого региолекта можно назвать следующие:

1. Фонетические и орфоэпические особенности.

1.1. Фрикативное [h] в словах, которые в литературном варианте произносятся с взрывным [г]: *[h]аля*, *[h]удок*, *[h]руша*.

1.2. Отсутствие сильной редукции безударных гласных непереднего ряда: *[гаварил]*, *[падайти]*, *[вадяной]* и т.д..

1.3. Ненормативное ударение: *Арбуз*, *рАкушка*, *рУдник*, *цЕпочка*, *квАртал*, *дОбыча* и т.д.

2. Лексические особенности.

2.1. Употребление литературных слов в несвойственном им значении: *крот* (*шахтёр*, *болеельщик команды «Шахтёр»*), *майка* (*полиэтиленовый пакет с ручками*), *морозиться* (*отмалчиваться*, *утаивать*), *намордник* (*респиратор*), *гармошка* (*автобус или троллейбус с двумя салонами в сцепке*) и т.д..

2.2. Употребление «шахтёрской» лексики в переносном значении: *врубиться* (*вникнуть*, *понять*; ср. «*Отбойным молотком рабочий врубился в угольный пласт*»), *упряжка* (*смена*), *забуриться* (*задержаться*; ср. «*Углубиться в породу буром*»), «*Начать бурение*») и т.д..

2.3. Употребление жаргонной и просторечной ненормативной лексики: *гололёдица*, *камфорка*, *гендэлык*, *дырчик*, *кончелыга*, *лоховоз*, *бухать*, *шаха*, *Будёха*, *бэшка* (*автобусный маршрут с цифровой и буквенной маркировкой: 67-Б*) и т.д.

2.4. Употребление украинизмов: *хата*, *жменя*, *горобец*, *вага*, *буряк*, *цыбуля* и т.д.

2.5. Просторечия, которые пришли в Донбасс в связи с военными действиями: *прилёт*,

двухсотый, *ответка*, *бахы* и т.д.

3. Грамматические особенности.

3.1. Нарушения морфологических и синтаксических языковых норм: *с Донбасса*, *на Донбассе*, *ты с меня смеёшься*, *сладкая абрикоса*, *оранжевая апельсина*, *слазить с дерева*, *мамын платок*, *шо надо*, *кто сказал*, *открывачка*, *калидор*, *тубаретка* и т.д.

Региональная языковая личность жителя региона определяется не только региолектным лексиконом, но также региолектным тезаурусом и региолектным прагматиконом.

Тезаурус (от греч. «сокровище») - особая разновидность лексических словарей, в которых указаны семантические отношения между лексическими единицами (синонимы, антонимы, паронимы и т. п.). В отличие от толкового словаря, тезаурус позволяет выявить смысл не только с помощью определения, но и посредством соотнесения слова с другими понятиями и их группами. Ученые ДонНУ работают над созданием словарей современного русского языка в ДНР совместно с двумя академическими научными центрами России. В проекте три вида словарей: полный словарь регионализмов, ассоциативный словарь дончанина и словарь языка войны.

Прагматизм личности – это коммуникативные знания, умения и навыки участников общения, такие как владение коммуникативными нормами, стратегиями и тактиками, способность их реализовывать, умение устанавливать коммуникативный контакт и поддерживать его. Прагматизм личности предполагает также знание языковых норм и этику общения.

Современный русский язык, и в том числе донецкий региолект как основное средство коммуникации жителей Донбасса, выполняет не столько коммуникативную и номинативную функции, сколько формирует ментальность человека, являясь его ментальным кодом. Более того, по мнению В. Ирзабекова русский язык является вектором развития народа. Язык формирует не только ментальность человека, но и реальность его бытия. Все явления мира привязаны к языку.

Изучение лексического состава донецкого региолекта иллюстрирует способность языка жить и развиваться, подобно живому существу. Благодаря этому процессу множество слов приобретают новые значения, но почему-то, как правило, с понижением смысла, со сниженной эмоциональной окраской.

Например, такие пошлые слова, как *братва* и *брателло* пришли в жаргон, а из него и в региолект из церковной лексики, где слова *брат*, *братия* служат святым обращением бога и священнослужителей к верующим.

Отенок просторечной пренебрежительности имеют многие региональные слова: *зажига* «зажигалка», *филара* «филармония», *конса* «консерватория», *магазин* «магазин», *фотик* «фотоаппарат»; *проходчик* «бомж», *обувачка* «обувь»; *шибздик* «низкорослый человек», *шкандыба* (*шкандыбатый*) «хромой человек», *шпендик* «человек маленького роста». *бормотуха* «дешёвое вино», *головняк* «неприятные заботы». *чаморошный* «зачуханный, невзрачный». *чмо* «человек, мешающий обществу», *без балды* «по правде сказать, не шутя» и т.д. Возможно, будет целесообразно в дальнейшем провести процедуру кодификации словарного состава региональной лексики.

Нельзя допустить, чтобы исчезли из коллективной памяти слова-первоосновы, которые уже прошли первое перевоплощение: «Инок – иной; Русь – белый, светлый, русский, Христов воин света против тьмы; судьба – Суд Божий; радость и страдание –однокоренные слова; с(со)частье – сейчас есть (обозначает материальные блага, поэтому в церковных молитвах почти не встречается; враг – от вор; пол(биол.) = пол(половина); поцелуй – от целостность, исцеление, цель; невеста – не ведает греха; соревнование – ревность к Христу, стремление к святости; правитель – от правый, правильный; убогий – у Бога» [12].

На существование этой проблемы, которая ещё ждёт правильной постановки и правильного решения, указывает и В.Теркулов: «Исследование отношения «региональное – нерегиональное» ещё ждёт своего осуществления. На данном же этапе нами рассматриваются только отношения между регионализмами, которые показывают, как формируется локальная лексическая парадигматика (3, с.54).

«Для того чтобы качественно обработать лексический материал региолекта, мы должны сосредоточить внимание на особенностях функционирования слова в речи, произвести его полное семантическое описание, что, в свою очередь, стимулирует интерес к единицам большего размера – таким, как высказывание, словосочетание и предложение. Данные работы осуществляются сейчас при составлении «Словаря донецкой речи» (3, с.56)

Языковая личность дончанина формировалась в сложных исторических условиях.

Бурное освоение Донбасса началось чуть более 150 лет назад благодаря высокой концентрации промышленности и населения. Из истории известно, что пришлое население, а

его было подавляющее большинство, имело очень неоднородный состав – социальный, национальный, религиозный, культурный. Условия труда и жизни рабочих угольных и металлургических предприятий были своеобразным экзаменом на выживание. Закрепились на донецкой земле люди, выдержавшие особый характер труда и быта, сформировавшие и принявшие своеобразную культуру и психологию региона. Люди-коллективисты, способные «...к риску и самопожертвованию, авантюрному стремлению к обострѐнному восприятию жизни при нарочито пренебрежительном отношении к бытовым излишествам» (3, с.70).

Суровые условия жизни в Донбассе, смертельно опасный шахтѐрский труд определяли и определяют особенности языковой личности дончанина на основе его представлений, знаний, исторического опыта – всего того, что лежит в основе его языковой картины мира. Это те особенности и те жизненные ценности, которые объединяют разных людей, делая их одним народом: шахтѐрский характер, шахтѐрская честь, шахтѐрская гордость, шахтѐрская дружба.

В истории Донбасса его самые выдающиеся представители, достигшие мировых высот в разных отраслях науки, культуры, искусства и, конечно, в профессиональной деятельности, никогда не забывали о своих корнях.

Это исследователь Арктики Г. Седов, педагог В. Шаталов, собиратели фольклора Донбасса В. Даль, П. Тимофеев, писатели Б. Горбатов, В. Шутов, Ю. Власов, художник А. Куинджи, композитор С. Прокофьев, знаменитые артисты А. Соловьяненко, В. Гуляев, И. Кобзин, режиссѐр и сценарист А. Ханжонков, спортсмен А. Бубка, знаменитые шахтѐры Н. Изотов, А. Стаханов, И. Стрельченко, сталевар М. Мазай, трактористка П. Ангелина, героини «Молодой гвардии», ставшие легендой М. Толстых, А. Мозговой и многие другие, те, которые своим нравственным величием и талантом выражают дух своего народа и могущество своей родины, прославляют донецкую землю. Их знают далеко за пределами Донбасса.

Примечательно, что культура Донбасса, в том числе речевая культура, сформировалась на основе сплава многих культур населяющих его народов: русских, украинцев, белорусов, молдаван, татар, греков, армян и др. А. Фадеев писал в «Молодой гвардии», что донбассовцы говорят на том смешанном наречии, «которое образовалось от скрещения языка центральных русских губерний с украинским народным говором, донским казачьим диалектом и разговорной манерой азовских портовых городов»».

Донбасс сам выковал свой духовный потенциал, впитав в себя многонациональное духовное богатство других культур, переплавив его в горниле своей бурной истории и представив его в языковой картине мира дончанина. В ней языковая память поколений, создававших промышленную силу и мощь Донбасса, защищавших свою малую родину ценой своих жизней и доказавших неоднократно: «Донбасс никто не ставил на колени».

Различия в образах мира у людей, живущих в Донбассе и в России, естественны и значительны из-за различий в реальной действительности и, соответственно, в образе мышления. Поскольку Донбасс – регион с традиционно развитой угледобывающей промышленностью и металлургией, то и языковая картина мира основана на специфических для Донбасса словах: *порода, шахтѐрка, разрабатывать пласт, брошенная выработка, прорубать ствол, рубать (уголёк)* и т.д.

«Одна из деталей языкового воплощения особого отношения жителя Донбасса к плоду его и его предков непосильного, тяжелейшего труда – это слово *уголёк*. В устах угледобытчика это не то же самое, что в лексиконе человека иного региона.

В слове наблюдается некоторый семантический сдвиг: за диминутивной формой кроется не обычное в таких случаях уменьшительно-ласкательное значение, а сема положительной оценки. На прагматическом уровне эксплицируются уважение, благодарность, выражение высшей похвалы и значимости, на культурологическом проступают народно-фольклорные мотивы (безусловно, напрашивается вполне уместный ассоциативный ряд: *хлебушек, силушка, водица*). Примеры из художественной литературы: – *Этот знает, где берут уголёк!* (П. Байдебура. Шахтѐрская честь); *Здесь уголёк замешан на крови*» (3, с.122).

В языковой картине мира дончанина отражаются такие факторы, как:

1. Непосредственное речевое воздействие, т.е. постоянное впитывание специфических лексем в процессе повседневного общения (*жужжалка* – остатки сгоревшего угля; *насыпать (борща)* – налить; *скучился за тобой* вместо *соскучился по тебе*; *досточка* – дощечка и т.д.);

2. Социокультурные стереотипы общения, т.е. социализация личности в процессе семейного общения, обучения в школе, в общении со сверстниками, в том числе в соцсетях. Важнейшая роль в этом процессе принадлежит школе. В школьном образовании важно сбалансировать знания и представления, создать условия, чтобы превалировал рациональный анализ над эмоциями и субъективными оценками. Индивид в процессе обучения должен получать только правдивые, объективные, структурированные системные знания, особенно по мировоззренческим школьным дисциплинам: истории, литературе, географии. Очень своевременно в школах ДНР по примеру российских регионов введён предмет «Уроки гражданственности Донбасса». На этих уроках восстанавливаются и развиваются традиционные региональные ценностные ориентиры: патриотизм (*Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано*), труд (*Донбасс порожняк не гонит, шахтёрский забой – фронт передовой*), упорство, смелость, отвага (*в шахте, ребятки, не играют в прятки*), коллективизм (*закон шахтёрский не забудь: стыдись работать как-нибудь; будь в лаве как в бою, прославь родину свою*) и т.д. Однако этот предмет более направлен на усвоение идеологических, а не прагматических ценностей. Очевидна необходимость введения курса Донбассоведения для получения детьми системных знаний о культурно-языковых особенностях Донбасса и особенно о выдающихся людях нашего края.

3. Стихия живого языка. Употребление в повседневном общении регионально значимых онимов (*А работать за тебя Стаханов будет? Ну ты и Паша Ангелина! Конечно, не Кобзон, но тоже ничего. За вас, за нас, и за Донбасс! В космос слетать – это тебе не в Макеевку съездить*).

Уникальность языковой картины мира дончанина обусловлена уникальностью его языковой личности: «...это люди какой-то безумной, бешеной отваги, ставящие на карту жизнь из-за самого ничтожного пустяка, из-за ничего. Из удали они спускаются в шахту без бады, просто по разделам ствола, ежеминутно рискуя сорваться и полететь вниз; динамит они носят в карманах, как табак» (В. Вересаев. Запальщик [8, с.119]).

Можно по-разному относиться к такой характеристике, но видимо писатель отразил в ней глубокую суть личности типичного для того времени нашего земляка. События последних семи военных лет доказали, что в определённой степени жители Донбасса сохранили эти региональные черты, но с существенной поправкой: отвага их не безумна, они ставят на карту свою жизнь не из-за пустяка и рискуют не для того, чтобы испытать острые ощущения.

Изучение и постижение языковой картины мира и региональной языковой личности дончанина как целостной категории – интереснейшая и важнейшая лингвистическая задача в современном лингворегиеоноведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 488 с.
2. Грузберг Л. А. Региолект [Электронный ресурс] / Л. А. Грузберг //Филолог. – 2010. – № 11. – Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208 (дата обращения: 31.08.2021).
3. Донецкий региолект : монография / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой [и др.] ; под ред. В. И. Теркулова. – Донецк : Фолиант, 2018. – 265 с.
4. Зализняк А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. – Москва : Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
5. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ЧеРо, 2003. – 349 с.

6. Кошарная С. А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование / С. А. Кошарная // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – Белгород, 2017. – С. 14–25.
7. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.
8. Литература родного края : Хрестоматия для учащихся 5–11 классов / сост. : Г. Н. Король, Л. В. Мельникова, Н. А. Коняшина [и др.]. – Донецк, 2016. – 505 с.
9. Никитина Л. Б. Образ-концепт «homo sapiens» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Никитина Лариса Борисовна. – Омск, 2006. – 41 с.
10. Новикова Т. Ф. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) : коллективная монография / авторы : Т. Ф. Новикова, Н. Н. Саппа, Н. М. Голева [и др.] ; отв. ред. Т. Ф. Новикова. – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.
11. Пименова М. В. Концепты внутреннего мира : Русско-английские соответствия : специальность 10.02.01 «Русский язык» : дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – 497 с.
12. Ирзабеков В. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека / Василий (Фазиль) Ирзабеков. – URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1021331> (дата обращения: 31.08.2021). – Текст : электронный.
13. Яковлев А. А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет // А. А. Яковлев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – Т. 15, № 2. – С. 5–20.

V.P. Gordienko

LANGUAGE PICTURE OF THE DONCHAN'S WORLD

The article examines the linguistic picture of the Donetsk resident's world as an ordered system of representations of the regional community about the world, the surrounding reality, mediated by linguistic components.

Key words: *linguistic picture of the world, regional linguistic picture of the world, linguistic personality, regional linguistic personality, regiolect, peculiarities of the Donetsk regiolect*

ДОНБАСС КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЪЕКТ

Статья посвящена описанию онима Донбасс как лингвокультуры. В работе описывается взаимосвязь языка и культуры; раскрывается понятие лингвокультуры как единицы, в которой отображается языковое и внеязыковое, культурное содержание; разграничиваются понятия «слово» / «лексико-семантический вариант» и «лингвокультура»; приводится этимология хоронима Донбасс; рассматриваются предложно-падежные конструкции с лексемой Донбасс; анализируются пропозиции и атрибуты Донбасса.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультура, Донбасс.

На сегодняшний день одной из актуальных проблем языкознания является вопрос о корреляции языка и культуры. Эти понятия находятся в неразрывной связи и постоянном взаимодействии: «Язык – зеркало культуры, в нём отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [5].

В. В. Воробьёв отмечал, что «при изучении взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры как комплексной проблемы оказывается целесообразным выделение особой единицы, синтезирующей в себе оба коррелирующих феномена» [1, с. 44]. Такой единицей является **лингвокультура**, которая определяется как комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания.

Цель данной статьи – описание слова *Донбасс* как лингвокультуры. Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**: 1) раскрыть понятие «лингвокультура»; 2) представить этимологию слова *Донбасс*, отметить особенности его употребления и споры об употреблении; 3) описать пропозиции *Донбасса*; 4) выделить атрибуты *Донбасса*.

Сразу отметим, что понятия «слово» и «лексико-семантический вариант (ЛСВ)» не тождественны понятию «лингвокультура». «Слово» и «лексико-семантический вариант» являются собственно языковыми единицами, в то время как «лингвокультура» «включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком» [1, с. 44], то есть это единица более «глубокая» по своей сути, чем слово:

слово (ЛСВ): знак – значение

лингвокультура: знак – значение – понятие/предмет.

В. В. Воробьёв отмечает, что «слово (знак – значение) как языковая единица по своей структуре как бы составляет часть лингвокультуры (знак – значение – понятие – предмет): сфера первого ограничена языком, второго – распространяется на предметный мир» [1, с. 47].

Особый интерес представляет изучение **имени собственного** как лингвокультураны. Это обусловлено тем, что оним аккумулирует сведения культурного характера, является носителем лингвокультурологической информации.

Для формирования сущностного представления о лингвокультуране был избран хороним *Донбасс*.

Донбасс – это исторически сложившийся регион, включающий северную часть Донецкой (за исключением Приазовья) и южную часть Луганской (за исключением северной части – Слобожанщины) областей (так называемый малый Донбасс). Большой Донбасс включает в себя также части Днепропетровской и Ростовской областей. В. И. Мозговой отмечает: «Изначально Донецкий край – не определение компактно проживающей нации или народности, а название природно-географическое, связанное с высокой концентрацией полезных ископаемых (прежде всего угля и металла) в пределах Донецкого горного кряжа, имеющего выход к морю и расположенного на пересечении древнего торгового пути между Востоком и Западом (так называемого Великого Шелкового пути)» [2, с. 68]. Эта территория была заселена очень давно. «Археологические исследования донбасского Подонцовья подтверждают, например, что в этом районе люди появились еще в каменном веке, а земледельческое славянское и смешанное кочевое население начало здесь проживать в IV – V вв. нашей эры» [2, с. 68].

В 1827 г. регион был назван Донецким кряжем, после чего появился дескриптивный хороним *Донецкий бассейн*, а затем – слово *Донбасс*, которое является усечённой формой данного хоронима (то есть бассейн реки Северский Донец, притока Дона, протекающего на юге Восточно-Европейской равнины России и Украины). Автор термина *Донбасс* является берг-инспектор Е. П. Ковалевский. Он употребил его в статье «Опыт геогностических исследований в Донецком горном кряже».

Особое внимание следует уделить особенностям употребления слова *Донбасс*. Если этимология хоронима вопросов не вызывает, то его употребление довольно часто провоцирует споры. Речь идёт о предложно-падежных конструкциях с локативным значением: какой предлог следует использовать с лексемой *Донбасс* – *в* или *на*? Ср.: *Вспыхнул и чисто журналистский интерес – появилась возможность посмотреть на то, что происходит на Донбассе, сравнить впечатления с телевизионной картинкой* (Светлана Беллендир. Уфа – Луганск. Дорога дружбы // «Бельские просторы», 2018); *Он родился в Донбассе, но давно жил здесь, знал и понимал всё насквозь* (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)). Квантитативный анализ показал, что сочетание *на Донбассе* употребляется 8 250 000 раз, в то время как *в Донбассе* – 4 490 000 раз. Как видим, форма *на Донбассе* встречается в текстах в два раза чаще, чем *в Донбассе*, однако употребление предлога *на* считается неправильным (ненормативным): в монографии «Донецкий региолект» [2] подобным явлением даже посвящён раздел – «Особенности донецкого региолекта в области синтаксиса». Это объясняется тем, что *Донбасс* – усечённая форма от *Донецкий бассейн*, а субстантив *бассейн* в предложном падеже употребляется с предлогом *в*. Однако в некоторых источниках считается допустимым форма *на Донбассе*, так как речь идёт о наименовании территории (ср.: *на Тамбовщине, на Харьковщине*). «Отмеченной вариативности, вероятно, способствует тот факт, что предлог *в* употребляется чаще с официальными наименованиями административно-территориальных единиц, а *Донбасс* – наименование исторически сложившегося региона, который включает в себя части территорий нескольких областей» (<https://ruskiymir.ru/education2/services/ask/149957/>).

Существует ещё один спор, связанный с рассматриваемым хоронимом: *Донбасс* – это географическое или политическое понятие? Изначально это был географический

термин: регион, находящийся на востоке Украины (ср.: *Топили углём (благо Донбасс был под боком и железная дорога функционировала), ибо дров на Украине всегда было мало* (Эдуард Лимонов. *У нас была Великая Эпоха* (1987)); *И опять приехал осенью Герасим Николаевич — мы как раз вернулись из поездки в Донбасс — свежий, бодрый, здоровый, только костюм другой, в прошлую осень был шоколадный, а теперь серый в мелкую клетку* (М. А. Булгаков. *Записки покойника* (Театральный роман) (1936-1937); *Хотел бы предупредить Вас, особенно не увлекайтесь Донбассом, поскольку Вы сами из Донбасса, а больше внимания обратите на сельское хозяйство, потому что для Советского Союза сельское хозяйство Украины имеет очень большое значение* (Никита Хрущёв. *Воспоминания* (1971)). События же 2014 года способствовали тому, что географическое понятие *Донбасс* стало шире: теперь хороним всё чаще (даже – практически всегда) употребляется в политическом ключе, он стал политизирован (ср.: *Это тот самый, который вначале был в оппозиции, а потом как-то странно и резко подружился с властью, стал ездить в Донбасс, писать гневные посты о том, как там убивают русских* (А. Н. Котюсов. *Точка деградации*. Вадим Демидов. *Яднаш // «Волга», 2016*); *Дебальцево — одно из самых пострадавших мест в Донбассе* (Марина Ахмедова. *Лучшая собака на земле // «Русский репортер», 2015*); *Как минимум один пассажирский самолет в этом году действительно был сбит — чьими-то военными над Донбассом* (Константин Мильчин. *Меньше ада // «Русский репортер», 2014*). Понимание этих текстов возможно только со знанием **культурного фона**, который «омывает» соответственно языковой знак в составе лингвокультуры как диалектического единства языкового и внеязыкового содержания» [1, с. 50]. В данном случае культурным фоном является характеристика хоронима *Донбасс*, связанная с военными событиями, которые происходят в регионе с 2014 года.

Интересным представляется нам описание **пропозиций** Донбасса. В науке нет однозначного определения понятия «пропозиция». За основу возьмём определение Г. Уэттштейна и Дж. Янга. Г. Уэттштейн считает, что «пропозиции не являются самими предложениями, но нелингвистическими абстрактными вещами, которые выражаются предложениями, или которые мы выражаем высказыванием предложений. И стало общепринятым говорить о пропозициях как о *содержаниях* наших предложений» [4, с. 52]. Дж. Янг отмечает: «Пропозиция подразумевается в качестве того, что выражено предложением» [4, с. 53].

Важной особенностью лингвокультуры *Донбасс* является средоточие ценностных ориентаций, которые либо «отходят на задний план», становятся историческим прошлым региона, либо наоборот, «возрождаются» вновь, обретают новые смыслы. Так, «в Донбассе важнейшей ценностью с самого начала его формирования как промышленного региона был манифестирован труд, в первую очередь – шахтерский, самый тяжёлый, но и самый уважаемый. В культурной памяти социума это "запрограммировалось" в виде суждений (или убеждений), а в речевом дискурсе воплотилось во множестве паремий: *Шахтерский забой – фронт передовой; Что ты знаешь о солнце, если в шахте ты не был? Закон шахтерский не забудь: стыдись работать как-нибудь; Будь в лаве как в бою, прославь родину свою* и др. [2, с. 133]». Сюда же следует отнести выражения «*Донбасс порожняк не гонит*» и «*В шахте, ребята, не играют в прятки*». К сожалению, война в Донбассе сильно пошатнула промышленность нашего региона. Конечно, данная проблема должна быть освещена специалистами в этой области, а не филологами, но для ясности и убедительности наших суждений приведём фрагмент текста, который содержит в себе некоторые факты и цифры: «*До начала военного конфликта на Донбассе работали 77 шахт. После начала боевых действий 22 из них оказались на подконтрольной украинской власти*

территории, а 55 — на неподконтрольной. И из них работает только треть» (https://cxid.info/158498_kak-vyglyadit-zhdvokzal-luganska-s-drugoi-storony-foto.html). В условиях непрекращающихся боевых действий на нашей территории вряд ли можно говорить о скором «возрождении» угольной промышленности. И если раньше первые ассоциации со словом Донбасс были *шахта* и *уголь*, то сейчас всё сводится к одному слову – *война*. В связи с этим следует сказать о тех языковых единицах, которые были переосмыслены жителями региона. Так, строчка «*Донбасс никто не ставил на колени / И никому поставить не дано!*» из стихотворения Павла Беспощадного «Донбассу жить! (Клятва)» обрела новый смысл, стала идеалистически ориентированной. В ней отражается стереотип поведения и мировосприятия жителей Донбасс – патриотизм, смелость, отвага.

Рассмотрим теперь современные тексты, которые посвящены событиям последних семи лет.

В стихотворении В. Скобцова «Тысяча лет войны» лингвокультурема *Донбасс* раскрывается через соединение **эпифорической** («распространение и расширение значения посредством сравнения» [6]) и **диафорической** («порождение нового значения при помощи соположения и синтеза» [6]) **метафоры**:

Мир – театр, а Донбасс – тир

И мишенями в нём мы,

Где-то есть, говорят, мир,

На него посмотреть бы. (В. Скобцов. Тысяча лет войны)

Ф. Уилрайт утверждает, что «эпифорическая метафора исходит из обычного значения слова; затем она относит данное слово к чему-то еще на основе сравнения с более знакомым объектом и для того, чтобы указать на это сравнение» [6]. В первой строке приведённой строфы мы обнаруживаем две эпифоры: «*Мир – театр*» и «*Донбасс – тир*». Семантическое «движение», по мнению Ф. Уилрайта, происходит от более конкретного и легко схватываемого образа к тому, что, возможно, является более неопределённым, более сомнительным или более странным. Так, во фразе «*Мир – театр*» представление *о мире* является «размытым» и «неясным» (учитывая, что это отчасти философское понятие), в то время как *театр* у всех вызывает определённые воспоминания и ассоциации. Иначе говоря, *театр* является семантической оболочкой для того, что может представляться смутно. Лексема *театр* является посредником образа, выраженного лексемой *мир*. «Короче говоря, должна существовать исходная, "буквальная" основа для последующих операций» [6].

Подобным образом строится эпифора «*Донбасс – тир*», являющаяся, на наш взгляд, более сложной «конструкцией», чем предыдущий пример. Несмотря на то что лексемы *Донбасс* и *мир* обозначают единичные (уникальные) объекты, восприятие этих единиц существенно разнится. Это связано с тем, что представления *о мире* есть у всех людей, вне зависимости от их проживания, культуры, религии и т. д., в то время как представление о такой территории, как *Донбасс* ограничено определённым количеством людей, каким-либо образом связанных с этим местом. Конечно, здесь следует отталкиваться от того, что *Донбасс* и *мир* относятся к разным лексико-грамматическим разрядам: *Донбасс* – оним, *мир* – апеллатив. В контексте рассматриваемой нами эпифорической метафоры *Донбасс*, с одной стороны, является более определённой (для «посвящённых») единицей, чем *мир*, с другой же стороны, представляется ещё более «размытым» и «неясным», чем *мир*. Сравнение же *Донбасса* с *тиром* для «посвящённых» является маркёром времени, для остальных – расширением сведений о месте, догадкой о боевых действиях.

Между эпифорами «*Мир – театр*» и «*Донбасс – тир*» есть ещё одно существенное различие: метафора «*Мир – театр*» – отсылка к шекспировской фразе «*Весь мир – театр, а люди в нём – актеры*», которая становится фоновым знанием для реципиента. Эта же «особенность» фразы «*Мир – театр*» в соединении с фразой «*Донбасс – тир*» образует диафорическую метафору. «Здесь имеет место "движение" (phora) "через" (dia) те или иные элементы опыта (реального или воображаемого) по новому пути, так что новое значение возникает в результате простого соположения» [6], то есть фраза «*Донбасс – тир*» в соположении с фразой «*Мир – театр*» (элемент опыта) проходит новый путь, образуя новое значение: в театре разыгрывается придуманная кем-то жизнь, а в мире тоже существуют определённые «сценарии» жизни, которые кто-то «пишет», Донбасс же «превратили» в поле боя, в тир, отвели ему такую роль в истории мира. Уместным в этом контексте будет сравнение строки «*И мишенями в нём мы*» со второй частью шекспировской фразы «... *а люди в нём – актеры*», то есть роль жителей Донбасса – служить мишенями.

В стихотворении Д. Трибушного «*Звони, Донбасс обетованный...*» *Донбасс* изображается как часть библейской истории, он вписан в священные события:

*Звони, Донбасс обетованный,
На самый верх.*

Пророки обещали манну,

А выпал снег. (Д. Трибушный. Звони, Донбасс обетованный...)

Донбасс не просто сравнивается с землёй обетованной, а является этим местом.

При этом он описан с позиций современных реалий, о чём свидетельствует следующая строфа:

Мужайся, город непорочный,

Где каждый дом

Проверен «Градами» на прочность,

Крещён огнём. (Д. Трибушный. Звони, Донбасс обетованный...)

«Град» – реактивная система залпового огня, оружие, которое применяется в ходе боевых действий в Донбассе: «*В Донецке хорошо помнят свою историю, и здесь ничего не забыто. На этой стене висят фотографии, как раз того момента, когда в школу попало четыре боеприпаса РСЗО "Град"*» (<https://www.vesti.ru/article/1357545>). Наша земля как бы проходит инициацию «огнём и мечом» и становится священным местом.

Донбасс в стихотворениях поэтов часто одушевляется:

Мозолиста ладонь Донбасса.

Характер крут, но что с того!

Как ни было б, но жизни трасса

Всё ж пролегла через него. (В. Мостовой. Мне шахту не судить бы строго...)

О. А. Кравченко отмечает, что «... характерным мотивом донецкой поэзии является сомнение в красоте родной земли» [3, с. 95]. Так, В. Мостовой называет ладонь Донбасса *мозолистой*, а в стихотворении Е. Воронова мы находим следующие строки:

Донбасс не может быть красивым,

Как руки старого отца

И фронтовые негативы

На пыльной полке продавца.

Пропахший дымом и уставший –

Донбасс всегда был некрасив.

Спокойный, честный и бесстрашный,

Наполовину грек и скиф.

<...>

В шахтёрской робе и косухе,

С разбитой в драке головой,

Немного зол, но не напуган,

С улыбкой грустной и живой (Е. Воронов. Донбасс не может быть красивым...)

Однако, как пишет О. А. Кравченко, «поэты, утверждающие, что Донбасс некрасив, компенсируют отсутствие прекрасного избытком возвышенного» [3, с. 95].

«Живым» видит Донбасс и Д. Лысакова:

Воды лесной очарованье,

Небес безбрежный синий лед;

Донбасса нежное дыханье

В моей душе еще живет... (Д. Лысакова. Из утраченной красоты)

В стихотворениях поэтов встречаются имена прилагательные, образованные от имени *Донбасс*:

Здесь воздух горячий и пряный,

И небо пронзил террикон,

Донбасский характер упрямый

Извечно поставлен на кон. (И. Кучерова. Донбасский характер)

Читатель интерпретирует выделенную строку в соответствии со своими знаниями. «Незнание "культурного ореола" слова оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, то есть в смысл высказывания, текста как отражения культурного феномена» [1, с. 48]. Для человека, не знакомого с нашим краем, нашими жителями и нашим менталитетом, фраза «*Донбасский характер упрямый*» может иметь пейоративную коннотацию, так как лексема *упрямый*, характеризующая в данном случае Донбасс и его жителей, носит скорее негативную окраску: *упрямый* – несговорчивый, неуступчивый, непременно желающий настоять на своём; неподдающийся. Житель же нашего края, декодируя эту фразу, понимает, что речь идёт о стойкости и несгибаемости, которые свойственны донбассовцам, подтверждением чего является следующая строфа:

Сломить безуспешно пытались,

Интриги искусно плели –

Всегда до последнего дрались

Герои Донбасской земли. (И. Кучерова. Донбасский характер)

В стихотворениях поэтов обнаруживаются различные атрибуты, характеризующие Донбасс. Н. Лобанов называет его *огромным* и *угольным*:

В земной коре, среди Европы,

Кругом, куда не глянет глаз,

Раскинул угольные копи

Огромный угольный Донбасс. (Н. Лобанов. Донецкий кряж)

Качественное прилагательное *огромный* указывает на размер территории, а относительное прилагательное *угольный* – на то, чем славится наш край – угольная промышленность.

Мелиоративную оценку даёт Донбассу и И. Нечипорук:

Ковыль и воронки, курганы и пепел

И тысячи солью разъеденных глаз.

Но дух твой бессмертен, и образ твой светел –

Великий Донбасс! (И. Нечипорук. Великий)

Таким образом, слово *Донбасс* является лингвокультуремой, так как: 1) имеет коннотативный смысл; 2) имеет несколько коннотативных означаемых; 3) может актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих; 3) активно «живёт» до тех пор, пока активно «живёт идеологический контекст», его породивший.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьёв В. В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2006. – 331 с.
2. Донецкий региолект: монография / В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой, К. В. Першина, И. А. Кудрейко и др.; под ред. В. И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО "НПП" Филиант", 2018. – 265 с.
3. Кравченко О. А. Донбасс как топос и пафос / О. А. Кравченко // Современное есениноведение. – Рязань, 2018. – № 4 (47). С. 93–96.
4. Ламберов Л. Что такое пропозиции? // *Analytica*, Vol. 1, Issue 1, 2007 (www.philosophi.ru).
5. Тер-Минасова С. Г. К вопросу о норме в языке и культуре / С. Г. Тер-Минасова // Тверской лингвистический меридиан. – М., 2007.
6. Уилрайт Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 82–119.

K.Y. Yemelyanova

DONBASS AS A LINGUOCULTURAL OBJECT

The article is devoted to the description of the onym Donbass as a linguoculturem. The research paper describes the relationship between language and culture; the concept of linguoculturem as a unit, in which the linguistic and extra-linguistic, cultural content are displayed, is revealed; the concepts of "word" / "lexico-semantic variant" and "linguoculturem" are distinguished; the etymology of the khoronym Donbass is given; the prepositional-nominal constructions with the lexeme Donbass are considered; the propositions and attributes of Donbass are analyzed.

Key words: *language, culture, linguoculturem, Donbass.*

УДК 81'28(076)

Н.П. Курмакаева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОЛЕКТНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ (по словарным материалам донецкого региолекта)

Статья выполнена в русле разработки актуальной лингвистической проблемы «человек в языке» и посвящена исследованию корпуса лексико-фразеологических единиц донецкого региолекта с коннотацией оценочности, употребляемых по отношению к человеку. Выявлены региолексемы одобрительной и неодобрительной оценки, с эксплицитно и имплицитно выраженной оценочностью, а также характеризующие человека с точки зрения нарушения этикетных и поведенческих

норм. Доказывается, что в региолектном дискурсе преобладает отрицательная оценочность, значителен пласт единиц, вербализующих общественное мнение о человеке, создающих индивиду определенный тип славы, молвы.

Ключевые слова: *донецкий региолект, категория оценочности, региональная языковая картина мира, региональная языковая личность, речевой дискурс.*

Человек, живущий в том или ином регионе большого русскоязычного пространства, всегда сознательно или бессознательно в большей или меньшей степени соотносит себя с этим культурно-географическим локусом, демонстрируя на коммуникативно-прагматическом уровне свое мировосприятие через особенности речевого производства в процессе интерпретации положения дел в действительности. А поскольку язык является своеобразным «символическим ключом к постижению ценностей мира, а также установок и норм» [8, с. 39], то элементы речевого дискурса региональной языковой личности нюансируют общенациональную языковую картину мира.

Как справедливо отмечал Ю.Д. Апресян, «языковая картина мира лингво- или этноспецифична, т.е. отражает особый способ мировидения, присущий данному языку, культурно значимый для него и отличающий его от каких-то других языков» [13, с. 35]. И если ученый говорит об «особом способе мировидения» в рамках соответствующего национального языка, обращая внимание на специфический набор «ключевых идей – своего рода семантических лейтмотивов», по-разному выраженных имеющимися в арсенале языка средствами, то сегодня уже вполне можно говорить о наличии в русской языковой картине мира особенностей, обусловленных функционированием региональных вариантов национального языка, или в другой терминологии – региолектов.

В настоящее время в многочисленных исследованиях лингвистической регионалистики накоплен богатый материал, доказывающий, что внутри национального языка в его региональных кластерах функционируют речевые единицы, формирующие региональную языковую картину мира с помощью уникальных «семантических лейтмотивов», или с помощью довольно богатого регионального словаря. Такие словари созданы в разных регионах России (Центрального Черноземья, Урала, Дальнего Востока, Кавказа), сейчас идет работа над созданием нашего словаря донецкого региолекта.

Как правило, семантисты и лексикографы обращают внимание на ключевые этноспецифические русские слова. Стоит вспомнить, что А. Вежбицкая, обсуждая когда-то проблему культурных кодов и русского характера, сделала упор на три русских слова: *душа, судьба, тоска*, семантическая характеристика которых, по мнению ученого, выводит на «смысловый универсум русского языка», объясняет русскую эмоциональность, «иррациональность», «неагентивность», «склонность к пассивности и к фатализму», «неконтролируемость чувств», «любовь к моральным суждениям» [1, с. 33-37], из чего складывается русская ментальность в представлении западных исследователей.

Ю.Д. Апресян эксплицировал большее количество исконно русских слов: *авось, душа, воля, рок, судьба, тоска*, а также *маяться, томиться, неприкаянность* и др. [13, с. 36], отметив их особую значимость как в формировании русской национальной картины мира, так и в понимании русского национального характера и русской ментальности. Интересные наблюдения такого плана находим у Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева и др.

Материалы созданных ныне словарей региональной (локальной) лексики показывают, что в каждом компактном культурно-географическом регионе найдутся особые слова для передачи тех или иных объектов, ситуаций, явлений, состояний, а также для характеристики человеческой деятельности и поведения, оценки положения дел в действительности. В этом смысле представляется актуальным и познавательным обращение к проблеме, сформулированной еще в середине XX века, – «человек в языке» (Ю.Д. Апресян, Р.А. Будагов, А. Вежбицкая, З. Вендлер, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Колесов, Б.Ю. Норман, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия и др.), но только необходимо спроецировать внимание на словарь региолекта и рассмотреть личность в ракурсе региолектной оценочности, т.е. с точки зрения речевой концептуализации человека во всех его проявлениях средствами региолекта по модели <хорошо – плохо, одобряю – не одобряю>. Эмпирическим материалом мы избрали лексико-фразеологические единицы донецкого региолекта, собираемые для словаря и частично систематизированные в монографии «Донецкий региолект» [3], а также находящиеся в обработке материалы летней (2021 г.) социолингвистической практики студентов.

И здесь прежде всего возникает проблема национальноязыковой категоризации (концептуализации) человеческого опыта. «Категоризация – это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других» [5, с. 96]. Одной из важнейших лингвистических категорий является категория **оценочности**. Следует отметить дискуссионность лингвистической проблемы оценочности, о чем пишут Ю.Д. Апресян [13], Л.Ю. Касьянова [4], М.Г. Тер-Григорьян [10] и др. (Подробнее о проблеме см. в [4]). Согласно И.А. Стернину, **оценочность** – это «одобрительная или неодобрительная оценка, заключенная в значении слова» [9, с. 99]. В.Н. Телия оценочность рассматривает в составе коннотации («дополнительного значения») наряду с эмоциональной и стилистической окраской слова [7, с. 236]. Исследуя оценочную семантику нового слова в русском языке, Л.Ю. Касьянова отмечает: «Под оценочностью понимается заложенная в новом слове положительная или отрицательная характеристика человека, предмета или явления. Наличие “плюса” или “минуса” в значении слова – важнейший ее показатель» [4, с. 47]. Думается, это определение может быть распространено не только на неологизмы, но и на многие регионализмы, используемые в речи людей определенного региона (или нескольких регионов) большого русскоязычного пространства и необходимые или более привычные для оценки или выражения своего отношения к ситуации действительности и прежде всего к окружающим людям и самому себе. Бесспорно то, что многие слова в языке, кроме своего денотативно-сигнификативного компонента значения, содержат и коннотативный компонент, включающий оценочный, эмотивный, экспрессивный микрокомпоненты. Однако, как мы покажем дальше, на появление у стилистически нейтральной лексемы семантического компонента оценочности нередко влияет дискурс.

Язык человекоцентричен. Человек занимает центральное место и в региональном сегменте национального языка, в региональной языковой картине мира. Следовательно, он есть главный продуцент оценочных смыслов, коннотаций в используемом им в речи языковом арсенале и он же является главным объектом оценки. Региолектные вкрапления в основном характерны для бытовой коммуникации, цель которой экстралингвистическая: донести свою мысль ярко, образно, доходчиво, произвести определенное воздействие на собеседника, вызвать

ответную реакцию – не столько рациональную, сколько эмоциональную, поскольку оценочность всегда предполагает эмотивность. Рассмотрим это на примерах из словаря донецкого региолекта. Начнем с того, что оценочное значение в слове имеет несколько способов оформления, два из них назвал А.Л. Шарандин:

1) «информация об оценке включается в лексическое значение», возникает «номинация оценки» [12, с. 267], стилистический синоним литературной номинации или замена описательного оборота. В региолекте это подтверждается лексемами типа *балахманная* ('непутевая, ненормальная' – обычно о женщине), *бестолковка* ('глупец'), *брехливый* ('лживый' или 'слишком разговорчивый'), *буцматый* ('крепко сбитый'), *жухарка* ('худой человек'), *кончелыга* ('опустившийся человек'), *шлында* ('тот, кто ходит без дела или где попало', 'гулёна') и др.;

2) «информация оценочного характера оказывается *дополнительной* по отношению к лексическому значению, как бы «окрашивая» его оценочным компонентом, делая оценочно значимым» [12, с. 267- 268], это пласт *оценочно окрашенных* слов, например, в региолекте: *говорушка*, *керпатик* ('курносик'), *моднявка* ('модница'), *подружайка*, *свекруха* и др., где оценочность создается за счет соответствующих суффиксов: *-ушк-*, *-ик*, *-к-*, *-айк-*, *-ух-* и др.

Первые образуют лексико-семантический пласт оценочных экспрессивов, вторые – лексико-семантический корпус эмоционально-оценочных (уменьшительно-ласкательных, уничижительных, грубовато-просторечных) слов.

Оба названных способа относятся к эксплицитно выраженной оценочности. Но речевой дискурс дончанина наполнен и имплицитной оценочностью, которая реализуется метафорически, суггестивно (вызывая некие представления), например:

- *Что за копёр накрутила на голове?* – спрашивает бабушка у внучки, глядя на ее прическу в виде «гули» на макушке. Региональное слово *копёр* ('сооружение над шахтой для установки подъёмника' [МАС:2, с.100]) здесь употреблено в значении 'высокая прическа' + оценка: 'странная, непривычно высокая, вносящая в образ комический эффект'.

Следует согласиться с Л.Ю. Касьяновой, что мощным механизмом формирования оценочности того или иного слова, словосочетания, выражения является дискурс, это характерно и для регионально отмеченной коммуникации. Вспомним наши донбасские выражения: *Ты что, с террикона свалился?/ ...угля наелся?* (при функционировании общеизвестных дублетов: *Ты что, с дуба рухнул? ... с луны упал? ... белены объелся?*) В рассказе В. Гроссмана «Жизнь» жена упрекает мужа-шахтера: *У тебя... вместо сердца кусок угля*, вкладывая в словосочетание *кусок угля* значение 'черствость, бессердечие, окаменелость' в противовес 'сердечности, мягкости, доброте', олицетворяемым словом *сердце*. Так происходит дополнительная дискурсивная интерпретация смысла слова в дистрибуции, возникает пейоративный компонент в семантической структуре нейтральной лексической единицы.

Человеку, в отличие от окружающего его разнообразного мира, присущи многие так называемые «атрибуты личности» (термин Т.В. Крыловой, цит. по [13, с. 408]), то есть нематериальные ценности. В рамках национального языка к ним относят такие понятия-концепты, как *достоинство*, *душа*, *воображение*, *ум*, *честь* и мн. др. В региональном лексиконе тоже имеются номинации некоторых «атрибутов личности», только на более примитивном (просторечно-жаргонном) уровне: *головняк* ('заботы', 'неприятности'), *заклопотанность* ('озабоченность', 'занятость'), *кумар* ('раздражение', 'затемнение рассудка'), *якшастость* ('общительность, коммуникабельность') и др.

Мы уже ранее отмечали важную составляющую донецкого регионального дискурса – это манифестация отношения человека к труду и неприязнь к лени, разгильдяйству, что закрепились в региональной паремии в виде шахтерских поговорок и пословиц: *В шахте, ребятки, не играют в прятки; Языком болтать – не кайлом махать; Закон шахтерский не забудь: стыдись работать как-нибудь; Уголь рубай как забойщик Мамай* и др. [6, с. 61]. Отношение к делу, к данному слову, ко взятым обязательствам закреплено в выражении *Донбасс порожняк не гонит*, которое сейчас особенно зримо подчеркивает характер местного субэтноса.

Что касается этикетных (поведенческих) характеристик, то оценочные региолексеммы используются преимущественно в межличностной коммуникации, как показатели фамильярного «приятельского общения» (И.М. Кобозева), «доверительно-неформального общения» (И.А. Шаронов). Интересные наблюдения о номинациях человека «по поведенческим особенностям» в воронежских говорах обнаруживаем у Д.Н. Гальцовой в [2].

В донбасском речевом пространстве в рамках так называемого наивного этикета наблюдаются речевые построения (формулы) с региональной спецификой – несколько грубоватые, прямолинейные, с элементами фамильярности, например:

Встречаются двое знакомых пенсионного возраста. Приветствуют друг друга:

- *Здоров был!*

- *И тебе не кульгать!*

Первый из собеседников сильно припадает при ходьбе на обе ноги. Его ответ:

- *Шоб кульгастым стать институтов не требуется*, намекает он на образованность и одновременно бестактность визави (записано 22.04.2021 г. в Донецке).

Употребленный в таком контексте региолектный глагол *кульгать* и производный от него адъектив *кульгастый* (вариант - *кульгатый*) имеют коннотативное приращение со знаком «минус» к значениям ‘хромать’ и ‘хромой’ и воспринимаются как грубо-просторечные и даже бранные, обидные.

Среди слов, оценивающих субъекта с разных сторон, в том числе указывающих на нарушение поведенческих и этикетных норм в региолексте, имеется значительный разряд разных по частеречной принадлежности лексем, но в первую очередь это

- имена существительные: *выгудзельщик* (‘тщательный исполнитель’), *ёха* (‘грязнуля, неаккуратный человек’), *керпатик* (‘курносик’), *лодарька* (‘лентяйка’), *мелочь*, *мелкота* (‘маленькие дети’), *нышпорка* (‘проныра’), *пургомет* (‘врун’), *шалапендра* (‘непутевая девица’) и др.;

- имена прилагательные: *базычливая* (‘чрезмерно разговорчивая, болтливая’), *балахманная* (‘взбалмошная, непутевая’), *гэпнутый* (‘поврежденный умом’), *малой* (‘младший’), *метушливая* (‘суетливая’); *полодырый* (‘неловкий’), *ушурпанный* (‘хорошо укутанный, тщательно экипированный’) и др.;

- глаголы: *бокпорить* (‘бракодельничать’), *морозиться* (‘отмалчиваться, прятаться’), *гудеть* (‘кутить’), *гужбанить* (то же, что *гудеть*), *замахаться* (‘устать, утомиться’), *панькаться* (‘церемониться’), *пуржить* (‘врать’) и др.;

- глагольно-субстантивные словосочетания и фразеологизмы: *развёл гармыдер* (‘беспорядок’), *устроили гоцалки* (‘скачки’), *байдыки бить* (‘бездельничать’), *губы копылить* (‘дуться, обижаться’), *паморки забивать* (‘морочить голову’) и др.

В оценочных глаголах, по наблюдениям Ю.Д. Апресяна, сема оценочности составляет модальную рамку некоторого производимого действия [13, с. 150]. Это

можно подтвердить примерами из региолектного словаря: *вошкаться* – это ‘нечто делать’ [ассерция] + ‘медленно’ [оценка]; *выгудзёливать* – ‘производить некоторое действие’ [ассерция] + ‘свехтщательно’ [оценка]; *рыготать* – ‘смеяться’ [ассерция] + ‘неприлично громко’ [оценка].

Наблюдая собранный фактический материал, исследователь Д.Н. Гальцова отмечает, что «в [воронежских] говорах отрицательных характеристик человека, как правило, больше, чем положительных» [4, с. 91]. Наш эмпирический корпус подтверждает данное наблюдение: донбасская региональная языковая картина мира насыщена значительным количеством слов и выражений с пейоративным компонентом значения. Так, например, отрицательными коннотациями наполнены такие слова-региолексемы, характеризующие человека по

- поведению: *бычка* (‘агрессивный человек’), *нышпорка* (‘проныра’), *куёвда*, *музыка* (тот, кто постоянно возится, беспокоит себя), *лында*, *шлында* (тот, кто шляется без дела или где попало), *фря* (‘заснайка’, ‘высокомерная особа’);

- отношению к делу, к работе, к слову: *бокатор* (‘бракодел’), *базика* (‘болтун, пустомеля’), *гоцал*, *гоцальщик* (1. ‘любитель дискотек и вечеринок с танцами’, 2. ‘тот, кто не задерживается долго на одном месте, летун’);

- образу мыслей: *майданутый* (положительно оценивающий результаты киевского майдана; ‘помешанный на майдане’), *майдаун* (‘сторонник киевского майдана 2014 г.’) *укроп* (‘сторонник политики современной Украины’), *нацик* (‘носитель и продуцент идей украинских националистов’);

- внешнему виду: *керпатый* (‘курносый’: в народном восприятии как внешний недостаток, признак для насмешки – в основном по отношению к мужчинам), *кончельга* (‘доходяга, опустившийся человек’), *шклявотина* (‘очень худой, ни на что не годный человек’) и по другим характеристикам.

Ряд регионализмов создан за счет семантических расширений – метафоризации и метонимизации основного лексического значения общеупотребительного слова, что обуславливает появление в нем нового значения с ярко выраженной оценочностью: *лузга* – это не только ‘шелуха от семечек’, но и ‘никчемный человек’; *кротами* зовут не только шахтеров, но и игроков и болельщиков футбольного клуба «Шахтер»; *отрепье* – это не только ‘старые, ненужные вещи’, но и ‘морально разложившиеся люди’, «отбросы общества»; *проходчик* – это не только шахтерская профессия, но и на местном жаргоне – ‘бомж’; *мелочь* – это не только ‘мелкие деньги’, но и ‘маленькие дети (ребенок)’.

Между семантикой и стилистической окраской такого рода лексем существует прямая связь. Региональные семантические коннотации еще ждут своих исследователей. Народная мудрость такова, что активной вербализации больше подвергаются отрицательные человеческие качества (черты характера, поведение, отношение к чему-либо или кому-либо) и действия; для положительных характеристик, как правило, достаточными являются общеупотребительные словарные единицы. Таким образом, в наивной региональной картине мира этикетно-поведенческие характеристики человека приобретают преимущественно черты насмешки, осуждения, издевки, пренебрежения, порицания. Хотя в региолексе встречаются лексико-фразеологические единицы, характер оценочной коннотации которых выявляется лишь дискурсивно. Например, глагол *кочумать* (‘помалкивать’) можно услышать и в положительном смысле (со знаком «плюс»): *А он сидит себе в уголке, кочумает* (т.е. ‘не подает голоса’, ‘скромно’). Здесь лексема «ведет себя» как просторечное слово. Однако в региолектном употреблении данный глагол больше известен как жаргонизм с отрицательной оценочностью, в котором проявляется

«скептицизм в оценке мотивов, которые заставляют субъекта соблюдать этикетные или этические нормы» [13, с. 401]: ‘мог бы высказаться, возразить, но избрал примиренческую позицию, приравниваемую к предательству’. Или, например, прилагательное *тавошливий* (от глагола *тавошити* – ‘будить, тормошить’) в одних контекстах выступает с положительным оценочным наслоением (‘дотошный’, ‘имеющий до всего дело’, ‘способный докопаться до истины’: *Доча у них умница, край тавошливая*, - с гордостью говорит бабушка о внучке; записано 26.10.2020 г. в Моспино), а в других имеет значение ‘не дающий покоя’, ‘надоедливый’. В ряде случаев дискурс не позволяет провести точной дифференциации на положительное / отрицательное коннотативного значения слова, например: *Ох Валька и метушистая!* (либо ‘быстрая, проворная’, либо ‘излишне суетливая, егозливая’; записано 6.02.2020 г. в Донецке).

Материалы словаря показывают, что в разговорно-региолектном дискурсе всё же преобладает отрицательная оценочность, несущая дополнительную экспрессию, выражающая негативное отношение говорящего к субъекту характеристики или его действиям и сопровождаемая отрицательной эмотивностью: *Вечно он кумарит меня* (‘раздражает’, ‘донимает’); – *Хватит маячню разводить* (‘пустую болтовню’); *Что ты с ней панькаешься?* (‘возишься, церемонишься’); *Долго будешь с ней [посудой] колупаться?* (‘возиться долго, медленно’); *Ну кромсун, весь торт изуродовал* (‘тот, кто кромсает, неаккуратно делит на части’) (записано 2.01.2019 г. в Донецке).

Для региолекта характерно использование оценочных слов со значением чрезмерно интенсивного проявления признака или действия субъекта, максимальной экспрессивизации смысла: *расхрыстанный, растроженный, растелепанный, чаморошный, ухаидокаться, набульбениться, назыбаться, замахаться, повыздохнуть, наштевкаться* и др.

Региональная языковая личность, как и любая языковая личность, проявляет склонность к самооценке, которая реализуется в лексико-семантической категории оценочно-характеризующих региолексем двух видов: негативно-оценочных и позитивно-оценочных. Именования с семантикой заниженной самооценки частотнее: *бестолковка, бокопор, лымарь, недотепа, отрепье, отстой, полодырый, прибабаханный* и др. В меньшем количестве в региолекте присутствуют лексемы с коннотативными созначениями одобрения, похвалы, уважения: *постряпушливая, якшастый* и некоторые другие. В этом плане интересные дискурсивно и исторически обусловленные коннотации отмечаются в региональных коннотонимах *Стаханов* и *Паши Ангелина*. Имена этих исторических личностей продолжают жить в донецком региональном дискурсе со значением ‘тот, кто работает лучше всех’. *Стахановыми* и *Паши Ангелиными* в Донбассе зовут всех, кто отличается высокой работоспособностью (*Ну ты Стаханов! Пашет как Паши Ангелина*), иногда с определенной долей шутки или иронии: *Стаханов нашелся! Стаханов что ли? Паши Ангелина отдыхает*.

Вообще нужно отметить, что в донецком региолекте значителен пласт слов и выражений, вербализующих общественное мнение о человеке, создающих индивиду определенный тип славы, молвы: *бокопор, зажига, кончельга, лодарька, лымарь, лында, лузга, майдаун, укроп, шалапендра* и др. Как показывают материалы словаря, в подавляющем большинстве это слова со знаком «минус».

Если же сопоставлять структуру региолекта со структурой национального языка, то в этом плане они идентичны: в обоих присутствует сегмент единиц оценочно-характеризующего типа, куда входят лексико-фразеологические знаки как со значением социального одобрения (пожалуй, тут они неравнообъемны), так и со

смысловым наполнением осуждения чрезмерно завышенной самооценки или общественной оценки. В связи с этим хотелось бы напомнить слова В.И. Теркулова по поводу словаря донецкого региолекта: «Это не базовый фонд словаря дончанина: данные слова находятся на его периферии. Но они все-таки характеризуют в той или иной мере особенности местного менталитета, и именно поэтому их и нужно изучать» [11, с. 6].

Таким образом, на шкале ценностей региолектно вербализованные человеческие качества выстраиваются в некий ранжир – от положительных до предельно отрицательных, неприемлемых, отвергаемых социумом. Соответственно, и богатая оценочно-характеризующая человека лексика занимает в региолекте разные коммуникативно-прагматические ниши – от социально-одобрительного блока лексем до массива слов и выражений с разными отрицательными коннотативными наслоениями, включающими оттенки уничижительности, оскорбительности, издевки и др. На сегодняшний день считаем проблему оценки в региональном дискурсе малоизученной, а область региональных семантических коннотаций и вовсе неисследованной, что должно стать предметом лингвистического изучения в ближайшей перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996.- 416 с.
2. Гальцова Д.Н. Синонимические соответствия в воронежских номинациях человека по поведенческим особенностям / Д.Н. Гальцова //Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства : сборник статей по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. – С. 90–93.
3. Донецкий региолект: монография / [В. И. Теркулов, Н. П. Курмакаева, В. И. Мозговой и др.] ; под ред. В. И. Теркулов ; ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет" ; Фонд "Русский мир". - Донецк : [ООО "НПП Фолиант"], 2018. – 264 с.
4. Касьянова Л.Ю. Оценочная семантика нового слова : [Эл. ресурс] / Л.Ю. Касьянова. – Волгоград, 2005. – Режим доступа : <http://www.lib.csu.ru/vch/110/009pdf>. (дата обращения: 12.07.2021)
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова // РАН: Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. Курмакаева Н.П. Региональная языковая личность Донбасса: опыт обобщенного лингвоперсонифицирования /Н.П. Курмакаева // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье / под ред С.Н. Стародубец и др. – Брянск: ООО «АВЕРС», 2019. – С. 56–62.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов. Коллективная монография / Под ред. В.А. Масловой, М.Вас. Пименовой. –Минск: УП «Энциклопедикс», 2017. – 268 с.
9. Стернин И.А. Проблема анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж, 1979.- 122 с.
10. Тер-Григорьян М.Г. Соотнесенность семантической категории оценки с разноуровневыми средствами ее выражения / М.Г. Тер-Григорьян // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – 2011. – № 211. – С. 103–106.

11. Теркулов В.И . О понятии «региолект» // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2018. – № 3-4. – С. 5–16.
12. Шарандин А.Л. Коннотация как формообразовательная категория интерпретационного типа / А.Л. Шарандин // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практ. конф. (8-11 июня 2016 г.): сб. науч. ст. В 2-х т. /отв. ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – С. 264 – 272.
13. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

N.P. Kurmakaeva

HUMAN IN THE MIRROR OF REGIONAL VALUATION (based on the vocabulary materials of the Donetsk regiolect)

The article is prepared in line with the development of the current linguistic problem of "human in language" and is devoted to the study of lexical-phraseological units in the Donetsk regiolect with connotations of evaluation, used in relation to the person. The regiolexemes of approving and disapproving evaluation, with explicit and implicit evaluative value, as well as those characterising a person in terms of violation of etiquette and behavioural norms, have been identified. It is proved that negative evaluative value predominates in the regiolect discourse, the stratum of units that verbalize public opinion about a person, creating a certain type of fame and notoriety for the individual, is significant.

Key words: Donetsk regiolect, category of evaluation, regional linguistic picture of the world, regional linguistic personality, speech discourse.

УДК 81'22

Л.К. Лазарева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СТУДЕНТА-ПОЛИТЕХНИКА

В статье рассмотрены основные направления в понимании феномена языковой личности в современной лингвистике. Подчёркнута мысль о том, что в образовательном пространстве технического университета одной из важнейших задач гуманитарного образования является развитие ЯЛ, в том числе и в аспекте подготовки к профессиональной деятельности. На основе наблюдений, бесед, анкетирования изучены особенности речевого поведения студентов-первокурсников технического вуза. Рассмотрены основные аспекты влияния на развитие ЯЛ студента.

Ключевые слова: языковая личность, речевой портрет, речевое поведение.

Проблема исследования особенностей языковой личности применительно к отдельному носителю конкретного языка как представителю определенной социальной группы является весьма актуальной и изучаемой в современной лингвистике. Такой подход в изучении самых разнообразных языковых явлений, когда в центре проблемы находится человек, личность, активно разрабатывавшийся в двадцатом столетии, продолжает привлекать внимание исследователей и в настоящее время. Особое значение это лингвистическое явление имеет при обучении языковым дисциплинам студентов технических вузов в аспекте формирования языковой личности. *Целью*

данной статьи является изучение особенностей речевого поведения студентов-политехников первого курса, рассмотрение основных аспектов влияния на развитие языковой личности студентов в образовательном пространстве технического университета.

Вопросы влияния языка на личность, которая есть отражение различных философских, психологических, социологических взглядов на социально значимую совокупность физических и духовных качеств человека, в различных аспектах рассматривалось в трудах И.А. Бодуэна де Куртене, А.М. Пешковского, А.А. Реформатского и других выдающихся лингвистов. Лео Вайсгербер рассматривал влияние родного языка на языковую личность, указывал на действенность его в течение всего процесса развития ЯЛ, подчеркивал роль родного языка в процессе языкового изображения мира. Академик В.В.Виноградов в книге «О языке художественной прозы» сформулировал и исследовал вопрос о феномене языковой личности автора и языковой личности персонажа. В современной лингвистике, для которой антропоцентрический подход в изучении языка и языковых явлений стал главенствующим, понятие языковой личности исследуется всесторонне. Описанию модели языковой личности посвящены исследования Богина Г.И., Воркачева С.Т., Караулова Ю.Н. Вопрос об элитарности языковой личности рассматривают Сиротинина О.Б., Кочеткова Т.В. Проблема сопоставления понятий языковой личности и речевой личности исследуется в работах Клобуковой Л.П., Красных В.В., Прохорова Ю.Е. основополагающей работой, в которой феномен языковой личности был рассмотрен принципиально, задавшей определенную тональность последующих исследований, стала работа Ю.Н. Караулова [2]. Предложенная в упомянутой работе концепция послужила основой для дальнейшего изучения этого явления и развития теоретических положений, формулирования различных точек зрения в лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии, лингводидактике.

В настоящее время понятие «языковая личность» рассматривается многопланово, и в связи с избранным подходом в определении объекта исследования предлагаются различные дефиниции. С точки зрения Ю.Н. Караулова, это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [2, с.38]. По мнению В.В. Красных, для определения языковой личности важны следующие характеристики: это человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; это собственно языковая личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений; это речевая личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств; и, наконец, участник коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации [3, с.54-55].

Нередко понятие языковой личности отождествляется с понятием речевой личности, чем подчеркивается свойство человека как носителя языка, реализующего через него свою способность к речевой деятельности. Лингвисты Г.В. Эйгер и И.А. Раппопорт утверждают, что «языковая личность характеризуется не только тем, что она знает о языке, а и тем, что она может с языком делать» [6, с. 27]. Вопрос об оппозиции языковой личности и личности речевой рассматривала Л.П. Клобукова. Говоря об исключительно интеллектуальных характеристиках понятия языковой личности в современной теоретической лингвистике, она подчеркивает своего рода абсолютизацию такого подхода. С позиции лингводидактики, «языковая личность

представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей» [3, с 70]. При этом, как правило, отмечается необходимость учета национальной культурной основы при рассмотрении феномена языковой личности.

Исходя из анализа существующих точек зрения и подходов к определению языковой личности, а также учитывая практический интерес к изучаемому явлению, наиболее эффективным считаем рассмотрение данного понятия с позиции лингводидактики.

Вследствие всестороннего и разнопланового изучения феномена языковой личности в лингвистической литературе сформулированы и предложены её модели, структура, особенности, характеристики, признаки. Подчеркивается отождествление понятий языковая личность, речевая личность, коммуникативная личность. По сути, представлено разнообразие интерпретаций понятия языковой личности, что свидетельствует о наличии различных представлений, связанных с данным феноменом. Такое положение закономерно, поскольку рассматриваются личности, соотносящиеся с различными возрастными, образовательными категориями; находящиеся в различных жизненных обстоятельствах.

В данной работе понятие языковой личности связывается с пониманием человека, существующего в соответствующем языковом пространстве, реализующего свои знания, возможности и способности во всех видах речевой деятельности в разнообразных коммуникативных ситуациях.

В работе «Русский язык и языковая личность» Ю.Н. Караулов указывает на определенные периоды в жизни человека, с которых и начинается, собственно, формирование языковой личности. Несогласие с такой точкой зрения высказывает Л.П. Клобукова [3], отмечая, например, случаи в части работы с иностранными студентами. В данной статье поддерживается точка зрения, в соответствии с которой формирование языковой личности, теснейшим образом связанное с разнообразными психофизиологическими процессами, происходящими в ходе развития человека, начинается ещё в довербальный период и продолжается все периоды и первичной, и вторичной социализации.

В современной научной литературе встречается точка зрения, в соответствии с которой понятие языковой личности конкурирует с понятием речевой портрет. Разумеется, понятие РП соотносится с понятием ЯЛ, будучи её частью. Отметим, однако, что подобное соотношение обусловлено взаимодействием и взаимозависимостью языка и речи. Некоторые исследователи называют речевой портрет функциональной моделью языковой личности (Л.Г. Китайгородская, Н.Н. Розанова). По мнению С.В. Леорды, «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность» [5, с.59].

В процессе исследования и описания особенностей языка современного человека в аспекте развития языковой личности традиционным является изучение, прежде всего, письменных текстов писателей, политических и общественных деятелей, представителей различных профессиональных и социальных групп. В данной работе анализу подверглись фрагменты устных выступлений, записи бесед, материалы проведенного устного и письменного анкетирования, материалы непосредственных наблюдений за студентами. Работа осуществлялась в группах студентов-первокурсников Донецкого национального технического университета, обучающихся на электротехническом факультете и факультете компьютерных наук и технологий. В устном опросе и анкетировании приняли участие также студенты горного и экономического факультетов. Общее число участников составило 75 человек. Актуальность избранной темы обусловлена несколькими аспектами: студенты в связи с

возрастными и социальными особенностями очень восприимчивы ко всем быстротекущим изменениям в языке, остро на них реагируют, охотно вводят новинки в свой речевой оборот, включаются в языковую игру. Второе: речь студенческой молодежи – это значимый элемент развития языка в актуальном периоде, поскольку она очень подвижна. Третье: немаловажным является и перспектива развития языка в аспекте обогащения активного и потенциального словаря студентов специальной лексикой в связи с приобретением профессиональных знаний. Иначе говоря, в данном случае актуализируется аспект формирования профессиональной личности. Одним из компонентов, сопровождающих речевой портрет компонентов, является речевое поведение, представляющее собой «осознанную и неосознанную систему коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека» [1, с.390]. Несомненно, важным компонентом, характеризующим речевой портрет человека, являются информационная и коммуникативная составляющая.

Результатом проведенного исследования собранного языкового материалом стали следующие соображения.

Отметим, что язык выпускника школы, попавшего в образовательное пространство технического университета с определенным уровнем сформированности ЯЛ, характеризуется некоторыми особенностями. Языковая личность в данном случае воспринимается как некий обобщенный образ типичного представителя соответствующего коммуникативного социума, обладающего определенным коммуникативным менталитетом, детерминированным общей культурой, специфическим знанием, соотнесенным корпусом мотиваций, характерным для того сообщества, к которому принадлежит индивид.

Для данной группы носителей современного русского языка характерен тот базовый языковой аппарат, который сформировался под влиянием различных факторов. Безусловно, основным компонентом влияния является русскоязычная среда, школьное образование, полученное на русском языке. Однако, кроме этого, существенное значение имеют: активное воздействие социальных сетей, Интернета и средств массовой информации; недостаточная и недостоверная ориентация на произведения классической русской литературы; потеря ценности традиционной языковой и речевой культуры; противоречивая и сложная социально-политическая ситуация, в которой живет и учится молодежь Донбасса.

Для характеристики устной речи важны замечания относительно орфоэпических и акцентологических особенностей. Речи значительного количества опрошенных первокурсников свойственно отсутствие редукции безударных гласных и ассимиляции по глухости. Нередко отсутствует оглушение звонкого согласного конца слова. Широко употребим фриктивный [г]. Весьма распространено употребление [ш] на месте сочетания [чт]: *шо(что), шобы(чтобы)*. Следует отметить наличие устойчивых акцентологических ошибок: *вЫсоко, грАжданство, грАфити, диспАнсер, тортЫ, водопрОвод зАвидно, квАртал, красивЕе, намерЕние, средствА*.

Основой лексикона донецких студентов-политехников является литературная лексика современного русского языка. В её состав входят слова общеупотребительные и слова специального назначения, среди которых отмечены узкоспециальные термины, общественная и социально-политическая терминология. Например: *аудит, авизо, бартерный обмен, «горячие деньги», бюджет, валютная интервенция, деноминация; лава, забой, куток уступа, крепь, бремсберг, квершлаг; электрическая цепь несимметричная цепь, контурные токи, метод узловых потенциалов, плотность тока, угол расходимости, светодиоды; блок-схема, вещественное число, инкапсуляция,*

полиморфизм, компилятор, баг; рейтинг, брифинг, легитимизация, конфессия, эксклюзивный.

Однако значительную часть студенческого лексикона составляют слова, выходящие за пределы корпуса нормированной лексики современного русского литературного языка: жаргонизмы, просторечие, инвективная и обценная лексика: *вовнутрь, нема, ничо, ну и шо, типа, вот, блин, значит, сотсюдова, щас; баран, олень, Женька, Ленка.* Широко распространилась лексика, связанная с различными компонентами учебного процесса: *индивидуалка (индивидуальное задание), лабы(лабораторные работы), курсач (курсовая работа), шпора, скатать, провалиться на экзамене;* наименования учебных дисциплин: *вышка (высшая математика), матан (высшая математика), инженерка (инженерная графика).* Активизируется лексика, отражающая языковые вкусы и предпочтения времени, традиционным стало теперь использование заимствований в первую очередь из английского языка. В ряду используемых ненормированных слов и словосочетаний отмечена как лексика, образованная на основе заимствований из иностранных языков (*треш, хайп, ок*), так и на базе родного языка (*личка, мыло*).

В исследуемой группе лексики присутствуют слова, образованные с использованием всех основных способов словообразования русского языка: лексико-семантический (*жесть, железо, винт*); лексико-синтаксический (*матан*); лексико-морфолого-синтаксический (*домашка, оперативка*). Морфологический способ образования представлен аффиксацией, прежде всего, суффиксацией. Наиболее продуктивными выступают суффиксы *-к-; -як-; -ов-; -ач-*. Одним из распространенных способов образования жаргонизмов является сокращение словосочетаний до однословного наименования с использованием соответствующих суффиксов, такая своеобразная словообразовательная компрессия. Заметим, однако, что лексические единицы студенческого жаргона, образованные по типу общеязыковых диминутивов, не реализуют традиционно присущих им оценочно-положительных или отрицательных, уничижительных значений. В этом случае они остаются обычными словами, подобными просторечиям общенародного языка. Используются также безаффиксный способ (*крутой – круть; жуткий – жуть*) и усечение (*универ, лаба, норм*). Отдельные жаргонизмы, и заимствованные, и русскоязычного происхождения, образуют ряды однокоренных новообразований. Например, на основе жаргонизма *крутой* образованы следующие лексемы: *круто - круть – крутизна – крутяк.* На основе заимствованного слова *хайп* образованы: *хайповый, хайповатый, хайповать.*

Жаргонизмы, употребляемые в повседневной речи студентами-политехниками, используются для наименования предметов, деталей машин, приборов, отношений, связанных с работой в интернет: *инет – Интернет, личка – личные сообщения в социальных сетях; мамка – материнская плата компьютера; вирусня - компьютерный вирус; глюк, глючить – неполадки в работе компьютера; юзер - пользователь персонального компьютера; оперативка – оперативная система; железо – компьютер и подобные.*

Как известно, одним из существенных компонентов информационной составляющей речевого портрета и речевого поведения ЯЛ являются так называемые прецедентные тексты. В корпусе текстов, признанных в обществе прецедентными, присутствуют фразеологические единицы, являющиеся носителями культурной, исторической, традиционной информации о социуме, реализующие прагматическую установку говорящих. Они очерчивают своим содержанием определенную концептосферу, свидетельствуют об отношении ЯЛ к соответствующей социальной группе. В части сформированности навыка использования фразеологизмов в устной

неподготовленной речи студентами следует отметить отсутствие такового. Студенты знают отдельные традиционные фразеологизмы, могут прокомментировать соответствующие ситуации, но только в подготовленном или репродуктивном монологе.

В устной речи студентов Донбасса закрепились лексика региональная: *в городе* – находиться в центре Донецка; *линия* – улица (1-я линия – улица Артема); *марка* – номер маршрута городского транспорта; *ставок* – городской искусственный пруд; *тремпель (вешалка), тормозок, Щётка (Щетинино), Яма (Автовокзал «Центр» в Донецке)*. В состав региональной лексики молодых дончан вошли регионализмы, актуализировавшиеся под влиянием объективных реалий военного времени: *дуга (Светлодарская дуга), промка (Промзона), прилёт, бахи (звуки артиллерийского или минометного обстрела), сидим на передке* (сейчас – на линии соприкосновения).

Анализ синтаксических особенностей устной речи студентов позволяет утверждать, что для синтаксических образований характерно сходство с традиционными образцами разговорной речи: отмечено значительное количество синтаксически неполных конструкций и высказываний; распространены конструкции с обратным порядком слов, незавершенные высказывания; релятивы-коммуникативы. Например: – *Ты куда идешь?* – *На ногти.* – *Я сейчас в городе (в центре города).* – *Сидим на передке... Мы строим, а они все бьют и бьют.* – *Зачем тебе этот головняк?* – *Ну и как задание?* – *Жуть!* – *Выбешивает это меня;* – *Мне это не заходит;* – *Вспомнила за жестикуляцию.*

Современный студент, молодой человек, интересующийся различными техническими достижениями современности, увлекающийся пребыванием в некоем виртуальном пространстве с его условным, но знакомым сообществу языком, с весьма специфическим списком социальных ролей естественным образом теряет в выборе ценностных ориентиров. Состав и структура используемых им лексико-грамматических средств изменяются, что обуславливает изменения в мировоззрении, а, следовательно, и трансформацию языковой личности, и его субъективную языковую картину мира. Заметим, однако, что живет и учится обладатель измененного таким образом языкового сознания в реальном привычном мире. Нередко эта личность в своем речевом поведении фамильярна, но в ситуациях общения с людьми определенного статуса бывает осмотрительной, иногда испытывает чувство страха перед потребностью и необходимостью участия в реальной коммуникации. Вот это сочетание фамильярности, осмотрительности и даже страха, с нашей точки зрения, является одной из основных причин прогрессирующей активизации инвективного типа общения в молодежной среде, широкого распространения инвективной, обценной, жаргонной лексики.

Отметим, что в своем большинстве студенты-первокурсники технического вуза, как правило, не могут по достоинству оценить всю важность сформированности своей речевой культуры, взаимосвязи языковой подготовки и речевой готовности с профессиональной подготовкой. На этом этапе они еще не осознают значение языка, речевой культуры как важной составляющей части профессии инженера в решении многих коммуникативных задач в предстоящей профессиональной деятельности. Это является еще одной значимой причиной проявления сложностей в устном речевом общении.

Говоря о различных составляющих речевого портрета ЯЛ, необходимо отметить коммуникативную составляющую. В этом случае рассматривалась не просто точка зрения наблюдателя, учитывалось и мнение собственно реципиентов.

В процессе работы над данной проблемой в референтных группах был проведён письменный опрос по интересующей автора проблематике. Студенты предоставили развернутый текстовый ответ на 10 вопросов, из которых можно было сделать вывод о том, какой они видят роль языка и речи в жизни человека; насколько легко они вступают в контакт. Очень важно было понять, какие темы для них предпочтительны: известные, незнакомые, актуальные, популярные. Значимым представлялось выяснить их оценку используемого ими словаря. Ниже приведены некоторые примеры студенческих ответов с сохранением лексики и грамматики оригинала. Отвечая на вопрос «Кто Вы: оратор или слушатель?» 60% студентов причислили себя к группе слушателей, дав при этом следующие объяснения. «Люблю анализировать услышанное, я пока ещё учусь говорить. Мало тем, в которых я хорошо разбираюсь». «Я могу предположить, что это пошло с детства, когда родители приучали больше слушать и меньше говорить, а в более старшем возрасте, будучи объектом буллинга, я была приучена к тому, что мое мнение не имеет практического значения». На вопрос «Вы легко вступаете в беседу со знакомыми и незнакомыми людьми?» ответили «да» и «нет» почти поровну, но отметили, что инициаторами не являются, хотя всегда с готовностью отзываются на просьбу о помощи, отвечают на заданные вопросы. Но более 70 % опрошенных студентов сообщили о дискомфорте в случае необходимости выступать перед большой аудиторией. «Когда я выступаю с подготовленным докладом, я чувствую себя спокойно. Если приходится выступать без подготовки, я очень волнуюсь, мой голос становится тише и немного дрожит». А вот о предпочтительных темах для разговоров студенты отвечали весьма разнообразно: знакомые; актуальные; неважно, главное общение должно быть комфортным; избегаю неудобных тем; интересно общаться на темы, которые лежат на границе того, что я знаю и что не знаю. На вопрос «Вам «хватает» слов литературного языка?» Более 90 % реципиентов ответили: «Да, хватает». Однако есть и иной комментарий студента из группы тех, кто считает свой словарь литературной лексики недостаточным: «Мне не хватает литературных слов в связи с чем использую заимствованные слова». Очевидна ошибка в квалификации понятия литературная лексика. При этом на вопросы об употреблении жаргонизмов, вульгаризмов, просторечия, ненормативной лексики были даны следующие ответы: «да» - 60 %, нет – 13 %, очень редко – 27%. Наиболее важными коммуникативными качествами речи преимущественное большинство студентов считают точность, логичность, выразительность, доступность и правильность. Знание и умелое использование принятых в данном социуме формул речевого этикета является одной из актуальных норм речевого поведения, значимой составляющей коммуникативной подготовленности ЯЛ. Именно они регулируют общение между людьми, находящимися в различных ситуациях, обстановке, состоящих в разной степени знакомства, характеризующимися неодинаковыми социальным статусом, возрастом и другими категориями. 100 % опрашиваемых сообщили о своем знании этикетных формул, о воплощенных в этих конструкциях этических нормах.

Анализ представленного материала свидетельствует по большей части о стремлении студентов представить желаемое, а не реальное состояние, критическое отношение к своему языковому аппарату, но все же шадящее. Отметим, однако, что, несмотря на очевидные недомолвки, определенную завышенную самооценку своих лингвистических возможностей, студенты осознают свои недостатки в этом смысле, пытаются их исправить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. Клобукова Л.П. Структура языковой личности на разных этапах ее формирования. - Язык, сознание, коммуникация: Сб.статей/ ред.В.В Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. Вып. 2. – С.70-77.
4. Красных В.В. Человек умелый. Человек разумный. Человек... «говорящий» (некоторые размышления о языковой личности и не только о ней)// Функциональные исследования. – Вып.4. – М., 1997. – С.54 - 55.
5. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента// Вестник Саратовского агроуниверситета. – Саратов, Наука. 2006, №6. - С.59-60.
6. Эйгер Г., Раппопорт И. Язык и личность. – Кострома: К-пресс, 1991. – 118 с.

L.K. Lazareva

LANGUAGE PERSONALITY OF THE POLYTECHNIC STUDENT

The article discusses the main directions in understanding the phenomenon of linguistic personality in modern linguistics. The idea is emphasized that in the educational space of a technical university one of the most important humanitarian education is the development of LP, including in the aspect of preparation for professional activity. On the basis of observations, conversations, questionnaires, the features of the speech behavior of first-year students of a technical university were studied. The main aspects of the influence on the development of the student's LP are considered.

Key words: language personality, speech portrait, speech behavior

УДК 81'373

Е. В. Ладнова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

ГОДОНИМЫ Г. ЯСИНОВАТАЯ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию годонимикона г. Ясиноватая в лингвокультурологическом аспекте. Годонимы рассматриваются как средство объективации культурных кодов. Выявлены коды культуры, реализованные в названиях улиц, переулков и других наименованиях адресных линейных объектов. Рассмотрены структурные и лексические параметры их функционирования.

Ключевые слова: годоним, урбаноним, Донбасс, культурный код.

В последние годы урбанонимика — раздел ономастики, изучающий названия внутригородских объектов, — интенсивно развивается. Это обусловлено интересом как к изучению региональных особенностей речи, так и к исследованию локальной истории и культуры.

По определению Н. В. Подольской, урбаноним — это «собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название

отдельного здания, хороним городской» [8, с. 154]. Ядро урбанонимического поля, как отмечают Г. Б. Мадиева и В. И. Супрун, «составляют названия, указывающие на объекты, которые содержат на своей территории отдельные строения с номерами», — годонимы и агоронимы [5, с. 116]. Под годонимом мы понимаем собственное имя адресного линейного объекта — улицы, переулка, бульвара, проспекта, тупика, квартала, микрорайона и т. д. (см. обзор в [11; 12]).

Основная функция годонимов — *адресно-идентификационная*. Годонимы выделяют адресный объект среди ряда ему подобных, служат ориентиром в пространстве населённого пункта. Таким образом, наименования адресных линейных объектов играют важную роль в повседневной жизни жителей города.

Кроме того, годонимы являются культурно мотивированными единицами. Они возникают в конкретных исторических обстоятельствах, отражают историю города и страны в целом, ценности народа. Система годонимов зависит во многом от политической ситуации и государственной идеологии. Таким образом, названия линейных адресных объектов функционируют как своеобразные символы социальных, политических и культурных ценностей. Как отмечает М. В. Голомидова, «собственное имя на вывеске — продукт осознанной, целеполагающей деятельности. Одной стороной оно примыкает к называемому объекту, другой — обращено к аудитории, на восприятие которой оно рассчитано» [1, с. 77].

Авторы исследования «Streetonomics: Quantifying culture using street names» обращают внимание на тот факт, что названия улиц позволяют узнать, насколько распространены в обществе гендерные предрассудки, какие профессии пользуются уважением и насколько культура открыта иностранному влиянию [15].

В рамках лингвокультурологического анализа система годонимов рассматривается во взаимодействии с культурными кодами — символами или системами символов, релевантных в рамках конкретной культуры. Как отмечает А. М. Мезенко, в урбанонимии славянских народов реализуются следующие коды культуры: топоморфный, антропоморфный, физико-географический, флористический, фаунистический, эмоционально-характерологический, цветовой, темпоральный [7, с. 4].

Стоит отметить, что одним из первых на символический характер культуры обратил внимание немецкий философ-неокантианец Эрнст Кассирер. С его точки зрения, человека следует определять как «символизирующее животное», при этом символ является результатом фиксации человеком индивидуального и коллективного опыта [4].

Таким образом, комплексный анализ системы годонимов предполагает не только изучение лексических и структурно-семантических характеристик наименований, но и исследование лингвокультурологических параметров системы годонимов. Для этого нам необходимо учитывать совокупность экстралингвальных факторов.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проанализировать в лингвокультурологическом аспекте годонимы г. Ясиноватая ДНР. **Объект исследования** — наименования адресных линейных объектов г. Ясиноватая как компонент годонимикона Большого Донбасса. **Предметом анализа** являются лингвокультурологические параметры рассматриваемых годонимов.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки наименований указанного типа из различных реестров наименований улиц г. Ясиноватая. При формировании картотеки принимались во внимание данные справочников, карты города и интернет-ресурсов. Всего нами было зафиксировано 136 годонимов, из них 116 единиц с термином-классификатором *улица*, 9 — с термином-классификатором

переулок, 6 — с термином-классификатором *квартал*, 4 — с термином-классификатором *микрорайон* и 1 — с термином-классификатором *бульвар*.

Краткие исторические сведения. Ясиноватая — небольшой город, являющийся частью Донецкой агломерации. Данный населённый пункт расположен к северу от Донецка, в верховьях рек Кальмиус и Кривой Торец. По состоянию на 2014 год в данном населённом пункте проживало 35 701 человек. Площадь города составляет 13,58 км².

История города тесно связана с развитием промышленности Донбасса. В 1869 г. вместе со строительством Юзовского металлургического завода началось сооружение Константиновско-Еленовской железнодорожной линии. Последняя должна была соединить завод с Курско-Харьковско-Азовской железной дорогой и районом Еленовки. На первом участке линии Константиновка-Александровка построили станцию Ясиноватая, около которой вырос небольшой посёлок, в котором проживали строители. С расширением станции росло число рабочих-железнодорожников. Население посёлка составляли выходцы из центральных губерний России и отдельных районов Украины [4].

Лингвокультурологические характеристики топонимов г. Ясиноватая. Проведённый нами анализ показал, что наиболее часто в топонимах г. Ясиноватая эксплицируется **антропоморфный код культуры**. Данный код репрезентирует человека в ономастических единицах. Названия, в которых объективируется антропоморфный код, могут отсылать как к конкретным историческим личностям, так и к социальным и профессиональным группам.

Антропоморфный код культуры реализуется в 74 топонимах г. Ясиноватая, что составляет 54,4 % от общего числа наименований.

Отантропонимные топонимы составляют большинство среди наименований, реализующих антропоморфный код культуры. В г. Ясиноватая они представлены названиями, образованными по субстантивной генитивной модели. Эти наименования в зависимости от семантики топонимообразующих основ можно разделить на следующие группы:

1) топонимы, соотносимые с именами героев Великой Отечественной войны: ул. *Ватутина*, ул. *Зои Космодемьянской*, ул. *Панфилова* (3 единицы);

2) топонимы, соотносимые с именами революционеров и социалистических партийных деятелей: ул. *Артёма*, ул. *Бабушкина*, ул. *Войкова*, ул. *Володарского*, ул. *Воровского*, ул. *Дзержинского*, ул. *Димитрова*, ул. *Калинина*, ул. *Карла Либкнехта*, ул. *Карла Маркса*, ул. *Кирова*, ул. *Крупской*, б-р *Ленина*, ул. *Орджоникидзе*, ул. *Пархоменко*, ул. *Петровского*, ул. *Плеханова*, ул. *Розы Люксембург*, ул. *Свердлова*, ул. *Скрыпника*, ул. *Тельмана*, ул. *Чапаева*, ул. *Щорса*, ул. *Фрунзе*, ул. *Энгельса* (25 единиц);

3) топонимы, соотносимые с именами литературных деятелей: ул. *Белинского*, ул. *Герцена*, ул. *Гоголя*, ул. *Горького*, ул. *Добролюбова*, ул. *Есенина*, ул. *Котляревского*, ул. *Лермонтова*, ул. *Леси Украинки*, ул. *Маяковского*, ул. *Островского*, ул. *Павла Тычины*, ул. *Пушкина*, ул. *Толстого*, ул. *Тургенева*, ул. *Чернышевского*, ул. *Шевченко*, ул. *Франко*, пер. *Фурманова* (19 единиц);

4) топонимы, соотносимые с именами художников: ул. *Репина* (1 единица);

5) топонимы, соотносимые с именами композиторов: ул. *Чайковского* (1 единица);

6) топонимы, соотносимые с именами лётчиков и космонавтов: ул. *Гагарина*, ул. *Комарова*, ул. *Леваневского*, ул. *Чкалова* (4 единицы);

7) топонимы, соотносимые с именами учёных: ул. *Мичурина*, ул. *Тимирязева*, ул. *Циолковского* (3 единицы);

8) годонимы, соотносимые с именами военачальников и руководителей восстаний прошлого: ул. *Богдана Хмельницкого*, ул. *Кармалюка*, ул. *Кутузова*, ул. *Нахимова*, ул. *Невского*, ул. *Степана Разина*, ул. *Суворова* (7 единиц).

Отантропонимные годонимы выполняют не только мемориальную, но и идеологическую функцию. Они нередко фиксируют имена важных с точки зрения государственной идеологии лиц. Например, среди отантропонимных годонимов г. Ясиноватая преобладают наименования, соотносимые с именами революционеров либо советских партийных деятелей. Это единственная подгруппа годонимов, в которой встречаются единицы, образованные от имён зарубежных деятелей (например, ул. *Димитрова*, ул. *Карла Либкнехта*, ул. *Карла Маркса*, ул. *Розы Люксембург*, ул. *Энгельса*). В целом подобные годонимы, как правило, связаны с общегосударственной историей. Однако название ул. *Артёма*, встречающееся во многих городах ДНР и ЛНР, отражает и локальную историю. Как известно, Артём (Фёдор Сергеев) был основателем и главой Донецко-Криворожской Советской Республики.

Годонимы, соотносимые с именами участников Великой Отечественной войны, в свою очередь, в годонимиконе г. Ясиноватая представлены 3 единицами. Такие наименования становятся также выражением коллективной памяти народа о Великой Отечественной войне. В этой подгруппе представлены годонимы, образованные от имён людей, известных по всей территории бывшего Советского Союза.

Н. Ф. Ватутин, генерал Красной армии, возглавлял войска Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов. В 2009 году памятник Ватутину был установлен в Донецке (см., например, на территории ДНР: ул. *Ватутина* в г. Макеевке, г. Харцызске, г. Горловке, г. Докучаевске, г. Ясиноватая, г. Зугрэсе, г. Дебальцево, г. Шахтёрске, г. Кировское, г. Комсомольское, г. Амвросиевке, пгт Зуевка, пгт Верхнеторецкое, пгт Нижняя Крынка, пгт Межевое, пгт Северное, пгт Пелагеевка, пос. Савельевка, с. Мануйловка, с. Стыла, с. Красноармейское, с. Коминтерново; ул. *Ватутина 1 проезд*, ул. *Ватутина 2 проезд*, ул. *Ватутина 3 проезд*, ул. *Ватутина 4 проезд*, ул. *Ватутина 5 проезд* в г. Макеевке; пр-т *Ватутина* в г. Донецке; пер. *Ватутина* в г. Иловайске).

Имя Зои Космодемьянской, первой женщины, удостоенной звания Героя Советского Союза, также отражено в годонимах многих городов Белоруссии, Казахстана, Российской Федерации, ЛНР и ДНР (например, на территории ДНР: ул. *Зои Космодемьянской* в г. Харцызске, г. Торезе, г. Зугрэсе, г. Амвросиевке, г. Ясиноватая, г. Енакиево, г. Кировское, г. Комсомольское, г. Углегорске, г. Снежное, пгт Нижняя Крынка, пгт Новый Свет, пгт Карло-Марксово, пгт Контарное, пгт Пелагеевка, пос. Ульяновское, с. Марьяновка, с. Красноармейское; пр-т *Зои Космодемьянской* в г. Донецке).

Имя И. В. Панфилова, генерал-майора, участвовавшего в обороне Москвы и ставшего символом мужества, также часто встречается в годонимах постсоветских городов (например, ул. *Панфилова* в г. Макеевке, г. Харцызске, г. Горловке, г. Торезе, г. Ясиноватая, г. Моспино, г. Енакиево, г. Снежное, пгт Карло-Марксово; пр-т *Панфилова*, ул. *Героев Панфиловцев* в г. Донецке; ул. *Панфиловцев* в г. Донецке, г. Шахтёрске, г. Кировское).

Годонимы, образованные от имён военачальников и руководителей восстаний прошлого, также выполняют идеологическую функцию. Известно, что в конце 1930-х годов с целью мобилизации населения в Советском Союзе начинается активное использование и переосмысление образов военачальников прошлого. Например, образ Александра Невского, одержавшего победу в битве с рыцарями Ливонского ордена на

Чудском озере в 1242 году, использовался в антифашистской пропаганде (например, такое значение придает сюжету о Невском советский режиссер Сергей Эйзенштейн). Эти исторические процессы нашли отражение в годонимиконе г. Ясиноватая и других городов ДНР (ср. ул. *А. Невского* в г. Снежное; ул. *Невского* в г. Донецке, г. Макеевке, г. Харцызске, г. Горловке, г. Ясиноватая, г. Шахтёрске, г. Комсомольское, пгт Карло-Марксово).

В г. Ясиноватая распространены также годонимы, соотносимые с именами деятелей искусства. Так, 19 годонимов связаны с именами прозаиков, поэтов, драматургов и литературных критиков. При этом в годонимиконе г. Ясиноватая встречаются имена как русских, так и украинских писателей. Менее распространены годонимы, образованные от имён учёных (ул. *Мичурина*, ул. *Тимирязева*, ул. *Циолковского*). Имена художников и композиторов значительно реже встречаются в названиях улиц рассматриваемого города (ул. *Ретина*, ул. *Чайковского*).

В целом можно сделать вывод, что отантропонимные годонимы г. Ясиноватая типичны для постсоветского города.

Небольшая группа годонимов, реализующих антропоморфный код культуры, соотносится с названиями социальных групп и объединений — ул. *Комсомольская*, ул. *Молодёжная*, квартал *Молодёжный*, ул. *Пионерская*, ул. *Пролетарская* (ср. [12]). При этом некоторые из данных наименований отсылают нас к реалиям советского периода. В системе годонимов исследуемого населённого пункта представлены также единицы, образованные от названий военных формирований: ул. *Красноармейская*, ул. *Флотская*. Всего один годоним соотносится с названием профессиональной группы: ул. *Машиностроителей*.

Топоморфный культурный код реализуется в отонимных либо в отапельлятивных годонимах, указывающих на другой географический объект — как в самом населённом пункте, так и за его пределами. Данный код эксплицируется в 32 годонимах г. Ясиноватая.

Такие наименования можно разделить на две группы. Первую группу составляют названия, характеризующие пространство самого населённого пункта. К ней относятся годонимы, указывающие на:

а) расположение адресного линейного объекта в пространстве населённого пункта: ул. *Северная*, микрорайон *Центральный*, ул. *Южная Сторона*;

б) природные объекты: ул. *Весёлая Поляна*, квартал *Дубрава*, ул. *Лесная*, ул. *Набережная*, ул. *Озёрная*, ул. *Подлесная*, ул. *Полевая*;

в) промышленные и хозяйственные объекты: ул. *Дачная*, ул. *Заводская*, ул. *Садовая*, ул. *Складская*;

г) объекты транспортной инфраструктуры: ул. *Вокзальная*, ул. *Железнодорожная*;

д) объекты социальной инфраструктуры: ул. *Курортная*.

Годонимы этой группы дают нам представление о природных особенностях местности, экономических характеристиках регионах, развитости инфраструктуры. Например, единицы, указывающие на объекты транспортной инфраструктуры, связаны также и с историей города, который развивался как важный железнодорожный узел. К таким названиям близки годонимы, эксплицирующие **предметный (артефактный) код культуры**. Они соотносятся с названиями предметов, созданных человеком или природой. В г. Ясиноватая к таким годонимам можно отнести две единицы: ул. *Коммунальная*, ул. *Транспортная*.

В большей части случаев такие наименования образованы по односоставной адъективной модели с суффиксом *-н-* (реже — *-ов-*). Два наименования образованы по двухкомпонентной адъективно-субстантивной номинативной модели: ул. *Южная*

Сторона, ул. Весёлая Поляна. Один годоним из этой группы образован по односоставной субстантивной номинативной модели: квартал *Дубрава*.

Годонимы, относящиеся ко второй группе, указывают на географические объекты, находящиеся за пределами населённого пункта. Эти наименования можно разделить на такие подгруппы:

а) годонимы, соотносимые с ойконимами: ул. *Донецкая*, пер. *Донецкий*, ул. *Запорожская*, пер. *Иловайский*, ул. *Каховская*, ул. *Киевская*, ул. *Ленинградская*, ул. *Макеевская*, ул. *Одесская*, ул. *Полтавская*, ул. *Севастопольская*, ул. *Харьковская*;

б) годонимы, соотносимые с названиями регионов: ул. *Крымская*, ул. *Кубанская*;

в) годонимы, соотносимые с названиями географических зон: ул. *Полярная*.

Такие наименования образованы по односоставной адъективной модели (в большей части с суффиксом *-ск-*).

Характерно, что в г. Ясиноватая годонимы этой группы чаще всего соотносятся с названиями населённых пунктов Донбасса и бывшей УССР. Это можно объяснить как географическим расположением и сложившимися культурными связями города, так и его историческим развитием. Годоним ул. *Полярная* связан также с общегосударственной историей, а именно с периодом активного освоения Крайнего Севера. Характерно, что в системе годонимов остаются зафиксированными старые названия городов. Так, в Ясиноватой зафиксирован годоним ул. *Ленинградская* — такое название Санкт-Петербург носил, как известно, с 1924 по 1991 год.

Социально-идеологический код формируют идеологические концепты, социальные нормы и ценности. Годонимы г. Ясиноватая, реализующие данный код культуры, отражают специфику советской идеологии. Это характерная черта годонимиконов городов ДНР.

Социально-идеологический компонент заметен в наименования линейных объектов, указывающих на названия советских организаций и объединений (ул. *Комсомольская*, ул. *Пионерская* и т. д.), а также в отантропонимных годонимах, соотносимых с именами революционеров и социалистических партийных деятелей.

Годонимы г. Ясиноватая, реализующие социально-идеологический код культуры, отсылают к социально-идеологическим концептам советской эпохи: ул. *Мира*, ул. *Победы*, ул. *Свободы*. В этих наименованиях, в частности, отражается важность победы в Великой Отечественной войне в формировании идеологии СССР.

Другие наименования, эксплицирующие рассматриваемый культурный код, соотносятся с названиями праздников или хрононимами: ул. *8-го Марта*, ул. *Красный Октябрь*, ул. *Октябрьская*, ул. *Первомайская*. В таких годонимах реализуется также **темпоральный код культуры**, связанный с осмыслением времени. Стоит отметить, что в рассматриваемом населённом пункте данный культурный код объективируется в небольшом числе наименований. Помимо вышеперечисленных годонимов, к их числу можно отнести такие названия, как ул. *Фестивальная*, микрорайон *Зорька*.

Эмоционально-характерологический код эксплицируется в годонимах, указывающих на реальные либо приписываемые линейному адресному объекту свойства. Такие наименования призваны характеризовать либо адресный объект как комфортное место для жизни (пер. *Светлый*, ул. *Солнечная*, пер. *Тихий*), либо указывают на положительные черты жителей улицы/переулка (ул. *Весёлая поляна*, ул. *Дружбы*, ул. *Спортивная*). Характерной чертой таких годонимов является ярко выраженный эмотивный компонент.

Фитоморфный код культуры реализуется в двух годонимах г. Ясиноватая: ул. *Ореховая*, ул. *Сиреневая*. Эти наименования соотносятся с названиями растений, характерных для данной территории. Как отмечает Ч. М. Шеклтон, местное наследие

включает в себя не только исторические события, но и «аспекты природного мира, которые имеют значение для местного населения и могут способствовать чувству идентичности» [16]. В системе годонимов г. Ясиноватая такие единицы образованы по односоставной адъективной модели с суффиксом *-ов-* (*-ев-*).

Таким образом, в годонимиконе г. Ясиноватая объективируются антропоморфный, топоморфный, социально-идеологический, темпоральный, эмоционально-характерологический, фитоморфный коды культуры.

В г. Ясиноватая наиболее распространены годонимы, реализующие антропоморфный культурный код (54,4 % от общего числа наименований). Самая многочисленная группа среди них — отантропонимные годонимы. Чаще всего в системе годонимов фиксируются имена революционеров и советских партийных деятелей, а также имена деятелей искусства. Годонимы, эксплицирующие топоморфный код культуры, составляют значительную часть системы наименований линейных адресных объектов Ясиноватой — 23,5% от общего числа годонимов. Годонимы, реализующие социально-идеологический код, преимущественно отражают символы и ценности советского периода истории.

Наименования, в которых объективируется темпоральный, артефактный и фитоморфный коды культуры, составляют небольшую часть годонимикона г. Ясиноватая.

Таким образом, годонимы г. Ясиноватая тесно связаны с советской эпохой и отражают специфику развития региона Донбасса.

Перспектива нашего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть годонимикон Большого Донбасса в лингвокультурологическом аспекте на более широком материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голомидова М. В. Урбанонимы в контексте культуры современного города / М. В. Голомидова // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. — Екатеринбург: УрГУ, 1995. — С. 76–86.
2. Егорова Л. В. К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований / Л. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. — 2018. — № 2. — С. 224–233.
3. Історія міст і сіл Української РСР. Донецька область. — К.: Головна редакція УРЕ АН УРСР, 1970. — 992 с.
4. Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Т.2 / Э. Кассирер. — М.—СПб.: Университетская книга, 2002. — 280 с.
5. Мадиева Г. Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г. Б. Мадиева, В.И. Супрун // Вопросы ономастики, 2017. — Т. 14, № 2. — С. 115—125.
6. Маслова В. А. Коды лингвокультуры: учеб. пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2016. — 180 с.
7. Мезенко А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Учёные записки Таврического национального ун-та им. В.И.Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2011. — Т. 24 (63). — № 2. — Ч. 1. — С. 388–393.
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М.: Издательство «Наука». — 199 с.

9. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А. П. Неподкупный. — Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 254 с.
10. Шмелёва Т. В. Ономастикон российского города / Т. В. Шмелёва. — Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. — 137 с.
11. Ярошенко Н. А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных топонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н. А. Ярошенко, У. А. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2018. — № 3–4. — С. 59–66.
12. Ярошенко Н. А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отапеллятивных топонимов г. Донецка) / Н. А. Ярошенко // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.); под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. — Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. — Ч. 2. — Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. — С. 128–132.
13. Ярошенко Н. А. Растительный код в топонимиконе Большого Донбасса (на материале названий улиц и переулков Первомайского и Октябрьского районов г. Ростова-на-Дону) / Н. А. Ярошенко, Е. А. Дмитрова // Актуальные проблемы изучения славянских языков : Сб. научн. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.) ; отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. — Донецк : ДонНУ, 2020. — Вып. 6. — С. 65–71.
14. Azaryahu M. Naming the past: the significance of commemorative street names / M. Azaryahu // Critical Toponymies: the contested politics of place naming. — London and New York: Routledge, 2009. — P. 53–70.
15. Bancelhon M. Streetonomics: Quantifying culture using street names / M. Bancelhon, M. Constantinedes, E. P. Bogucka, L. M. Aiello, D. Quercia // PLoS ONE, 2021. — Режим доступа : <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0252869>.
16. Shackleton C. M. Urban street names: An opportunity to examine biocultural relationships? / C. M. Shackleton // PLoS ONE. 7/25/2018. — Vol. 13. — Issue 7. — P. 1–13.

E.V. Ladnova

GODONYMS OF YASINOVATAYA: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT

The article is devoted to the study of godonyms of Yasinovataya in the linguistic and cultural aspect. Godonyms have been considered as means of implementing of cultural codes. The cultural codes implemented in the names of streets and other names of linear objects have been revealed. The structural and lexical parameters of their functioning have been discussed.

Keywords: *godonym, urbanonym, Donbass, cultural code.*

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ МОТИВИРОВАННОЙ ОНОМАСТИКИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье анализируются истоки мотивированной ономастики и причины её трансформации в идеологический фактор, сопровождающийся изменением социально-правовой природы собственного имени. Описываются границы возможной языковой вариативности проприальной лексики в зависимости от типа структуризации общества. Переосмысливаются способы и приёмы идеологизации онимного сознания в Донбассе, где «коррекция» онимфонда достигла предела возможной допустимости, связанной с поэтапной ломкой системы общественных отношений: 1) идеологической ревизией корпуса собственных имён после социалистической революции 1917 г. и закреплением в онимном сознании символов коммунистической эпохи; 2) национальном «переосмыслении» онимфонда после распада СССР, связанном со строительством мононациональных государств, не являющихся ими по факту совместного прошлого и с точки зрения современных рыночных отношений.

Ключевые слова: мотивированная ономастика, идеологизация онимного сознания, норма в ономастике.

Постановка проблемы. Мотивированность как одна из главных черт современной ономастики начала формироваться в русской культуре с момента принятия христианства и завершилась к началу XX в. К этому времени в России были созданы все условия для появления основных пластов онимной лексики, не зависящих от отношения к ним номинаторов. Вариативность, возможная в живом общении, не могла отныне отражаться в паспорте, «Общем гербовнике дворянских родов Российской империи», справочнике «Городские поселения Российской империи (1708–1913 гг.) или переписях населения (см.: [6; 8]). Устные антропонимные формулы, продолжающие быть языческими, в речевом общении тоже приобрели вторичный характер. Их нельзя было фиксировать в акте имянаречения, который курировала церковь, совершающая таинство крещения с опорой на Святцы. Топонимия тоже преодолела черту стихийности: она регулировалась указами и связывалась с именами первопроходцев, собственниками имений, мануфактур, фабрик или заводов.

Канонизация и светская регламентация отграничили протоонимное мышление восточных славян от цивилизационной онимной культуры России, охваченной режимом всеобщей мотивации. Её мощный социальный потенциал таил в себе, однако, и опасность идеологического воздействия на сознание при помощи собственных имён (СИ), нормы употребления которых вынужденно пересматривались. Проблема нормативности максимально обострилась на советском и постсоветском пространствах, где идеологическая трактовка реальности достигла конфликтного уровня. Любой революционный всплеск сопровождался здесь переименованиями или изменениями онимных смыслов с попытками новых номинаторов искоренить «варварское», «имперское» или, позже, «советское» мышление. Внутренне упорядоченная структура конкретного СИ уступила место ситуативной обработке массового сознания внешними пользователями, закрепившими в праве свою власть над протоколом именованья [4].

Изложение основного материала. Об идеологической основе мотивированной ономастики в России можно говорить с момента её вступления в предреволюционную и революционную эпоху. «Имперская практика внедрения идеологической топонимии в России на присваиваемых территориях началась ещё с конца XVIII в., с колонизацией Новороссии и образованием новых городов в период правления Екатерины II. Однако действительно прослеживаемую политику в данном вопросе на всей территории Российской империи мы можем наблюдать со второй половины XIX века» [2, с. 155]. Именно в это время была сформулирована идея «официальной народности» («Православие», «Самодержавие», «Народность»), одобренная Николаем I и материализованная Николаем II в Указе от 31 августа 1914 г. о переименовании Санкт-Петербурга в русский Петроград. С этой даты и следует вести отсчёт о вступлении России в не осмысленный теоретически, но осознанный практически постисторический этап развития общества, связанный с социальными трансформациями и революциями.

Следуя логике социалистического строительства власть над процессом именованья была передана местным советам, обязанным поддерживать стратегию нетерпимости к церкви, царю и дворянской элите. Такую линию закрепил «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» [1], который провозглашал отделение церкви от государства, школы от церкви и разрывал связь между правовыми актами и религиозными обрядами. Крестильные имена оказались в опале, а обеднённая православная культура стала быстро пополняться «обновлёнными» именами, типа *Жанна Сталина, Вилен, Нинель, Даздраперма, Оттошминальд* и т. п. Они «своей необычностью бросались в глаза, это-то и принимали за главную перемену в именнике. А на самом деле, они были поверхностны и несущественны для основных глубинных процессов, неброских и малозаметных тогда, зато подлинно массовых, которые не ломали прежнего списка имён, но перестраивали самую толщу именника» [5, с. 68].

Впрочем, несмотря на то, что мода на экзотичные личные имена к 30-м гг. XX в. стала затухать, она продолжала выполнять свою идеологическую функцию в других разрядах онимной лексики. С 1918 г. внешне постулируемая «свобода выбора» в сочетании с классовым подходом к ономастикону вынуждала граждан «по собственной инициативе» отказываться от фамилий и отчеств из-за «неудобного» происхождения. Стимулировал этот процесс Декрет от 11 (24) ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», в котором упразднялись все существовавшие «сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения», а также чины и титулы: «Всякие звания уничтожаются... и устанавливается одно общее для всего населения России наименование – граждан Российской Республики» [1, с. 72].

Православная модель имянаречения была перенесена в светскую парадигму и «доверена» семье под контролем государства, которое всячески поощряло появление имён-символов, опирающихся на Декрет 1918 г. «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища» [1, с. 520–521]. Его суть сводилась к теории классовой борьбы, предполагающей деление граждан на класс пролетариев и класс эксплуататоров.

Исходя из этой теории, паспорт с указанием национальности, сословия и места жительства упразднялся. Вместо него рабочему классу выдавались трудовые книжки, а бывшей буржуазии – временные трудовые свидетельства с преамбулой «Кто не работает, да не ест. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Естественно, что имена, типа *Абдалла, Абдурахман* от араб. *абд* «раб», фамилии и их «национальные дополнения», напоминающие о церковном, нерусском или старорежимном происхождении (*Архангельский, Архиереев, Саркисян, Мамед Салим-оглы, Жандармов, Офицеров, Генералов, Оболенский*) подвергались «добровольной» замене.

На основе идеологии пересматривалась и топонимная система. В словаре Е.М. Поспелова [7], например, «...учтено около 2500 наименований городов, посёлков сёл, улиц и других объектов бывшего СССР, которые с 1917 г. хотя бы однажды подвергались переименованиям» [2, с.154], но и это далеко не полный их перечень. Больше всего от этого процесса пострадала бывшая Новороссии, оказавшаяся в составе новой административной единицы – *Донецкой губернии*.

Отчёт истории Донецкого края начинают, как правило, с XVIII в. При этом ссылаются на подписанный в декабре 1722 г. Петровский указ об использовании каменного угля для выработки соли или на указ Екатерины II от 14 ноября 1795 г. о строительстве в Донбассе литейного завода и шахты. Говорят и о более ранних датах – 1590–1600-е годы, связанные с появлением промыслов по добыче соли. Само название, однако, зафиксировано только 1 августа 1827 г., когда обширная территория Юга России была названа *Донецким горным краем*, затем *Донецким бассейном*, *Донецким горнопромышленным районом* и, наконец, *Донбассом*.

Внешне похожим был и путь, проделанный названием *Кривбасс: Криворожский рудный бассейн*, *Криворожский рудный район* и, в итоге, *Кривбасс*.

Это совпадение было не случайным.

Во-первых, потому что и тот, и другой бассейны были связаны с залеганием полезных ископаемых, необходимых для обеспечения работы металлургического комплекса.

Во-вторых, потому что освоение рудного края было вторичным и «обязано» строительству в 1884 г. железной дороги, соединяющей Донбасс с Кривбассом.

Но были и серьёзные отличия, связанные с ареалом их известности.

Месторождения рудного Кривбасса вытянуты в виде узкой полосы протяжённостью более ста и шириной более шести километров в районе *Кривого Рога* и охватывают только территорию Украины (часть *Днепропетровской*, *Полтавской*, *Кировоградской* и *Запорожской областей*).

В отличие от Кривбасса угольный Донбасс не вписывается в границы отдельного государства. Он исторически складывался не только из Донецкой и Луганской областей (Малый Донбасс), но и Днепропетровской, Ростовской областей (Большой Донбасс), а также Белгородской, Запорожской, Курской, Сумской и Харьковской областей Украины и России (Пограничный Донбасс) [3, с. 16–22]. Донбасс стал ассоциироваться с неоконтурным, но психологически осмысленным районом заселения Дикого поля вполне конкретной многонациональной общностью. Об этом, в частности, свидетельствует употребление *на Донбассе* (на территории угольного бассейна), но *в Донбассе* (отдельно осмысленной национально-территориальной единице). Таких смыслов для топонима *Кривбасс* не зарегистрировано.

Главным для самобытности края стала не территория, а культура населяющих его народов. Истории Донбасса предшествовала уникальная история Степи, тысячелетиями формировавшей не географическое или промышленно-индустриальное понятие «Донбасс», а этнопсихологическое представление о его людях, связанное с типом их мышления и жизнедеятельности. Последнее оказалось определяющим, поскольку пережило физические возможности Донецкого края и обеспечила ему стратегию развития, связанную с идеей культурного взаимообогащения населяющих его народов.

Поиск этого пути начался с истории борьбы «соляного» атамана Кондратия Булавина за самостоятельное освоение края и казацкую вольницу, отдельную как от подчинения старшинам Сечи, так и от чиновничьей диктатуры крепостнической России (1707–1708). Однако особого размаха движение за статус Донбасса достигло в постреволюционный период, о чём свидетельствует переподчинение этой территории

разным собственникам и максимальное количество удачных и неудачных именовании и переименований: *Донецко-Криворожский бассейн* (декабрь 1917 г.); *Украинская Советская Республика* на территории индустриальных областей Украины (декабрь 1917 г.); *Донбасс* на территории *Войска Донского* и *Харьковской* и *Екатеринославской губерний* (декабрь 1917 – январь 1918 г.); *Донецко-Криворожская Советская Республика* в составе РСФСР, включающая *Харьковскую*, *Екатеринославскую*, часть *Херсонской губерний* и прилегающих к ним промышленных районов *Области Войска Донского* (современные *Днепропетровская* и *Запорожская области*) и частично *Сумскую*, *Херсонскую*, *Николаевскую области* Украины и *Ростовскую область* РСФСР (февраль 1918 г.); *Украинская Советская Республика*, объединившая все советские государственные образования Украины (в том числе *Донецко-Криворожскую Советскую Республику*); *Донецкая губерния* с центром в г. Славянске (февраль 1918 г.); *Донецкая губерния* с центром в г. Луганске (март 1920 г.), включающая *Изюмский* и *Старобельский уезды Харьковской губернии*, *Бахмутский*, *Мариупольский* и *Луганский* (бывший *Славяносербский*) *уезды Екатеринославской губернии*, *Таганрогский* и *Черкасский округа Области Войска Донского*; *Артёмовский*, *Луганский*, *Мариупольский*, *Сталинский* и *Старобельский округа* (июнь 1925 г.); упразднение округов и передача районов в республиканское подчинение со столицей в г. Харькове (сентябрь 1930 г.); *Донецкая область* (июль 1932 г.) с административным центром в г. Артёмовске (с 17 июля 1932 г. по 9 ноября 1961 г. – *Сталинской* с центром в г. Сталино); *Сталинская* и *Ворошиловградская области* (1938 г.); разделение Донбасса между *Донецкой*, *Луганской*, *Днепропетровской*, *Запорожской* и *Ростовской* областями СССР и РСФСР (1939 г.); отделение от Украины части *Донецкой области* и создание *Донецкой* и *Луганской Народных Республик* (2014 г.).

Не менее драматичной выглядит и история переименований территорий Донбасса.

На первом этапе согласно Декрету от 27 января 1918 г. «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих» [1] право производить административно-территориальное деление и переименования, было делегировано местным советам. Для устранения анархии на местах он был откорректирован Постановлением СНК от 25 июля 1919 г., согласно которому порядок административно-территориального деления утверждался НКВД «по представлению местных органов».

Однако это требование было проигнорировано Донецким губисполкомом. В конце 1922 г. он разослал циркуляр № 90 о необходимости «пересмотреть названия населённых пунктов, имеющих династические и религиозные названия». Одними из первых в список переименований попали населённые пункты *Таганрогского*, *Шахтинского*, *Старобельского*, *Мариупольского*, *Луганского* и *Юзовского округов*;

Большинству казалось, что эти изменения вписываются в «открытую» идеологию донбассовца [277, с. 26–75], сформированную на началах взаимопроникающего единства времён, поколений и народов:

а) многонациональности: *Старый Керменчик // Старомлиновка, Бешево // Старобешево // Новобешево, Чермалык // Заможное, Большой Янисоль // Великая Новосёлка, Хацапетовка // Углегорск, Каракуб // Раздольное, Павловск // Мариуполь*;

б) интернационализма: *Карло-Либхетовск, Нью-Йорк, Дзержинск, Карло-Марксово, Тельманово, Полтавское, Харьковское, Сакко и Ванцетти, Константинополь, Криворожье, Греково-Александровка, Московское*;

в) оптимизма: *Счастье, Новый Свет, Золотое, Желанное, Весёлое, Беззаботовка*;

г) коллективизма: *НКМЗ, Ждановский завод «Тяжмаш», Енакиевский металлургический завод, шахта «Кочегарка»* и т. п.

Донбассовцы оценивали в них пафос, направленный на строительство мира, отвечающего реалиям заселения территории новыми собственниками.

Неоднозначность их трактовки проявилась потом, когда они стали ассоциироваться с неестественной заменой народных названий мемориализацией, разрушающей устоявшиеся модели именования: *Юзовка – Сталино; Мангуш – Першотравнево; Мариуполь – Жданов; Грюнталь – Мичурино; Гришино – Постышево – Красноармейск; Софиевка – Карло-Марксово; Тор – Красный Оскол; Петро-Марьевка – Первомайск; Луганск – Ворошиловград; Бахмут – Артёмовск; Алчевск – Ворошиловск – Коммунарск; Кадиевка – Серго – Стаханов; Михайло-Леонтьевская – Новошахтинск* и т. п.

Второй этап оимной истории, несмотря на Постановления ЦИК СССР от 7 января 1924 г. «О воспреещении переименования населённых пунктов, имеющих почтово-телеграфные учреждения» [69] и от 5 февраля 1924 г. «О воспреещении переименований именем В.И. Ульянова-Ленина без предварительного разрешения Президиума ЦИК СССР» [68], был связан со смертью вождя.

Интересны мотивы игнорирования указанных постановлений: «Тов. Шкадинов (председатель окружного исполкома) в своём докладе указал, что в Исполком поступило много заявлений от рабочих, работниц и селян с предложениями, как Исполком должен увековечить память тов. Ленина. Исполком в этом отношении довольно широко осведомлён с мнением трудящихся, вынесенных как индивидуально, так и на широких собраниях. Собрав все эти мнения, Исполком припомнил великие слова, сказанные Владимиром Ильичём: «Революционная война есть локомотив». На этом локомотиве был машинистом наш Ильич. По условиям нашего округа, где у нас преобладает стальная промышленность, а сама революция, изображавшая по словам тов. Ленина, локомотив, сделанный из стали, на котором, как уже говорилось, был машинистом тов. Ленин, Исполком считает, что символом, характеризующим нашего великого вождя тов. Ленина будет «сталь» и решили наименовать г. Юзовку – город Сталиным, а округ и завод Сталинским». За этим последовала резолюция: «Заслушав доклад по вопросу об увековечении памяти тов. Ленина, Юзовский Горсовет постановляет: г. Юзовку переименовать в г. Сталин, а округ в Сталинский». 8 марта состоялось заседание Пленума Юзовского Окрисполкома. На пленуме постановили:

- 1) Согласиться с постановлением Горсовета.
- 2) Юзовский округ переименовать в Сталинский.

3) Немедленно передать на утверждение Губисполкома о переименовании города и округа и просить таковой об утверждении».

Просьбу удовлетворили уже 6 июня 1924 г., о чём был издан Декрет ЦИК СССР «О переименовании города Юзовки в город Сталин, округа Юзовского в Сталинский и станции Юзово Екатеринбургской железной дороги в станцию Сталино».

Третий этап был связан с Великой Отечественной войной. Он затронул преимущественно Донбасс, в котором со времён Екатерины II проживало большое количество немцев-менонитов, имеющих статус свободных переселенцев и обладающих льготами и привилегиями. Становление Советской власти не изменило их особое положение: с 1924 по 1935 г. в Донбассе существовало два немецких района, где делопроизводство, образование, выпуск газет осуществлялись на немецком языке.

Ситуация кардинально изменилась с началом Отечественной войны. Уже 22 сентября 1941 г. вышел указ об их депортации в северный Казахстан. Из Сталинской области, в частности, было выселено около 65-ти тыс. немцев. В послевоенном Донбассе немецкие названия уже перестали иметь смысл и подверглись переименованию. На основании постановления Сталинского облисполкома от 2 июня

1945 г. *Нейгейм*, *Марксфельд* и *Грюнталь* были переименованы в *Тимошенко*, *Куйбышево* и *Зелёное Поле*; *Остгейм* – в *Тельманово*, а *Роте Фане* – в *Зерновое*.

Четвёртая волна была связана с развенчанием культа личности Сталина, «вымывшая» из советской топонимии всё, что о нём напоминало. Резонанснее всего это ударило по городу-герою *Сталинграду* (он стал *Волгоградом*), но и *Сталино* превратилось в *Донецк*, а *Ворошиловграду* возвратили первичную форму *Луганск*.

За этими манипуляциями с онимосферой просматривалась воля партийной номенклатуры, которая заменила христианско-символическую процедуру именования принципом мемориализации вождей, постоянно меняющих уровень своих компетенций и требующих очередного переименования:

Бахмут – Артёмовск – Бахмут (Украина);

Луганск – Ворошиловград – Луганск;

Мариуполь – Жданов – Мариуполь;

Юзовка – Сталино – Донецк и т. п.;

История таких идеологических взлётов и падений охватила два этапа.

1. Замена названий, типа *Юзовский металлургический завод*, на революционные, подчёркивающие равенство предприятий государственных форм собственности (*Донецкий металлургический завод имени И.В. Сталина*, *Гастроном № 1*, *Шахта «3-бис»*), что сопровождалось переименованиями и восстановлениями, устраняющими религиозный смысл и «собственнический» мотив номинаций, но устанавливающими веру в вождей и торжество коммунистических идеалов: *Юзовка > Сталино > Донецк*; *Святогорск > Славяногорск > Святогорск*; *Ковалёвка > Счастье*; *Мангуш > Первомайск > Мангуш* и т. п.

Для идентификации эргонимов им могли присваиваться номерные знаки, давались определения по названию территорий или использовались образные метафоры, по которым точно можно было определять характер их деятельности: *Гастроном № 1*, *Магазин «Океан»*, *Средняя школа № 2*, *Шахта «7-бис»*, *Ресторан «Плакучая ива»*, *Рембыттехника*, *Дом быта*, *Юный техник*, *Сталинский педагогический институт*, *Магазин «Детский мир»*, *Центральный универмаг* и др. Лучшим из них вручались ордена или присваивались имена коммунистических лидеров, культурных и общественных деятелей: *Донецкий ордена Трудового Красного Знамени индустриальный институт им. Н.С. Хрущёва*, *Ждановский металлургический завод им. Ильича*, *Донецкий медицинский институт им. Максима Горького* и т. п.

2. Коррекция онимного фонда после распада СССР, связанная с концепцией мононациональных государств, которые не могли ими быть ни по факту общего исторического прошлого, ни с точки зрения современной системы рыночных отношений. Противоречивость современного онимного строительства стала всё более очевидной.

Первое противоречие коснулось истории постсоветских государств, где национально маркированная онимная лексика стала подгоняться под требования «титულიной» нации, как это случилось в Украине. *Анна*, *Пономарёв*, *Филипп*, *Афанасий*, *пр-т Ватутина*. (г. Киев) стали документально фиксироваться здесь как *Ганна*, *Пономарів*, *Пилип*, *Панас*, *пр-т Романа Шухевича*, а *Никольское*, *шахта «Южнодонбасская»*, *Заречное* превращались в *Микільське*, *шахту «Південнодонбаська»* или *Зарічне* и т. п.

Второе противоречие охватило онимное пространство всего бывшего СССР. Здесь произошло перенесение процесса «свободной» номинации, характерной для рыночной экономики (*маркет «Я любимый»*, *Fast Food «На ходу»* (г. Донецк); *конфеты «Кочегар Петя»*; *Новый семейный ресторан «С.О.В.А 36»* (ул. Советская,

д. 36.) «Еда, вино и всё равно» (пос. Симеиз) на официальный процесс регистрации государственных, муниципальных или коммунальных предприятий. В них информация об онимном денотате и характере деятельности объекта их номинации стала подменяться сведениями о «назначенном» исполнительной властью собственнике:

- рус. **Шахта им. А.Ф. Засядько** > **Арендное предприятие «Шахта им. А. Ф. Засядько»** > **Публичное акционерное общество «Шахта им. А. Ф. Засядько»**;
- **Рославльский район** > **Муниципальное образование «Рославльский район»**;
- **Гимназия № 12 города Донецка** > **Муниципальное общеобразовательное учреждение среднего образования «Школа «Гимназия № 12 города Донецка»**;
- **Донецкий государственный медицинский университет им. Горького** > **Государственная образовательная организация высшего профессионального образования «Донецкий национальный медицинский университет им. Горького»**.

Между тем подобные трансформации не имели и не имеют никакого отношения к номинациям, поскольку в них произошло объединение СИ с её статусным определением, растворяющим онимный денотат в «более значимом» предикативном псевдоденотате, имеющем смысл разве что в тексте устава, например:

- **Шахта им. А.Ф. Засядько** – это **арендное предприятие...**;
- **Рославльский район** – это **территориальное образование, имеющее статус муниципального...**;
- **Гимназия № 12 города Донецка** – это **муниципальное учебное заведение среднего образования...**;
- **Донецкий государственный медицинский университет им. Горького** – это **государственное учебное заведение высшего профессионального образования... и т. п.**

В качестве выводов предлагается вычлениить в подобном «онимотворчестве» наиболее характерные ошибки.

1. Фиксация в одном названии двух и более якобы юридических денотатов (лиц): **Муниципальное общеобразовательное учреждение среднего образования «Школа «Гимназия № 12 города Донецка»**;

2. Использование кавычек для отсеечения реальных собственников от номинаторов: **Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»**;

3. Алогичное перенесение номинативной сути СИ в разряд сказуемых: **Государственная образовательная организация высшего профессионального образования (группа подлежащего) <это> «Донецкий национальный медицинский университет» (группа сказуемого)**;

4. Отказ владельцу в праве на склонение своего собственного имени:
– «учусь **«в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»** вместо «учусь **в Донецком национальном университете**»;

– **Бережной Николай Иванович (И.п.)** > от **БЕРЕЖНОЙ Н.И.** (далее после предлога «от» должен был следовать Р. п., но утверждённый работниками паспортных служб шаблон заявления на получение СНИЛС требует фиксировать фамилию прописными буквами и только в И. п., что превращает мужчину в женщину).

5. Ошибочное употребление заглавной буквы в качестве прописной для подчёркивания «особой значимости» номинации: **Глава городской администрации (ДНР), Кафедра «Теория и практика перевода» (Севастопольский госуниверситет)**;

6. Расширение неправовой информации, противоречащее лапидарности делового стиля: **Муниципальное дошкольное образовательное учреждение «Ясли-сад**

компенсирующего типа для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата № 167 города Донецка»;

7. Стремление к выделению любой номинативной конструкции прописными буквами, например, **ДОННУ**, в названии которого произошло объединение сокращённой части *Дон-* (*Донецкий*) с аббревиатурой *НУ*, что превратило сокращение *Дон-* в лжеаббревиатуру *ДОН-*, состоящую из трёх никому не известных слов;

8. Внедрение неоправданного количества прописных букв, кавычек и неоправданных пояснений: *Факультет «Техносферная безопасность» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Академия гражданской защиты» МИНИСТЕРСТВА по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий ДНР».*

ЛИТЕРАТУРА

1. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957.

2. Демьянов, К.В. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовых переименованиях городов в СССР / К.В. Демьянов, В.Г. Рыженко. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017, № 4 (16). – С.153–160.

3. 275. Мозговой, В.И. Там, где было Дикое поле...: очерки истории Донецкого края / В.И. Мозговой, В.Г. Ляшенко. / под общей ред. В.И. Мозгового. – Донец: Кардинал, 2001. – 336 с.

4. Мозговой, В.И. Социальность норм ономообразования / В.И. Мозговой. // Русский язык в поликультурном мире: V Международный симпозиум (8–12 июня 2021 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Сб. науч. статей. В 2-х т. Том I. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2021. – 354 с. С. 306–312.

5. Никонов, В.А. География фамилий / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

6. Пётр I. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. VI, 1720 – 1722, № 3890. – С. 486–493.

7. Пospelов, Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период / Е.М. Пospelов. - М.: Профиздат, 2000. – 224 с.

8. Список дворян, внесённых в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г. – Ставрополь: Новая типография Хаймовича, 1912. – 103 с.

V.I. Mozgovi

PROS AND CONS OF MOTIVATED ONOMASTICS (REGIONAL ASPECT)

The article analyzes the origins of motivated onomastics and the reasons for its transformation into an ideological factor, accompanied by a change in the socio-legal nature of its own behalf. The boundaries of the possible language variability of propical vocabulary depending on the type of society structuring are described. Methods and techniques of ideological consciousness in Donbasse are rethought, where the "correction" of the

onomophon has reached the limit of its admissibility associated with the phased breaking system of social relations: 1) the ideological audit of the corps of its own names after the Socialist Revolution of 1917 and the consolidation of the symbols of the Communist Epoch in these consciousness; 2) National "rethinking" onomophord after the collapse of the USSR associated with the construction of monofasonic states that are not in the fact of the joint past and from the point of view of modern market relations.

Key words: motivated onomastics, ideology of onimal consciousness, norm in onomastics.

УДК 81'373

И.А. Машкович
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный
университет имени Владимира Даля»

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЕДА» В ЛУГАНСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье описывается образное лексико-фразеологическое поле «еда» в луганской региональной картине мира, единицы которого отражают пищевую метафору, символическое, а также метафорическое переосмысление пищевой традиции народа. Выявлено, что когнитивные метафоры, которые представлены различными по структуре образными единицами, располагаются в периферийной зоне концептополя «еда», в своей структуре имеют не только универсальные, но и национально обусловленные компоненты. Концептуальная сфера «еда» служит богатым источником метафорической интерпретации различных сфер действительности, средством образной характеристики человека, его качеств.

Ключевые слова: концепт «еда», когнитивная метафора, пищевая метафора, метафоризация, концептное поле.

Многие ученые концепт «еда» рассматривают как лингвокультурную категорию, которая представляет собой объемную когнитивно-семантическую сущность, содержащую большое количество единиц и занимающую в системе национальных ценностей одну из ведущих позиций. По мнению Ф.Х. Тарасовой, пищевой код культуры является одним из базовых, а концептуальная сфера «еда» служит богатым источником метафорической интерпретации различных сфер действительности, средством метафорической характеристики человека и его свойств [4, с. 32].

Метафору в качестве сложного феномена, который вызывает значительный интерес, изучали такие ученые, как А.Н. Баранов, А.В. Боровкова, Т.С. Вершинина, Э.В. Будаев, Д. Берхо, Г.Г. Гак, О.И. Глазунов, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия, М. Джонсона, Дж. Лакоффа и мн. др. Известны также научные работы, посвященные анализу гастрономических метафор, таких ученых, как А.С. Бойчук, Н.П. Головницкая, Д.Ю. Гулимов, А.В. Олянич, Е.А. Юрина и др.

Актуальность исследования заключается в том, что впервые делается попытка описать образное лексико-фразеологическое поле «еда» в луганской региональной картине мира, единицы которого отражают пищевую метафору, символическое и метафорическое переосмысление национальной пищевой традиции. Метафору вслед за Дж. Лакоффом, М. Джонсом понимаем как когнитивную операцию осмысления и

описания одной понятийной сферы в терминах другой понятийной сферы. Метафорическое моделирование является одним из основных познавательных процессов в ментальной деятельности человека. По мнению Е. А. Юриной, мы познаем что-то новое по аналогии с уже известным, осмысливаем нечто абстрактное по образу и подобию чувственных и зримых феноменов [6, с. 206-207].

Цель исследования – охарактеризовать периферийную зону (метафорическую и метонимическую) концепта «еда» в региональной языковой картине мира.

Материалом исследования послужили данные, полученные путем анкетирования, а также наблюдения за речью жителей города Луганска.

Основная суть теории когнитивной метафоры заключается в том, что в основе процесса метафоризации находится процедура обработки структуры знаний, представляющих обобщенный опыт взаимодействия человека и окружающего его мира. М. Джонсон и Дж. Лакофф в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» первыми переосмыслили концептуальную теорию метафоры, связав ее с изучением картины мира. «Причина в том, что метафора традиционно рассматривается как вопрос просто языка, а не, в первую очередь, как средство структурирования нашей концептуальной системы и видов повседневной деятельности, которую мы выполняем. Разумно будет предположить, что одни слова не меняют реальности. Однако изменения в нашей концептуальной системе меняют то, что реально для нас, и влияют на то, как мы воспринимаем мир и воздействуем на эти восприятия» [3, с. 146].

По мнению Дж. Лакоффа, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). Некоторые области цели в процессе метафоризации структурируются по образцу источника, то есть происходит «когнитивное отображение» или «метафорическая проекция» [3, с. 9]. Область источника – это более конкретное знание, которое человек получает при непосредственном опыте взаимодействия с действительностью. Сфера цели же – менее ясное и конкретное, то есть «знание по определению». Ученый также пишет, что «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [3, с. 9].

Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, которые зафиксированы в языковой и культурной традиции определенного общества, называются концептуальными метафорами. Они могут образовывать согласованные концептуальные структуры более глобального уровня – «когнитивные модели», которые являются уже чисто психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по свойствам гештальты когнитивной психологии [3, с. 9-10].

В.И. Теркулов утверждает, что сущность метафоры – в структурировании некоторой категории по модели структурирования другой категории. Метафорическая проекция не локальна: она может захватывать любые компоненты сферы источника для определения сферы мишени. Также ученый отмечает, что механизм реализации когнитивной метафоры предполагает сосуществование двух процессов – высвечивания и затемнения. Под высвечиванием понимается выбор необходимых для когнитивного отображения элементов сферы цели и проекции на них элементов сферы источника. Затемнение же – это игнорирование каких-то элементов сферы источника [5, с. 44].

В системе языка, по мнению А.В. Боровковой, когнитивные метафоры могут быть представлены разными по структуре образными единицами: языковыми метафорами, идиомами, перифразами, образными словами с метафорической внутренней формой, устойчивыми образными сравнениями и др. [2, с. 5].

Под базовой когнитивной метафорической (метонимической) моделью, понимается устойчивая аналогия, основанная на сходстве (смежности – для метонимии) между нетождественными явлениями различных концептуальных сфер, обеспечивающая осмысление познаваемого феномена из сферы-мишени в «терминах» прототипического феномена из сферы-источника [1, с 17-18]. Не только базовые метафорические модели носят универсальный характер и присутствуют во всех языках мира. Стоит отметить, что обнаруживается и множество частных устойчивых аналогий между метафорически уподобляемыми явлениями [6, с. 208]. Например, форма продукта питания или кулинарного изделия может выступать образным эталоном для характеристики формы частей тела человека (*нос картошкой; щеки-пышки* и т. п.); свойство пищи метафорически проецируется на черты характера человека (*полон укуса*, т. е. язвительный человек, *окунь замороженный*, так говорят о неподвижном человеке и т. п.). Данные факторы подтверждают универсальность гастрономических образов как источника метафорических аналогий и характеристик широкого круга объектов действительности. Исходная сфера метафорических проекций может содержать представления о продуктах питания, блюдах, процессах приготовления и поглощения еды и др. В основе метафорических проекций могут находиться разные аспекты исходного образа: форма, размер, вкус, цвет, способ приготовления и употребления, консистенция и др. [2, с. 5-6].

Когнитивная метафора – это модель, укоренившаяся в сознании носителей языка и воспроизводящаяся в речи. В таком случае в данном исследовании сферой-источником метафорических проекций является понятийная область «еда», а сферой цели – разнообразные концептуальные сферы, явления которых подлежат образному означиванию и метафорической номинации. Е.А. Юрина пишет, что пищевая метафора реализует центробежную тенденцию метафорического миромоделирования, объединяя частные метафорические модели по их общему «левому» компоненту (сфере-донору). Метафорические модели в качестве концептуальных структур нашего мышления объективируются в языке посредством образных языковых единиц с метафорической семантикой [6, с. 208].

Базовые категории концептного поля «еда» в луганской региональной языковой картине мира представлены в виде ядра – «еда»; центральной зоны – «названия блюд, напитков, продуктов питания»; периферии. Проведенное исследование позволило выделить периферийную (метафорическую и метонимическую) зону, которая содержит следующие микрополя:

– Еда как жизненная необходимость (еда выступает в качестве первоосновы жизни человека, без нее невозможно существование живых организмов): *Без ума проколотишься, а без хлеба не проживешь; Каша – мать наша, а хлеб – кормилец; Сам Бог велел подкрепиться; Без соли, как и без воли, жизнь не проживешь; Какие еда и питье, такое и житье; Хлеб топтать – значит народу голодать; Щи да каша – пища наша; Поел, аж легче стало, можно и дальше жить/работать; Без еды и воды ни туды, ни сюды; Мясо частый гость на столе/мясо дорогой гость на столе; Какие еда и питье, такое и житье* и др.

– Еда как праздник: *салат оливье, салат «Селедка под шубой», мандарины, холодец/холодное/холодчик* (Новый год), *салат «Мимоза»* (8 Марта), *гусь/утка с яблоками* (Рождество), *конфеты-николайчики* (День святого Николая), *паски/пасхи/куличи, крашенки/писанки* (Пасха) и др.

– Еда как соблюдение традиций: *Хлеб всему голова; Ешь кутью, поминай Кузьму; В пост редьки хвост; Спасет Бог того, кто поит да кормит, а вдвое того, кто хлеб-соль помнит* и др.

- Еда как символ гостеприимства: *Встретим их с хлебом и солью (хлебом-солью); У вас в доме и вода, как мед; Красна изба не углами, а пирогами* и др.
- Еда как символ жестокости: *Рубили, как капусту; Началась настоящая мясорубка* (о боевых действиях) и др.
- Еда как психологический аспект: *Ведет себя, как деловая колбаса; Они меня скоро съедят; Ведет себя, как овощ; Тоска ест сердце; Целыми днями ест домашних* и др.
- Еда как описание характера, качеств человека, его умственных способностей: *как вареный/красный рак* (об апатичном человеке); *как размазня (жидкая каша)*, *как квашня* (о безынициативном человеке); *полон уксуса* (о язвительном человеке); *еще ленивее ленивых голубцов, окунь замороженный* (о неподвижном человеке); *простокваша в голове, пепел и капуста в голове* (о глупом человеке); *Ведет себя, как овощ; Он прямо, как кисель; Он тоже, как и друг, ни рыба ни мясо; Он просто редиска!; Крепкий орешек!; Он не сахар; С ним кашу не сварить; Шут гороховый; Он может мозг выесть чайной ложкой; Дырку в голове выгрызет; Горе луковое* и др.
- Еда как характеристика предпочтений человека: *пельменная душа; хлебная душа, макаронная душа* и др.
- Еда как символ недовольства: *Забросать гнилыми помидорами; Забросать яйцами* и др.
- Еда как символ осознания вины: *Знает кошка, чьи сливки вылакала / чье мясо съела; Кто овцу не съест, виноват волк будет* и др.
- Еда как символ досады, негодования, возмущения: *Блин горелый; Хрен с тобой/с ним; На языке перец растет* и др.
- Еда как символ зависимости от кого-либо: *нахлебник* и др.
- Еда как символ стремительного развития: *Растет как на дрожжах* и др.
- Еда как характеристика погодных условий: *каша на дороге; размазня на улице; Крупа с неба сыплется; Небо было, как смородиновый коктейль* (впечатление о полете на самолете на восходе); *Небо прозрачное, как уха, хоть ложкой хлебай* и др.
- Еда как описание окружающего мира: *Небосвод обглодан, как горбушка* и др.
- Еда как описание эмоционального состояния человека: *как лимон проглотил, как антоновку* (сорт яблок, созревающих осенью) *летом съела; подожди, не кипятись; горько на душе* и др.
- Еда как характеристика внешности человека: *молочная кожа/кожа, как молоко, расцвела, как абрикоска; пальцы, как сардельки; голова, как кочан капусты; кожа, как персик; выглядишь, как огурчик; лицо, как кровавая отбивная; лицо, как репа; нос, как картошка/картошкой; фигура, как груша; кожа, как корка апельсина; шоколадные глаза, черные, как спелая смородина, глаза; пшеничные волосы; как пампушка; голова, как выбитый подсолнух; голова, как яичко; голый кочан; колобок у него подстриженный* (о лысом человеке); *как бочка с салом/пивом/тестом* (о толстом человеке); *суповый набор; ни сала ни мяса; как таранка* (о худом человеке) и др.
- Еда как характеристика выделений желез внутренней секреции: *сопли, как теплый кисель; слеза, как мед* и др.
- Еда как символ семейного очага: *Руки у бабушки теплые, как хлеб; Хлебом пахнет, сразу дом вспоминаю* и др.
- Еда как символ поощрения: *Мынтусов* (вкусоности не на каждый день) *на всех не хватит; Сладких пряников всем не хватит* и др.
- Еда как символ подготовки к чему-либо: *Суши сухари* и др.
- Еда как символ воздействия: *Кнутом и пряником; Как накормишь, так и поедет, Не накормишь, не поедет* и др.

- Еда как символ возраста: *крупa сыплется; каша сыплется; как печеное яблоко и др.*
- Еда как символ артефактов: *Вытяни бананы из ушей» (наушники); Кататься на банане; Сейчас в моду опять возвращаются бананы (брюки); Кроссовки просят каши (разорванная обувь).*
- Еда как символ количества: *Их там, как гороха в поле; Как семечек в подсолнухе, Как в бочке огурчиков; Как килек в бочке и др.*
- Еда как символ здоровья: *Ешь, пока рот свеж; Ешь, пока естся и др.*
- Еда как жизненная трудность: *Жизнь – вещь сложная, как пирог «Наполеон»; Не к тетке на блины едем; Хрен редьки не слаще; Пенку с варенья снимать ты будешь, а рискуют все и др.*
- Еда как символ стремления к цели: *Хочешь есть калачи, не сиди на печи; Не разбив яйцо, омлет не приготовишь и др.*
- Еда как символ хорошей жизни: *Все в шоколаде; Жизнь в шоколаде.*
- Еда как символ превосходства, умелости: *Щелкать задачи как семечки; Неуловимые, как чайники в кружке и др.*
- Еда как символ супружеской измены: *С рыбалки носить копченую рыбу; Заглядывать (скакать/прыгать) в гречку и др.*
- Еда как символ выражения презрения, иронии: *Может, тебе еще филе радужного единорога приготовить?; Возьми с полки пирожок /возьми с полки пирожок, средний из двух и др.*
- Еда как лекарство от физических и душевных недугов: *Лук семь недугов лечит и др.*
- Еда как объяснение рождения ребенка: *В вишнях нашли; С груши струсили; Капуста уродила; В огурцах нашли; За грибами ходили и тебя нашли; В бурьяках (свёкла) сидел и др.*
- Еда как символ ссоры: *Как два котa над салом; Соль рассыпать и др.*
- Еда как символ расставания: *Завяли помидоры и др.*
- Еда как символ плохого самочувствия: *Сделать винегрет (то есть стошнить, вырвать); Отравиться печеньем (с сарказмом) и др.*
- Еда как цвет: *Арбузная помада; Лимонные волосы после осветления и др.*
- Еда как символ обмана: *Лапшу на уши вешать; В кашу гвозди забивать; Гнилыми яблоками кормит; Батон крошить; Куриные яйца болтать; Травить тюльку и др.*
- Еда как символ близости смерти: *Скоро пирожки есть будем; Скоро будут пирожки с компотом (поминки) и др.*
- Еда как строительный материал организма: *Человек – это то, что он ест и др.*
- Еда как смерть: *Наесться сосновой каши; Отнесли в жердели (дикорастущий абрикос); В вишенки перебраться и др.*
- Еда как благополучие: *Жить, как кот в сметане; Как вареник/пельмень в сметане/масле и др.*
- Еда как символ нанесения телесных повреждений, драки: *Дать в сливу; Дать по кабачку; Дать редиски; Дать сала; Дать/надавать по гарбузу; Надавать по тыкке и др.*
- Еда как символ бедности: *Перебиваться с сечки на гречку; Перебиваться с хлеба на воду; Перебиваться с юшки на квас; Перебиваться с куска на кусок; Перебиваться с корочки на корочку и др.*
- Еда как символ пьянства: *Бражку потягивать; Выводить рогалики; Грибы собирать/собрать; Ногами бублики рисовать; Сливы заливать и др.*

– Еда как символ сродства: *Одним медом/маслом намазаны; Одного засола огурчики; Как две горошинки* и др.

– Еда как символ наркотической зависимости: *Медовые парни* (о наркоманах) и др.

– Еда как индустриальное богатство: *Уголь – наш хлеб* и др.

В процессе данного исследования было выявлено, что когнитивные метафоры представлены различными по структуре образными единицами; располагаются они в периферийной зоне концептополя «еда»; в своей структуре имеют национально обусловленные, а также универсальные компоненты. Гастрономическая сфера является основой концептуализации мира, представляет собой один из важнейших этнических модулей, благодаря которому народ выстраивает свой национально специфический образ мира. В основе метафорических проекций содержатся разные аспекты исходного образа: форма, размер, вкус, цвет, способ приготовления и употребления, консистенция и т. д. Пищевые образы – зримы, ощутимы, понятны всем, а также узнаваемы; делают кулинарную метафору предельно эффективным средством эмоционально-психологического воздействия. Перспективы дальнейшего исследования мы видим во всестороннем изучении и описании концепта «еда» в региональной картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю / А.Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Ин-т рус. яз., 1991. –193 с.

2. Боровкова А.В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей / А.В. Боровкова // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2015. – №396. – С. 5–13.

3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж Лакофф, М. Джонсон. – М., 2004. – 256 с.

4. Тарасова Ф.Х. Паремии с компонентом «пища» в татарском, русском и английском языках: лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты / Ф.Х. Тарасова. – Казань, 2012. – 178 с.

5. Теркулов В.И. Основы когнитивной лингвистики: учебное пособие / В.И. Теркулов. – Донецк: ДонНУ, 2019. – 110 с.

6. Юрина Е.А. «Пищевая метафора»: объем и границы понятия / Е.А. Юрина // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. – №3-1 (63). – С. 207–212.

I.A. Mashkovich

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT «FOOD» IN THE LUGANSK REGIONAL PICTURE OF THE WORLD

The article describes the figurative lexico-phraseological field «food» in the Luhansk regional picture of the world, the units of which reflect the food metaphor, symbolic and metaphorical rethinking of the national food tradition. It was revealed that cognitive metaphors, which are represented by figurative units of different structure, are located in the peripheral zone of the concept field «food», in their structure they have not only universal, but also nationally determined components. The conceptual sphere «food» serves as a rich source of metaphorical interpretation of various spheres of reality, a means of metaphorical characteristic of a person and his properties.

Key words: *concept «food», cognitive metaphor, metaphorization, food metaphor, concept field.*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФАМИЛИЙ ДОНЧАН

Статья посвящена вопросам изучения лексико-семантических и структурно-семантических характеристик родовых наименований дончан. Эти особенности указанных единиц автором понимаются как смысловые характеристики, получившие лексическое и структурное оформление в фамилиях жителей Донбасса. Исследованию этих вопросов уделяли внимание многие ученые. Однако специфические характеристики фамилий дончан остаются малоизученными. Целью выполненной работы являлся анализ фамилий жителей Донецкого региона и установление особенностей, которые они фиксируют. В процессе анализа массива наименований рода было установлено несколько типовых групп фамилий жителей Донбасса. Выявлено наличие изменений смыслового значения в фамилиях современного поколения донбассовцев. Результаты выполненного исследования представляют интерес как для ученых, так и самих носителей фамилий. Информированность о происхождении, смысле и значении собственной фамилии, названия своего рода, повышает самооценку личности, предопределяет появление ответственности за совершаемые поступки перед всем родом в настоящем и будущем.

Ключевые слова: наименование рода, динамика изменений, региональные особенности

В современной официальной коммуникации каждого отдельного члена общества принято именовать личным именем, отчеством, а также фамилией, которая имеет особое значение. Она называет родовое имя, которое передается по наследству.

Ученые разных стран постоянно проявляли интерес к изучению фамилий своих представителей, в том числе и к исследованию русских фамилий, рассматривая их как свидетельства развития истории и культуры, как явления языка, констатирующие те или иные моменты становления нации. Среди работ, касающихся этой темы, следует отметить исследования Н.М.Карамзина, Е.П.Карповича, А.Балова, М.Я.Мирошкина, Н.М.Тупикова, А.М.Селищева, В.А.Чичагова, а также труды известного лингвиста А.А.Реформатского, который на примере фамилий описывал функционирование имен собственных в языке.

Представляют интерес работы О.Н.Трубачева, доказывавшего, что русские фамилии в условиях существования России образуются не только от исконных русских слов. Его идеи получили развитие в трудах Н.А.Баскакова, уделявшего внимание русским фамилиям тюркского происхождения. Ученый подчеркивал невозможность характеристики русских фамилий лишь их соотносительностью к словам славянского происхождения. Кроме того, различные аспекты характеристик русских фамилий получили рассмотрение в работах В.А.Никонова, А.В.Суперанской и А.В.Сусловой, Б.А.Успенского, Е.С.Отина, С.В.Фуниковой, В.М.Калинкина и др.

За рубежом изучение характеристик русских фамилий нашло отражение в трудах Б.О.Унбегауна. Бесценна монография ученого «Русские фамилии», являющаяся уже длительное время справочником по истории и морфологической структуре родовых наименований жителей Санкт-Петербурга начала XX века.

В современном обществе постоянен интерес к исследованию собственных имен и фамилий. Тем не менее специфические характеристики региональной антропонимики остаются еще недостаточно изученными

Актуальность и практическая значимость темы нашей работы предопределяется ростом интереса к ней как ученых, так и самих носителей фамилий к истории своего рода. Получение (знание) информации о происхождении, смысле и значении своей фамилии, названии своего рода способствует повышению самооценки личности, а также повышению ответственности за совершаемые поступки.

Цель нашей работы – анализ фамилий жителей Донецкого региона и выявление специфических семантических особенностей, которые они фиксируют. Предмет исследования – фамилии студентов-первокурсников Донецкого национального технического университета. Наблюдение осуществлялось в течение нескольких лет.

Под специфическими семантическими особенностями фамилий жителей Донбасса мы понимаем совокупность смысловых характеристик, нашедших реализацию в их оформлении.

Согласно материалам словарей и исследованиям ученых, слово «фамилия», пришедшее в русский язык из латинского посредством западноевропейских языков, характеризовалось множеством значений. Только к XIX в. слово «фамилия» в русском языке утвердилось в значении – родовое наименование, приобретаемое при рождении. Обычно человек низшего сословия носил фамилию, образованную от имени хозяина или отца (Семенов, Алексеев, Назаров). Базой для образования русских фамилий могли быть черты человека (Бирюков, Писаная, Легоньякая, Криворотов), трудовая деятельность (Портная, Ткач, Зборщик, Стрельников), прозвища (Горбун). Мастер точного слова Н.В. Гоголь в своих произведениях часто использовал для называния героев эти особенности образования русских фамилий, давая им «говорящие фамилии». Например, в его произведении «Ревизор» мы встречаем такие действующие лица: пристав Уховертов, полицейский Держиморда, судья Тяпкин-Ляпкин, почмейстер Шпекин (шпек- шпик), и, конечно, главный герой – Хлестаков.

Официальное родовое имя человека в славянских традициях включает, кроме фамилии и имени еще и отчество. Первые формы отчеств найдены в списках русских послов еще в 945 г. Однако фиксировались они иначе, например: Иван сын Петра. Только в XI веке форма «отчество» утверждается как факт связи детей с отцом, как проявление уважения к человеку с отчеством, которого незнатные и лично не свободные люди не имели. Это явление нашло отражение в романе А. Толстого «Петр I». Так, в эпизоде оформления договора на поставку корабельного леса между Иваном Бровкиным и Петром I, который составлял его помощник Меньшиков, пожилой Иван Бровкин падает на колени перед молодым Петром I, когда тот дает ему отчество – Петрович. Теперь Иван Бровкин лично свободен и знатен. Процесс присвоения имени семье наблюдался в течение длительного периода, как констатируют историки, с XV века, а завершился в XIX в. Первыми этой чести были удостоены члены высшего сословия, представители низшего получили их последними.

Исследуемый массив включал 300 единиц наименований рода, т.е. фамилий наших современников за 2018/19 и 2020/21 гг., т.е. с учетом временных характеристик.

Изучение собранного массива исследуемых единиц в 2020/21 гг. демонстрирует изменения, предопределенные изменением духовных ценностей данной социальной общности, разнообразием, самобытностью и неповторимостью образа жизни дончан. Если в предыдущие периоды преобладали фамилии типа Ткач, Зборщик, Стрельников [2], то с течением времени миграция населения, вызванная различными причинами,

обусловила изменения лексико-семантических характеристик фамилий носителей русского языка, представляющих в настоящее время жителей Донбасса.

Во-первых, преобладают **фамилии, отражающие личные качества** ее носителей. Среди них четко выделяется подгруппа фамилий, имеющих семантическую характеристику **«лидер»**. Например: Гоик, Караманешт, Половинка, Мандрыка, Мухина, Харламов, Юрченко, Перлик. Вторая подгруппа фамилий жителей Донецкого региона выделяет такую основную черту личности ее носителя как бесстрашие в качестве преобладающей. Например: Агарков («храбрый»), Белая («свободная»), Бордюгов («стремление к свободе»), Гончаров («самостоятельный»), Деркач («самостоятельный»), Иванова («креативная»), Игнатенко («самостоятельный»), Курочкин («стремление к свободе»), Лаздынь («смелость»), Лефтеров («свободный, независимый»), Ложкин («стремится к свободе»), Слободяник (житель слободы, т.е. «села свободных людей»), Никитин («свобода, независимость»), Эктова («бесстрашный человек») и др.

Часто лексико-семантическая характеристика носителя определенной фамилии дает более глубокое представление **нескольких сторон этой личности**. Например: Половинка («дети из неполной семьи», «неограниченные возможности в технических и гуманитарных науках», «сильный характер»); Рябко («тонкий ум», «наблюдательность», «трудно подчинить себе», «стремится к личным достижениям»); Савенков («амбициозный, самостоятельный, усердный»); Шестаков («амбициозный, самостоятельный, усердный»); Яковченко («дерзок, отважен, остер»); Гембицкий («порядочность, доброжелательность, коммуникабельность»); Данилевич («развитая доброта, смелость»); Истягин («доброта, уравновешенность»); Никитин («свобода, независимость»); Олейник («прагматичный, жизнерадостный, осторожный, умный»); Самойленко («амбициозный, порывистый, инициативный, прагматичный, умный»); Сычев («страстный, прагматичный, честный»); Эктов («выносливый, сильный, бесстрашный») и др.

В фамилии дончанина может фиксироваться **оценка характера** ее носителя. Например: Коротач («сам себе создает трудности и проблемы»); Суворин («угрюмый, нелюдимый, суровый»); Куранбаев («практичен, эгоистичен, не лишен юмора и страстности»). Нередко в фамилии жителя Донбасса фиксируется разноплановость его характера, **сочетание положительного и отрицательного**. Например: Карпович («обильный, многоплодный» и «легкомыслен, желает плыть по течению, ставит на первое место карьеру, старается пользоваться чужими достижениями»); Драганчук («Легкомыслие, карьера, семья»); Балабан («пустомеля, балаболка; шалун, остролов»); Саевский («легкомыслие, стремление плыть по течению; не любит перемен, стремится к честности»); Терлецкий («эмоциональный, легкомысленный») и др.

Второй особенностью лексико-семантических характеристик, отраженных в фамилиях жителей Донбасса, является **принадлежность к древним, старинным родам**, т.е. **возраст родовых наименований**. Многие носители фамилий, проживающие в Донецком регионе, принадлежат к древним родам, информация об их основателях зафиксирована в архивных документах. Например: Агарков/Огарков (1397г., списки Вел.кн. Василия Дмитриевича), Гончаров (1495г., Новгородские архивные грамоты), Коротач (1471г), Мухин (ХУв), Куранбаев (1568г), Курочкин (1579г.), Рябко (1595г.), Деркач, Иванов, Половинка, Самойленко, Сахоненко, Эктов, Терлецкий, Перлик – перечень переписи Всея Руси в век Ивана Грозного, Гембицкий (ХУ1в.-книга дворян Царства Польского); Сычев (1627г.), Олейник (1649г.-реестр войска Запорожского), Савенков, Ложкин (1628г.-Курские писцовые книги), Мандрыка (1649г., Черниговская губ.), Шестаков (1685г., Владимирская губ.), Лефтеров (1695-

1696гг, азовские греки, Екатерина 11), Бордюгов, Гоик, Харламов (XУ11в.); Истягин (1723г., Новгородская губ.); Амиров (1847г, казанские татары), Саевский (1893г.), Боч (1898г.).

Анализ фамилий дончан позволяет констатировать, что основа их родового наименования может ассоциироваться с **социальным положением**. Например: Никитин, Шестаков (русские дворяне), Гембицкий, Белая (польские дворяне); Данилевич (литовские дворяне); Иванов, (крестьяне), Рябов (холоп), Слободяник (свободные крестьяне)

Большинство фамилий дончан образованы от **имени основателя рода**. Например: Иванов (от муж. имени «Иоан»), Игнатенко (от крест имени «Игнатий»), Карпович (от муж. евр. имени «Карп»), Лефтеров (от греч. имени «Лефтер»), Савенков (от муж. имени «Савватий, Савва»), Шестаков (от муж. имени «Шеста»), Яковченко (от муж. имени «Иаков»), Никитин (от греч. имени «Никита»), Харламов (от греч. муж. имени «Харламбий»), Этков (от греч. муж. имени «Экт, Полиевкт»).

Среди фамилий дончан встречаются, образованные от **прозвища** основателя рода, например: Деркач (от глагола деркачить, трещать), Караманешт (от тюркского прозвища «караман», т.е. «овца, дающая ковровую шерсть»); Лаздынь (от башкирского прозвища «лаздын»-бурлак).

Часто жители Донеца являются носителями фамилий, основой которых служат **нарицательные слова**, например: Мухина, Сычева («фауна»); Курочкин (от «курица»), Булавин (от «булава»); Перлик (от «перл»-жемчужина); Драганчук (от славян. «драган»-«дорогой»); Амиров (от тюрко-араб. «амир-эмир», т.е. «князь, генерал»), Куранбаев (от Куран-«Коран» и «бай»-дворянин, феодал, князь, эмир).

Фамилии дончан могут характеризовать их **по внешности**, например: Агарков/Огарков («смуглокожий»); Белая («белокурая, белолицая»); Рябко («рябой от оспы человек») и др.

В числе дончан есть носители **«топонимических фамилий»**, образованных от названий городов или местечек, например: Терлецкий (местечко Терлец (Польша), с Терлица (Черкасская обл., Украина); Саевский (с. Саево, Сумская обл., Украина); Сахоненко (с. Сахновщина или Сахновцы, запад РФ).

Согласно выполненным исследованиям, проживающие в Донбассе носят фамилии, образованные **от названий профессий основателей рода**, например: Ковалев («кузнец»), Олейник («маслобойщик»), Гоик («лудильщик» - мастер, занимающийся лужением, т.е. покрытием железных изделий защитным слоем), Гончаров («гончар»), Ложкин («ложкарь»), Шевченко («швец»), Истягин («ремесленник»).

Таким образом, если в недалеком прошлом, в жизни предыдущего поколения (конец XX века) превалировали наименования рода, образованные от трудовых профессий, то в настоящее время наблюдается преобладание носителей фамилий, отражающих личные качества человека как положительные, так и отрицательные. Среди современных носителей наименований рода преобладают личности, главными смысловыми характеристиками фамилий которых являются самостоятельность и свободолюбие.

Анализируя структурно-семантические особенности фамилий дончан, целесообразно обратить внимание на широкое распространение среди них тех, которые имеют основу иноязычного происхождения. Например: Агарков (тюрк.), Караманешт (тюрк.), Лефтеров (греч.), Амиров (тюрк.-араб.), Куранбаев (тюрк.), Этков (греч.), Гембицкий (польск.), Терлецкий (польск.) и др. При этом иногда в форме наименования рода наблюдается функционирование двух основ, например: Куранбаев

(Куран + Бай). Приставки, суффиксы и окончания неравноценно используются в фамилиях дончан. Преобладают фамилии, образованные прибавлением к основе в форме собственного имени, прозвища или нарицательного слова, заканчивающегося на твердую согласную, **суффикса –ов**. Например: Лефтер – Лефтеров, Иван – Иванов, Карп – Карпов, Шестак – Шестаков, Экт – Эктов, бордюг - Бордюгов, амир – Амиров и др. Широко распространены среди жителей Донбасса фамилии, включающие **суффикс –ин**. При этом корень слова-основы, как правило нарицательного, заканчивается на –а или –я, например: курица – Курочкин, ложка – Ложкин, булава – Булавин, муха – Мухин. Реже в функции основы наблюдается имя собственное, например: Никита – Никитин, Сава – Савин. Также широко представлены среди жителей Донбасса носители фамилий с **суффиксом –енко**. Например: Игнатенко, Яковченко, Самойленко, Сахоненко, Юрченко, Шевченко, Пойденко. Иногда фамилии дончан могут образовываться с помощью **нескольких суффиксов**, например: Карпович, Курочкин, Савенков, Слободяник, Драганчук, Данилевич, Половинка.

Значительно реже среди дончан встречаются носители фамилий, которые образованы посредством суффикса –ев от основы на мягкую согласную (например: Сычев, Ковалев, Куранбаев) или суффикса –ач (Коротач, Носач).

Анализ структуры фамилий дончан позволяет утверждать, что в их образовании наиболее активны суффиксы –ов-, -ин-, енко, что реально отражает многонациональный состав русскоязычного Донбасса

Результаты исследования лексико-семантических и структурно-семантических характеристик фамилий дончан позволяют констатировать изменения состава их носителей, связанные как с постоянными для данного региона миграционными процессами (вахтовая трудовая деятельность и т.д.), так и с историческими событиями современной действительности. Изменения в обыденном существовании дончан предопределяют изменения представлений о человеческих ценностях. Подводя итоги, следует отметить, что фамилии, родовые наименования жителей Донбасса – это ценный источник по истории функционирования языков многонационального региона, его культуры. С ростом информационных технологий возрастает интерес к исследованию Интернет-коммуникации дончан, выбору псевдонимов (ников), которые используются ими в интернациональном общении. В перспективе представляет интерес исследовать процесс функционирования фамилий - псевдонимов жителей Донбасса с точки зрения изменения их значений с течением времени, связь этого явления с историческими фактами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения/ Н.А. Баскаков // Восточно-славянская ономастика.- М.: Наука, 1972.- 325с.
2. Мачай Т.А., Огурцов А.Ю. Лексико-семантические особенности фамилий жителей Донбасса/Т.А. Мачай, А.Ю. Огурцов// Гуманитарные науки: сб. науч. трудов 1У Респ. конф. молод. ученых, аспирантов, студ. «Науч.-техн. дост.-я студ., аспирантов, мол. ученых стр.-архит. отрасли».- Макеевка, 2018.- С.195-200
3. Реформатский А.А. Фамилии / А.А. Реформатский// Семья и школа.- 1963.- №2.- С.42-47
4. Селищев А.М. Избран. труды/ А.М. Селищев.- М.: Высш. школа, 1948.- 689с.
5. Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные рус. фамилии/ А.В. Суперанская, А.В. Суслова.- М.: Наука, 1984.- 175с.

6. Трубачев О.Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России (рус. фамилии и фамилии, бытующие в России) / О.Н. Трубачев // Этимология. 1966-М.: Наука, 1968. - С. 3-53
7. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Б.О. Унбегаун - М.: Прогресс, 1989 - 354 с.
8. Успенский Б.А. Избранные труды. Язык и культура / Б.А. Успенский - М.: ГНОСИЗ, 1994 - 686 с
9. Фуникова С.В. Структурные особенности русских фамилий с формантами на – ов/-ев и –ин/ С.В. Фуникова // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки, 2014. - №2. - С. 1-7
10. Чичагов В.К. Из истории рус. имен, отчеств, фамилий / В.К. Чичагов - М.: Рус. яз., 1968 - 241 с.
11. Никонов, В.А. Словарь рус. фамилий / В.А. Никонов - М.: Наука, 1993 - 234 с.
12. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова - М.: Азбуковник, 1999. - 944 с.
13. Энциклопедия русских фамилий. - М.: Мартин «Москва», 2007 - 846 с.

T.A. Machay

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF DONCHAN SURNAMES

The article is devoted to the issues of studying the lexical-semantic and structural-semantic characteristics of the generic names of the Donetsk people. These features of these units are understood by the author as semantic characteristics that have received lexical and structural design in the names of Donbass residents. Many scientists paid attention to the study of these issues. However, the specific characteristics of the surnames of Donetsk residents remain poorly understood. The purpose of the work performed was to analyze the surnames of residents of the Donetsk region and establish the features that they record. In the process of analyzing the array of genus names, several typical groups of surnames of Donbass residents were identified. The presence of changes in semantic meaning in the surnames of the modern generation of Donbass residents was revealed. The results of the research carried out are of interest to both scientists and the bearers of surnames themselves. Awareness of the origin, meaning and meaning of one's own surname, the name of a kind, increases the self-esteem of the individual, predetermines the emergence of responsibility for the actions performed in front of the whole family in the present and the future.

Key words: *genus denomination, dynamics of changes, regional features*

СОДЕРЖАНИЕ

Лексикология и стилистика

Бурляй А.С. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Параметры определения языковой личности донецкого журналиста	4
Евсеева М.Г. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Оценочные коннотации в современной донецкой речи	9
Замальдинов В.Е. (ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России») Лингвокреативный потенциал графиксатов-эргонимов Нижегородского региона	16
Салихова Э.А. (ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет») Специфика структуризации словарной статьи в региолектно-тезаурисном лексикографическом издании	21
Супрун В.И. (Волгоградский государственный социально-педагогический университет) Навской день: сохранение праславянской лексики в народной речи	27
Стародубец С.Н. (ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени ак. И.Г. Петровского») «Словарь народных говоров западной Брянщины» Павла Андреевича Расторгуева (Минск, 1973): архаичное и современное	32
Назар Р.Н. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Лингвокультурное направление исследований донецкой речи	37
Гладкая Н.В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Особенности современного интернет-сленга	42
Шаповалова А.Э. (НИУ «БелГУ») Изучение слов с национально-культурным компонентом значения с использованием инновационных технологий	45

Дискурсология и генристика

Брайловская Ю.П. (ГОУ ВПО ЛНР «Луганский государственный университет им. В. Даля») Особенности составления электронного словаря «гидронимы Луганщины»	51
Гордиенко В.П. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Языковая картина мира дончанина	57
Емельянова К.Ю. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Донбасс как лингвокультурный объект	64
Курмакаева Н.П. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Человек	70

в зеркале региолектной оценочности (по словарным материалам донецкого региолекта)

Лазарева Л.К. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет») Языковая личность студента-политехника	78
Ладнова Е. В. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Годонимы г. Ясиноватая: лингвокультурологический аспект	85
Мозговой В.И. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») Плюсы и минусы мотивированной ономастики (региональный аспект)	93
Машкович И.А. (ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля») Метафорическое представление концепта «еда» в луганской региональной картине мира	101
Мачай Т.А. (ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет») Семантические характеристики фамилий дончан	107

CONTENTS **Lexicology and Stylistics**

Burliay A.S. The determining parameters of a donetsk journalist linguistic identity	4
Yevseyeva M.G. Evaluative connotations in the modern donetsk speech	9
Zamaldinov V.E. Linguocreative potential of graphsats-ergonyms of the Nizhny novgorod region	16
Salikhova E.A. Specific structuring of the dictionary article in the regiolect-thesaurus edition	21
Suprun V.I. Navskoy den': preservation of the proto-slavic vocabulary in folk speech	27
Starodubets S.N. "Dictionary of folk dialects of the western Bryansk region" by Pavel Andreevich Rastorguev (Minsk, 1973): archaic and modern	32
Nazar R.N. Linguocultural direction of research of donetsk speech	37
Gladkaya N.V. Features of modern internet slang	42
Shapovalova A.E. The study of words with a national-cultural component of meaning using innovative technologies	45

Discourse and Genristics

Brajlovskaya Ju. P. Composition features of the electronic dictionary «hydronyms of Lugansk region»	51
Gordienko V.P. Language picture of the donchan's world	57
Yemelyanova K.Y. Donbass as a linguocultural object	64
Kurmakaeva N.P. Human in the mirror of regional valuation (based on the vocabulary materials of the donetsk regiolect)	70
Lazareva L.K. Language personality of the polytechnic student	78
Ladnova E.V. Godonyms of Yasinovataya: linguistic and cultural aspect	85
Mozgovoi V.I. Pros and cons of motivated onomastics (regional aspect)	93
Mashkovich I.A. Metaphorical representation of the concept «food» in the lugansk regional picture of the world	101
Machay T.A. Semantic characteristics of donchan surnames	107

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректурa статей авторам не высылается. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf. **Страницы не нумеруются.**

Объем статьи – 6 страниц (полных).

Размещение:

- формат бумаги – А 4;
- поля: сверху и внизу – 2,5 см., слева 3 см., справа 2 см.
- основной шрифт: Times New Roman , размер 12, стиль нормальный;
- абзацный отступ – 1 см.;
- межстрочный интервал – 1;
- первая строка – индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа)
 - вторая строка – инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю жирным курсивом: *М.Н. Иванова*;
 - третья строка – название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
 - четвертая строка – сведения о научном руководителе – печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках – (*Научн. рук. д.филол.н., проф. В.И. Теркулов*);
 - пятая (и при необходимости 6, 7 и т.д.) строка – название статьи – печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
 - через строчку – аннотация на русском языке (12 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова (3-5 слов, курсивом)
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине).
 - а. в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
 - б. для названий произведений используются "угловые" кавычки: «Война и мир»;
 - в. цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть "угловые" кавычки: «..."..."»;
 - г. необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;
 - д. если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

- е. Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М.Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.
(А.Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (12 кегль без абзацного отступа). Словосочетание **ЛИТЕРАТУРА** (Жирный) выравнивается по центру страницы. Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Формат: абзацный отступ – 1 см., выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35-36] Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. – Саратов: КомКнига, 2006. – 192 с.
2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. – С. 36–42.
4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19 – теория языка / Комаров Георгий Владимирович – Краснодар, 2007. – 24 с.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

И т.д.

2. Далее приводятся инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по правому краю) **на английском языке.**

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- текст аннотации на английском языке (12 кегль)
- ключевые слова (курсив).

УДК 81'42

Н.В. Гладкая

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Научн. рук. д. филол.н., проф. В.И. Теркулов)*

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ
В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: *прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал*

Текст текст текст ...

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М., 1973. - Т. 32. - Вып. 1. - С. 84-90.
2. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. – М., 1996. - № 5. – С. 74-85.
3.

N. V. Gladkaya

**THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED
TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION**

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepestems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: *precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential*

3. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают **рецензию** научного руководителя.

4. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

5. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.